

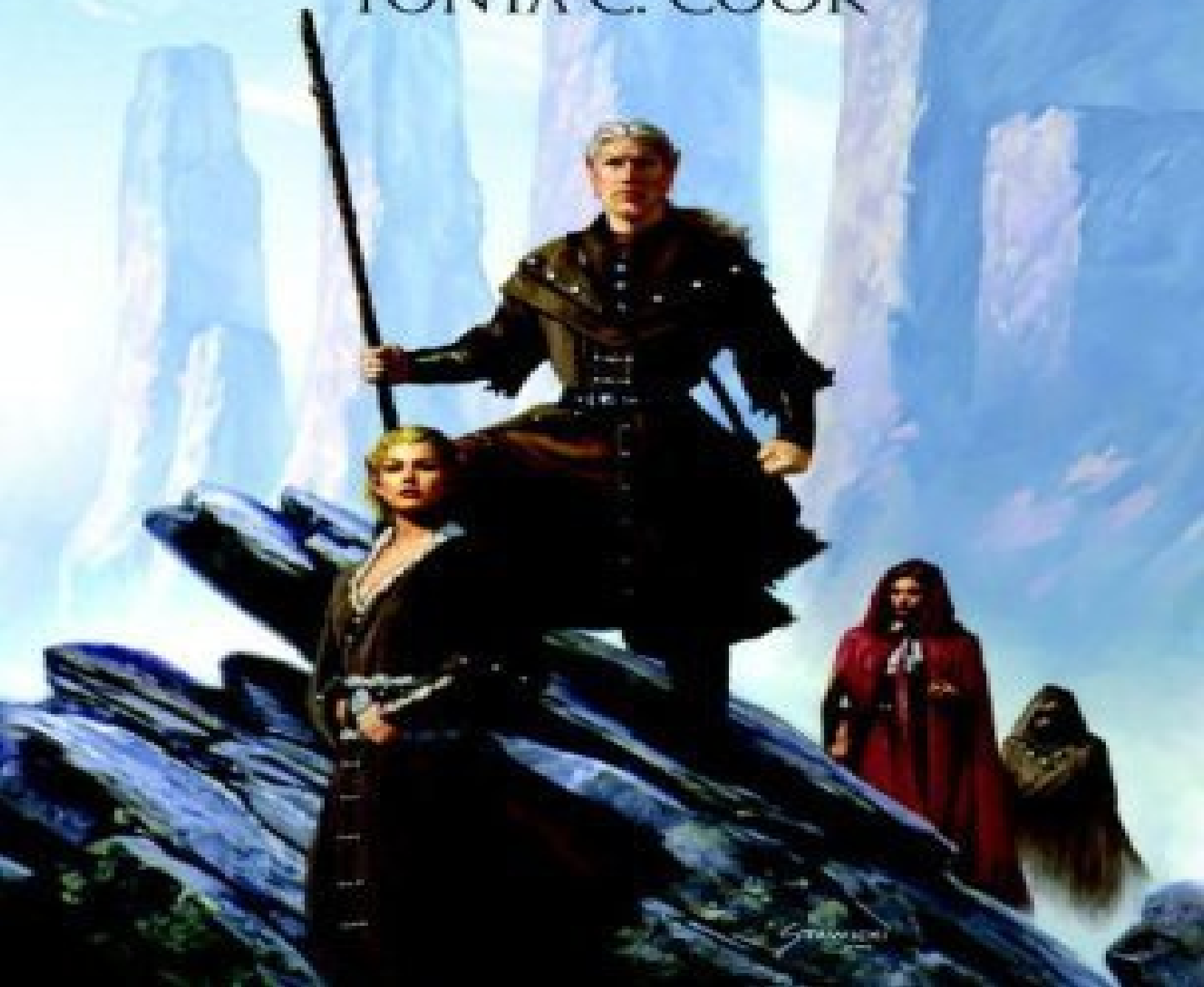
DESTINY

ELVEN | EXILEX

VOLUME THREE

PAUL B. THOMPSON

TONYA C. COOK

Гилтас Следопыт привел свой народ в новый рай — легендарную долину Инас-Вакенти. Но запретная долина привлекает и других. Искатели приключений и ученые, священники и сумасшедшие, злобные враги, все пришли туда. А кое-кто пришел из самой необитаемой долины. В это время, Кериансерай, наконец, воссоединилась со своим мужем, приведя на помощь беженцам свой отряд солдат с грифонами. Гилтас настаивает, что судьба эльфов лежит среди влажных туманов и бродячих призраков забытой долины, но никто не знает, прав ли он, или они с Львицей ведут азартную игру — а на кону выживание их народа.

Пол Томпсон и Тоня Кук

СУДЬБА

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Средь роц, под темными холмами,
Там поколенья приготовились; страданья,
Мука — все готово; к жестокой схватке.
Одержимость несчастного людского рода,
Что тщетно борется с безжалостной судьбой.*

Уильям Вордсворт, «Прогулка»

Инас-Вакенти не является убежищем для объединившихся эльфов Сильванести и Квалинести, последовавших из Кхура за Гилтасом Следопытом. Вынужденным последовать туда или оказаться лицом к лицу со своими врагами, эльфам пришлось выбирать между смертью от голода и гибелью в бою. Некоторые выбрали бой, и Портиос повел свою армию в Квалинести, чтобы бороться за освобождение охваченных тьмой земель. Керриан с Гилтасом делали все, что могли, чтобы удержать вместе остатки своего народа и раскрыть секрет, как освободить долину от ее загадочных блуждающих огоньков и призраков, но даже их усилий недостаточно.

Планы Фитеруса близки к завершению, и он пробирается к Лестнице Дальнего Видения, собираясь завладеть силой, дарованной Отцом, Который Не Сделал Своих Детей прежде чем оставить долину своей бесплодной участи. Никого не осталось противостоять злобному колдуну, кроме одного испуганного архивариуса, слишком хорошо осознающего могущество Фитеруса — и желание убить всех, кто попытается остановить его.

Помощь эльфам, наконец, пришла с неожиданной стороны, насильственно притащенная в долину Львицей, но даже теперь нет гарантии победы. Никто не знает, ждет ли их награда за терпение или лишь быстрая смерть, и не прочертить линию фронта, так как нет врага, с которым можно сразиться. Блуждающих огоньков невозможно убить, призраков невозможно изгнать, Инас-Вакенти невозможно заставить цвести.

Надежда не расцвела в долине, даже хотя Вейя-Лу прекратили свои нападения, а Са'ида принесла им надежду. Вся ставка сделана на проницательность Беседующего с Солнцем и Звездами, эльфа, объединившего племена и приведшего их в это место, Гилтаса Следопыта — а он умирает.

В коридорах без окон в глубине Кхури ил Нора тени были густы. На карнизах вдоль стены с промежутками были установлены открытые масляные лампы, но их свет едва пронзал мрак. Здесь, в Нор-Хане, центральной цитадели дворца хана, коридоры были не так запутаны, как во внешней части. Даже придворные со стажем могли часами блуждать по внешнему дворцу в поисках конкретной комнаты.

Сахима Закка-Кхура, Хана Всех Кхурцев, не беспокоил лабиринт коридоров или недостаток освещения. Он так много раз проделывал путь от своих личных покоев до тронного зала, что мог сделать это в полной темноте. Он вошел в небольшую личную боковую комнату и остановился, собираясь с мыслями и поглаживая искусно завитую бороду. Хотя он был уже в возрасте, в его черных волосах и бороде совсем не было седины.

Наконец, он поправил на голове корону. В последнее время та казалась тяжелее. Сказать по правде, хан носил под ней кольчужную шапочку от наемных убийц, но и сама корона — шапка двадцати пяти сантиметров высотой из плотной красной кожи, чей нижний край украшен цепочками золотых бус — ощущалась эти дни намного весомее. Уход *лэддэд* должен был облегчить его ношу, но этого не случилось. Даже теперь, когда изгнанники-эльфы находились в глубине пустыни, проблем у Сахима не стало меньше.

Лэддэд бежали из своих разоренных родных земель Сильванести и Квалинести, чтобы оказаться у стен Кхури-Хана, словно принесенные песчаным штормом обломки. Пять лет Сахим позволял им оставаться в обмен на сокровища, которые они жертвовали в его сундуки. С их уходом, он вернулся к выжиманию медяков из *сукатов*, а торговцы Кхури-Хана были известными скрягами. Конечно же, Сахим умел выжимать.

Он открыл дверь, и стражники в тронном зале отсалютовали поднятием позолоченных мечей. Сахим подождал, пока его глаза привыкнут к свету. Периметр комнаты был уставлен жаровнями и медными канделябрами, и все было залито светом. Разглядывая двоих ожидавших его гостей, он ощущал желание прогнать как можно больше мрака. Привычный зверинец из придворных и советников давно был в постели. Сахима приветствовали лишь его телохранители и эти двое посетителей. Посетители расположились далеко друг от друга, насколько позволял периметр зала.

Са'ида, верховная жрица Элир-Саны, стояла подле трона. Белое платье и длинные белые волосы придавали ей эфемерный вид, в противовес почтенному телосложению и печальному выражению лица. Самый главный священнослужитель кхурской богини исцеления, она редко покидала границы своего священного храма, ступать мужчинам куда было строжайше запрещено. Едва ли ей могла доставить удовольствие подобная встреча с таким негодяем и еретиком, как Кондортал.

Лорд Кондортал, кхурский эмиссар рыцарей Нераки, вошел в комнату не дальше, чем это было абсолютно необходимо, и стоял вплотную к огромным дверям главного входа. Нацеленный на наращивание своей мощи, и для достижения этой цели использующий магию и все виды темных обрядов, Орден Кондортала упорно трудился над расширением своего влияния в Кхуре. Сахим все время с неракскими рыцарями ходил по узкому краю, отказывая в большем присутствии в своих городах и предоставляя определенную свободу в окружавшей их открытой пустыне.

Макушка безволосой головы Кондортала блестела от пота. Сахим знал, что того

беспокоил не только жаркий кхурский климат. Недавно введенный ханский протокол требовал, чтобы Кондортал оставил своих личных слуг снаружи, и рыцарь чувствовал себя голым без них.

Встревоженный посетитель — неосмотрительный посетитель, так что Сахим заставил их ждать, томясь в компании друг друга, в жарком зале. На самом Сахиме был легчайший халат из тонкого красного шелка. С вышивкой на груди белыми и золотыми нитями в виде двух стоящих на задних лапах драконов, символа его собственного племени, обращенных мордами друг к другу.

Он не побеспокоился ответить на салюты своих солдат и поклоны посетителей, а умышленно неторопливо пересек зал, наслаждаясь весьма радующим глаз видом трона, что ждал его. Это было величайшее из сокровищ его народа, спрятанное от драконицы Малис во время ее оккупации Кхура. Высокое тяжелое кресло было покрыто листами сусального золота. Его веерообразную спинку украшали два звездных сапфира, каждый размером с два кулака Сахима, известные как Глаза Каргата, в честь кхурского бога войны. Рельефные позолоченные панели изображали знаменательные события правлений предшественников Сахима.

Усевшись и тщательно расправив халат, Сахим первой кивнул святейшей госпоже.

«Великий Хан», — немедленно начала та, — «последователи Торгана снова надоедали в городе моим жрицам. Сегодня к троим приставали в Большом Сууке».

«Изнасиловали?»

Са'ида сжала губы: «Нет, сир. Грубо хватали, но не насиловали. Из их рук выбили и растоптали товары, что они несли».

«Прискорбно. Не согласитесь, лорд Кондортал?»

«Прискорбно», — ответил издалека неракец, — «но едва ли меня касается, могущественный Хан».

Нет?» — Са'ида резко повернулась к нему, вплетенные в ее волосы крошечные медные колокольчики зазвенели, подчеркивая ее гнев. — «Говорят, что Сыновья Торгана берут деньги у Нераки».

«Возмутительные слухи, пущенные нашими врагами, эльфами». — Кондортал поклонился возмущенной жрице, но в его голосе не было почтения. Как обычно, он говорил чересчур громко, и Сахим был рад, что тот стоял так далеко. — «Могущественный Хан, вот из-за чего меня вызвали? Преступление в городе не касается моего Ордена. Позволю себе...»

«Я не отпускал вас».

Кондортал, наполовину развернувшийся в сторону двери, остановился и повернулся обратно. Ханская маска королевского спокойствия оставалась на лице, но голос его был властным.

Сменив интонацию, Сахим заверил Са'иду, что ее озабоченность принята к сведению. Городская Стража следила за активностью торганцев. «Эти провокации нацелены на меня, а не на ваш храм, святейшая госпожа, и я разберусь с ними. Несколько предводителей торганцев были схвачены».

Ему не пришлось добавлять *«и быстро казнены»*; все это и так понимали. Последователи Торгана Мстителя, кхурского воплощения бога Саргоннаса, поносили Сахима как тирана и неверующего, больше заинтересованного в получении чужеземных сокровищ, чем в сохранении Кхура чистым от внешней заразы. Когда-то в основном связанный с кочевниками пустыни — славящимися своей подозрительностью ко всем чужеземцам, к

которым они иногда относили и городских жителей Кхура тоже — культ Торгана распространился в городах. Небольшая церковь этого бога в Кхури-Хане была замечена в постоянном наращивании активности. То, что это могло быть связано с влиянием неракцев, было тревожным известием — не сюрпризом для Сахима, но, несомненно, тревожным. Будучи циником, он верил, что неракские деньги для торганской дерзости являлись гораздо большей шпорой, чем религиозный экстаз.

«Вас обоих позвали сюда, чтобы сообщить новости», — продолжил он. — «*Лэддэд* добрались до Долины Голубых Песков. Они отбились от кочевников, что преследовали их на всем пути из Кхури-Хана, и десять дней назад вошли в долину».

Похоже, эти новости не явились сюрпризом для Кондортала. У его Ордена повсюду были шпионы и информаторы. На лице жрицы отобразилась последовательность эмоций — удивление, облегчение и любопытство. Она спросила, что это означает.

«Это означает, что *лэддэд* покинули границы моего королевства».

Это удивило Кондортала: «Несомненно, Великий Хан, эта долина находится в кхурских землях».

«Эта земля не принадлежит людям. Если *лэддэд* остаются там, Кхуру нет до них дела».

Воцарилась тишина, пока Сахим подкреплялся из вложенного ему в руку поджидавшим слугой медного кубка. Его посетители обдумывали сообщенные им новости. Хотя оба они слышали одни и те же слова, их интерпретация для каждого была весьма разной.

Са'ида поняла, что хан довольно тонко просит ее помочь *лэддэд* в их борьбе за выживание. Он не питал к ним особой нежности, но и не старался уничтожить их все те годы, что они проживали в его королевстве. Его взаимоотношения с их вождем, Гилтасом, лучше всего описывались словом прибыльные. И была выгода в том, чтобы позволить *лэддэд* жить в Долине Голубых Песков. Неракские рыцари долго вынашивали планы уничтожения эльфов, и однажды вторглись и оккупировали обе эльфийские родины. Государство *лэддэд* в долине отвлечет внимание Ордена от столицы Сахима. Нахождение *лэддэд* вне границ Кхура также поможет успокоить страхи торганцев насчет чужеземного влияния. Торганцы ненавидели *лэддэд* еще сильнее, чем презирали Сахим-Хана.

Со своей стороны, лорд Кондортал интерпретировал слова хана таким образом, что тот считал, что ему повезло избавиться от эльфийской заразы, и что он больше не будет вступаться за них. Пока эльфы жили в кхурской столице, Сахим был связан своим обещанием защищать их — обещанием, купленным сокровищами эльфов. Когда этот поток сокровищ иссяк, закончился и радушный прием эльфов в королевстве Сахима. Они были сами по себе, без единого защитника в мире. Направленным против них усилиям Ордена больше не будет мешать необходимость в осмотрительности, необходимость не задеть гордость хана.

Рыцарь попросил дозволения отбыть. Сахим вяло махнул рукой. — «Да, ступайте. Расскажите своим хозяевам, что произошло».

Прежде чем уйти, Кондортал спросил: «Великий Хан, могу я осведомиться о принце Шоббате? Я несколько недель не видел его. Я молюсь, чтобы у Его Высочества все было в порядке».

Сахиму потребовалось все умение, чтобы сохранить лицо спокойным и безмятежным. — «У наследного принца все хорошо. Он отсутствует. Охотится».

Са'ида знала, что это ложь. За несколько недель до этого Шоббат пришел в Храм Элир-Саны, ища помощи, но одолевавший его недуг был не из тех, что могла вылечить Са'ида. Она

понятия не имела, ведал ли хан о состоянии своего сына. Возможно, Шоббат для того и бежал, чтобы тот об этом не узнал. Являясь хорошо осведомленным тираном, Сахим, скорее всего, все знал, но она чувствовала, что лучше держать при себе свое собственное знание на эту тему. Даровав хану благословение Элир-Саны, она покинула душный тронный зал.

Свободный от зрителей, Сахим откинулся назад, ощущая спиной прохладу золотых панелей. Что за парочка! Са'ида была в полтора раза его старше, столь же терпелива и настойчива, как гадюка. Она могла говорить с богами столь же легко, как обращаясь к Сахиму, и у нее была сила лечить практически любой смертельный вред, причиненный живому организму. Тем не менее, она лишь наблюдала и выжидала, жалуясь на торганцев, которых могла одолеть за одну ночь. Кто мог постичь такой разум?

По другую руку — Кондортал, словно ласка, слабый хищник, нападающий из засады и не гнушающийся падалью. Его предшественник, Хенгриф, был храбрым и опасным человеком. Сахим понимал Хенгрифа. Он мог иметь дела с подобными людьми, но у Кондортала не было даже щепетильности ассасина. Он мечтал, чтобы Кхур распался на части, перегрызшись из-за *лэددэд*, чтобы его Орден мог вмешаться и подобрать осколки. С тлеющим в Квалиности восстанием и бегством *лэددэд* в Долину Голубых Песков, что будут делать хозяева Кондортала?

Сахим жил в опасное время и в опасном месте. Он сталкивал друг с другом друзей и врагов, и выходил при этом обогатившимся и невредимым. Никто лучше него не мог балансировать на острие ножа неприятностей, разворачивая ситуации и людей к своей собственной выгоде. Это была рискованная игра, которой он наслаждался в полной мере.

Кроме...

Где, во имя Каргата, был Шоббат? И что стало с этим чертовым колдуном Фитерусом и тем охотником за головами, которого Сахим отправил приволочь его обратно?

Ветер швырял холод и сырость в лицо всаднику грифона. Намотав поводья туго на кулак левой руки, Кериансерай низко пригнулась к шее своего животного, изо всех сил погоняя его. Блуждающие огоньки приближались, и их число выросло. Она насчитала уже как минимум дюжину. Бока Орлиного Глаза вздымались от напряжения, в то время как огоньки устремлялись вперед и металась в стороны, поднимались по спирали вверх и штопором спускались вниз, все это время догоняя ее. Она надеялась, что остальные из ее патруля были в безопасности.

В безопасности. В этом понятии была заключена ирония. В какой безопасности мог быть каждый из них, пока они остаются в этой губительной долине?

Инас-Вакенти, как называли ее древние эльфийские хроники, Долина Молчания, и она воистину была безмолвной. Она лежала на северной границе кхурской пустыни, и ни единая муха или блоха не могли назвать ее домом. Кериан привела внутрь первую разведывательную партию. Они обнаружили, что долина скрывает множество секретов и не меньше проклятий. Ее растительность в основном представляла собой чахлые сосны и несъедобные кустарники. Дно долины было усеяно громадными каменными столбами, возвышавшимися лишенной отделки белизной над имевшей странный окрас сине-зеленой почвой. Эльфы подозревали, что эти камни были развалинами какого-то давно забытого города, но не могли проследить логики в их размещении, так что истинное предназначение камней оставалось загадкой. Вдобавок, Инас-Вакенти была полностью лишена животного мира, крупного или мелкого, а по ночам ее наводняли летающие световые шары, блуждающие огоньки, от прикосновения которых эльфы исчезали без следа.

Внезапно Орлиный Глаз ринулся вверх, и Кериан наклонилась вперед, еще крепче обхватив коленями его бока. Она не двигалась и не издавала ни звука. В этом не было необходимости. Орлиный Глаз был королевским грифоном и разумнее многих известных Кериан двуногих существ. Он явно осознавал опасность, которую представляли световые шары, и знал, что это гонка не на жизнь, а на смерть. Полет на максимальной скорости не сработал; блуждающие огоньки продолжали приближаться. Так что Орлиный Глаз напряг все мышцы в крутом подъеме. Земля с вызывавшей тошноту внезапностью уменьшилась, и Кериан, ощущавшая каждое изменение положения тела и напряжение каждого мускула грифона, внезапно поняла, что он собирался сделать. Она поспешно крепче затянула кожаный ремень вокруг талии, и горизонт перевернулся.

Широко раскинув крылья, Орлиный Глаз парил в верхней части петли. Вися головой вниз, Кериан бросила взгляд на своих преследователей. Ее сердце упало. Уже не дюжина, а как минимум втрое больше светящихся сфер гнались за ней по небу. Они широким конусом расходились от ее местоположения. Уже полдюжины двигавшихся впереди поднимались вслед за ней. Они были бледными, словно напряжение погони, наконец, начало сказываться на них, смывая окраску. Двигавшиеся позади все еще пульсировали трепещущими оттенками зеленого, синего, малинового, пурпурного и золотого.

Орлиный Глаз сделал поворот влево, снова вернув их в вертикальное положение. Они получили небольшую передышку, но летели в неверном направлении, вглубь долины вместо того, чтобы направляться на юг к лагерю эльфов у входа в нее.

Как всегда, сумерки в Инас-Вакенти наступили рано, высокие окружающие горы

заслоняли солнечный свет. Ясное небо по ходу погони потемнело, но звезды еще не появились. Блуждающие огоньки выделялись ярким контрастом на сине-фиолетовом фоне. Далеко внизу Кериан видела еще больше светящихся точек, мерцающих среди искривленных сосен и невыразительных каменных столбов. Сотня? Пятьсот? В любом случае, огромное количество.

Она побуждала Орлиного Глаза подняться еще выше. Насекомые могли подниматься лишь на определенную высоту. Летучие мыши и маленькие птицы имели предел, выше которого не могли летать. Может, и блуждающие огоньки имели подобные ограничения.

Она с шестью другими всадниками на грифонах покинули лагерь за два часа до заката, направившись патрулировать внутреннюю область долины. Все их предыдущие полеты блуждающие огоньки не доставляли им неприятностей. Сверхъестественные огни появлялись в сумерках, но никогда не поднимались выше вершук деревьев. Сегодня все было по-другому. Сферы внезапно возникли прямо в воздухе со всех сторон патруля на грифонах. Кериан отдала приказ патрулю рассредоточиться. Огромное число преследовавших ее огоньков в некотором роде было мрачным успехом; возможно, никто не отправился за остальными. Возможно, они и их грифоны безопасно вернулись в лагерь.

Орлиный Глаз тяжело дышал после подъема. На его львином теле выступил пенистый пот, испачкав белое оперенье его шеи и кожаные штаны Кериан. Ее ногам было мучительно холодно. Но отчаянная ставка сработала. Огоньки поднялись, может, на двенадцать метров, и принялись описывать плоские круги, не поднимаясь выше. По двое и по трое ее прежние преследователи гасли, точно тлеющие угли. Число огоньков уже сократилось наполовину. Они отказывались от преследования.

Кериан слишком устала, чтобы радоваться. Она направила Орлиного Глаза широким разворотом в сторону лагеря.

С этой высоты ей была видна серебристая линия Реки Львицы, названной так в честь самой Кериан. За ней горели костры временного дома ее народа. Выжившие из Квалиности и Сильванести втиснулись в узкую полосу земли между устьем долины и рекой, тысячи скучившихся в единственной области, обеспечивавшей безопасность от кочевников снаружи и таинственных сил в долине.

Орлиный Глаз спускался плавными ступеньками. Сделав четыре-пять взмахов крыльями, он раскидывал их и скользил. Он очень устал.

Так же как и его всадник. Кериан не могла вспомнить, когда последний раз хорошо высыпалась. Частично в этом были виноваты вызовы жизни в долине, но она была бойцом, и привыкла к физическим лишениям. Намного сложнее обстояло дело с нерешенными трудностями в ее взаимоотношениях со своим мужем.

Гилтас из Дома Солостарана был Беседующим с Солнцем и Звездами, королем изгнанной эльфийской нации. Как раз перед отбытием из Кхури-Хана он уволил Кериан с поста командующего своей армией. Их разрыв из-за привода их народа в Инас-Вакенти казался непоправимым, пробуждая воспоминания о застарелой вражде между монаршими квалинестийцами и обитателями лесов кагонестийцами. Но когда дело было сделано, и их народ находился в долине, повседневные нужды нации затмили эти разногласия. Наряду с еще одним неотвратимым фактом.

Гилтас умирал.

На фоне пурпурного неба плыли облака, из которых по гранитным склонам гор струился дождь. Это было довольно обычное зрелище в Инас-Вакенти. Дождь поливал дальние вершины, но лишь изредка саму долину. Когда свет угас, и над головой появились первые звезды, облака растворились в темной массе гор. Сохранив запах дождя.

Гилтас стоял наверху грубой сторожевой башни из бревен и смотрел на северо-запад, наблюдая за далеким ливнем. Эльфы построили тринадцать сторожевых вышек, десять вдоль реки Львицы и еще три у входа в долину. На всех день и ночь несли дежурство. Но Гилтас следил не за врагами. Его жена была в патруле, облетая на своем грифоне молчаливую долину. Гилтас не мог быть спокоен, пока она снова не окажется рядом с ним. Стоявшая в дозоре на башне эльфийка держалась как можно дальше от Беседующего, насколько это было возможно в тесноте башни, не столько из-за благоговения перед своим сувереном, сколько из-за сочувствия. Его беспокойство о своей бесстрашной жене было очевидно.

Вид в долину был неизменным: высокие тонкие деревья, и разбросанные вдали, словно брошенные каким-то гигантом игральные кости, бледные каменные монолиты. Ни один светлячок не горел в ночи; ни одна лягушка или сверчок не нарушали тишину.

Когда эльфы впервые достигли Инас-Вакенти, они были вне себя от радости. Их постоянные мучители, кхурские кочевники, не перешли запретные границы места, называемого ими *Алия-Алаш*, «Дыхание Богов». Эльфы рухнули на песчаную голубую почву и радовались своему спасению.

Разочарование в их убежище не заставило себя ждать. Долина, укрывшая их от пустынной жары и атак кочевников, мало что дала еще — полное отсутствие животного мира и крайне скудную съедобную флору. Воины, как и гражданские, требовали дать им разрешения поискать пищу во внутренней долине, но Беседующий запретил всем пересекать Реку Львицы, напоминая им о смертоносных блуждающих огоньках, с которыми столкнулась первоначальная экспедиция Кериян.

Голодные и отчаявшиеся, некоторые нарушили запрет Беседующего, уверенные, что могли бы вернуться с провизией, чтобы смягчить его гнев. Большинство не вернулись. Те, кому посчастливилось, лишь подтвердили предупреждения Львицы. Ночью появлялись летающие огоньки, дрейфуя между каменными столбами. Передвижения этих сфер казались бесцельными, пока эльф не подходил слишком близко, затем пути бегства отрезались, и эльфы исчезали, как только эти сферы прикасались к ним. Немногие спасшиеся сделали это разными способами. Один простоял неподвижно, словно статуя, всю ночь, пока светящиеся шары, явно озадаченные, парили вокруг него. Другая парочка выжила, отвлекая блуждающие огоньки, швыряя камни. Сферы следовали за исчезающими по дуге в темноте камнями, и эльфам удалось ускользнуть от них.

Гилтас положил конец недозволенным экскурсиям. Теперь единственные санкционированные Беседующим исследования выполнялись по воздуху, на грифонах. Патрули грифонов присматривали за любыми изменениями внутри долины, в то время как кавалерийские патрули наблюдали за входом в долину в поисках каких-либо признаков перегруппировки кочевых племен. Когда эльфы вошли в долину, большинство кхурцев развернули своих коней прочь и рассеялись. Но небольшой отряд остался, осуществляя план, разработанный их предводителем, Адалой Фахим. Они возводили каменную стену поперек

устья прохода, чтобы запереть эльфов внутри в ловушке. Это был бесполезный, безумный проект, и лишь самые фанатичные из последователей Адалы по-прежнему трудились на нем.

Дежурство Гилтаса было прервано окликнувшим его с земли голосом. — «Патруль вернулся, Великий Беседующий! Неприятности».

Посыльный был известным Гилтасу квалинестийцем. Бывший серебряных дел мастер, тот по профессии был дотошным и осторожным, и не из тех, кто будет поднимать ложную тревогу. Гилтас немедленно спустился.

Хотя он тщательно старался скрыть это, спуск дался ему нелегко. Его руки дрожали, когда сжимали грубые ступеньки лестницы, и его ребра пронзала боль, словно от раскаленных иголок. Гилтас получил удар в спину от кочевника как раз перед тем, как эльфы вошли в долину. Его подданные списывали его постоянную слабость на это трусливое нападение, и Гилтас позволял поддерживаться этому ошибочному мнению. Лишь горстка эльфов знала правду. Его пожирала чахотка, соответствовавшая своему суровому людскому названию. Болезнь лишь прогрессировала в сыром холодном воздухе Инас-Вакенти. По стандартам своей расы долгожителей, Гилтас все еще был молод, но выглядел на десятилетия старше, со впалыми щеками и глубокими тенями под глазами. Он мало спал, еще меньше ел, и работал столько, сколько позволяло его подорванное здоровье.

Когда Гилтас добрался до костра в центре лагеря, он немедленно понял, что это были за неприятности. У яркого огня стояли лишь пять всадников грифонов. Двое отсутствовали.

«Где леди Кериансерай?» — тотчас спросил он.

«Я здесь», — ответила она, приближаясь трусцой. Она стянула перчатки и взяла чашу с водой, протянутую ближайшим эльфом. Кериан быстро осушила ее, но прежде чем смогла закончить, остальные всадники подняли шум, прося разрешения отправиться на поиски их пропавшего товарища.

Из темноты еще один голос спросил: «Что случилось?»

Гилтас обернулся. Вновь прибывший был Портиосом. Как всегда скрытый под бесформенной рваной рясой и тканевой маской, он остановился у границы света от костра. Портиос был братом Лораланталасы, матери Гилтаса, погибшей при падении Квалиноста. Каждый из них был практически единственной оставшейся у другого семьей, тем не менее, между дядей и племянником никогда не было особой любви. Гордый Портиос не одобрял выбор Лораланталасой супруга, и чувствовал, что Гилтас несет пятно своего отца, получеловека Таниса. Бывший Беседующий с Солнцем, Портиос был страшно обожжен и битве пламенем дракона. Тот огонь, что едва не убил его, казалось, еще сильнее огрубил эмоции Портиоса, оставив рубцы как снаружи, так и внутри. Гилтас сомневался, что Портиоса кто-то заботит, кроме, разве что, его жены, Эльханы.

Свет костра вспыхивал в глазах Портиоса, пока он изучал собравшуюся группу. — «Кто не вернулся?» — спросил он. Он хорошо знал всадников грифонов. Они лишь несколько недель назад вылетели вместе с ним и Кериан из Квалинести.

«Гитантас», — был мрачный ответ Кериан.

Гитантас Амбродель был одним из ее верных сторонников. Она вместе с молодым воином сражалась в Квалинести против бандитов-захватчиков. Совсем недавно он служил в ее армии в Кхуре. Когда огромная армия кочевников угрожала напасть на эльфов, веря, что Кериан устроила резню в одном из их поселений, Львица направилась прямо в их гущу, надеясь своей жертвой умиротворить их гнев. Вместо этого, ее выдернули из пустыни явно чьей-то божественной рукой и перенесли на другую сторону континента, в оккупированный

Квалинесте. Гитантас Амбродель предпринял отважную миссию, чтобы найти ее. Он добился успеха, чуть не ценой своей собственной жизни.

Портиос повернулся спиной к костру и уставился на населенную призраками местность за рекой. — «Как его потеряли?»

«Огоньки», — ответила Кериан.

«Прежде они никогда не летали», — сказал Портиос. — «Это опасное развитие событий».

«Нам следует принять меры».

Кериан напряглась. Портиос входил в горстку эльфов, знавших истинное состояние здоровья Гилтаса, и она знала, что тот намекает, что Беседующий не может справиться с проблемой самостоятельно. Она приготовилась резко ответить, но Гилтас успокоил ее взглядом, и она прикусила язык, гадая, как ее муж мог быть так слеп насчет лавирования Портиоса.

Гилтас не был слеп. Его также разозлил комментарий Портиоса. Но в отличие от своей переменчивой жены, Беседующий с Солнцем и Звездами был приучен сдерживать реакции. Он осознавал оскорбительное высокомерие Портиоса. Оно всегда присутствовало, постоянно коловшее его словно шип, но явно недостаточно, чтобы Гилтас столкнулся с ним из-за этого.

Гилтас приказал всадникам грифонов отменить боевую готовность. Из-за Гитантаса будет организовано дежурство, но они не могли рисковать потерять еще всадников в тщетных поисках. Блуждающие огоньки еще никогда не отдавали жертву.

«В моей палатке тебя ждут еда и вода», — сказал своей жене Гилтас.

Она кивнула, но извинилась и сказала, что ей нужно сперва позаботиться о своем грифоне. Если тон Портиоса скорее был оскорбительным, но голос Кериан совсем не выражал эмоций. Гилтас знал, что она защитила бы его от чего угодно. Но что она думала о нем и все еще чувствовала к нему, он не мог предположить.

Портиос последовал за ним, когда он пересекал переполненный лагерь, направляясь к своей палатке. Со всех сторон эльфы тепло приветствовали своего Беседующего. Портиос тенью тащился сзади. С ним никто не заговаривал.

В квалинестийцах, как и в сильванестийцах, глубоко сидел ужас перед уродством, что еще сильнее затрудняло возвращение Портиоса к известности. Омытый пламенем дракона, Портиос должен был умереть. Вместо этого, он появился из леса страны, которой когда-то правил, чтобы организовать восстание против оккупационных сил предводителя бандитов Самувала. Безымянный под своей маской, Портиос лишь с горсткой сторонников освободил квалинестийский город и разжег революцию по всей стране. Столь непохожие эльфы, как Кериансерай, Эльхана Звездный Ветер со своими сильванестийскими гвардейцами и местные кадры кагонестийцев сплотились вокруг его дела.

Когда Гитантас Амбродель прибыл с вестями о неизбежном уничтожении эльфов в Кхуре, Портиос оставил восстание в руках кагонестийского лейтенанта. Затем, он, Эльхана и Кериан повели только сформированный небольшой отряд всадников грифонов в Кхур и спасли от истребления изгнанную эльфийскую нацию. В последнем столкновении с предводителем кочевников Адалой Фахим, Портиос явил миру свою личность и остатки своего лица. Эта весть распространилась среди эльфийской нации, и имя Портиоса больше не являлось секретом. Он сохранил маскирующее облачение, чтобы скрыть свое уродство, но Гилтас полагал, что странное одеяние служило другой цели. Маска, перчатки, похожее на

перевязку обматывание и оборванная ряса с капюшоном придавали бывшему Беседующему с Солнцем таинственный и властный вид, чем он умело пользовался. Считалось, что долго находиться в компании Портиоса или даже встречаться с ним глазами — к неудаче, но все в Инас-Вакенти были благодарны за его чудесное прибытие во главе всадников грифонов.

Гилтас жил и работал в огромной раскинувшейся палатке. Целый лес сосновых столбов поддерживал латаный-перелатаный брезент с немногими низкими завесами в качестве внутренних перегородок. Когда Гилтас нырнул под низкий вход, он увидел все накрытое пространство. Повсюду были солдаты — ветераны перехода через Кхур, все еще одетые в пустынное облачение и щеголявшие набором квалинестийских и сильванестийских доспехов — наряду с гражданскими всех возрастов и происхождений, выполнявшими несметное число поставленных Беседующим повседневных задач. Сквозь отверстие в одной стенке палатки Гилтас видел пылающий горн, где восстанавливали для смертоносной службы сломанные мечи и помятые доспехи. На противоположной стороне павильона сидела группа писцов, копировавших для Беседующего приказы и другие документы.

Гилтас направился к складному стулу возле писцов. Обложенный подушками, простой стул служил ему тронem. В нескольких метрах находилось его спальное ложе, холм из одеял и ковров. Он до прихода Кериан отвечал на вопросы и диктовал; затем он попросил принести приготовленные для его жены еду и питье. Когда стол был накрыт, и прислуга удалилась, приблизился Портиос. Кериан стала у него на пути и сверлила взглядом, нос к носу, пока тот не вернулся на место. Может, остальные и боялись встречаться с ним взглядом, но не Львица.

Пока Кериан ела скромную еду, она разглядывала своего мужа. Свет факела не относился к друзьям Гилтаса. Его скулы выпирали топориками. Плоть между горлом и ключицей была такой впалой, что во впадине собирался холодный пот. Кожа была бледной и тонкой, как пергамент. Легчайший удар оставлял синяк на несколько дней. Вся его внутренняя сила, казалось, сконцентрировалась в его глазах. Они были ясными и невозмутимыми, парой факелов пылая на изнуренной плоти его лица.

Она закончила, и Гилтас поднял руку. Рядом сел писец, со стилем наготове. Гилтас попросил свою жену рассказать все, что она знала о пропаже Гитантаса.

«Ты выглядишь ужасно», — вместо этого сказала она. — «Тебе следует отдохнуть».

«Я отдыхаю. И я чувствую себя сегодня лучше. Целители накормили меня говяжьим бульоном».

Она фыркнула. — «Где в этой безжизненной долине они бы нашли говядину?»

«Думаю, лучше не выяснять». — Скорее всего, его приготовили из прокипяченных кожаных ремней и обуви.

Она доложила, кратко изложив рассказы остальных всадников и поведав о своем собственном бегстве от огромной массы огоньков. Остальных всадников преследовали лишь отдельные огоньки, и никто из эльфов не видел Гитантаса и его грифона, Канана, после того, как Кериан отдала им приказ рассредоточиться.

Несмотря на ее спокойное изложение фактов, Гилтас знал, что она крайне разгневана. Смерть любого из ее воинов была для нее болезненна, но Гитантас был особенным, одним из тех, в ком она видела огромный потенциал. Гилтас понимал, что значит потеря ценного друга. Его давнишний телохранитель и товарищ, Планчет, погиб в пустыне, сражаясь с кочевниками. Отсутствие Планчета было неизлечимой раной. Просыпаясь каждое утро, Гилтас ожидал, что преданный слуга будет здесь, прикрывая ему спину, ворча на него за то,

что мало съел, и давая мудрые лаконичные комментарии к поступкам Гилтаса, не только в отношении советников и простых эльфов, но и касательно его вспыльчивой жены.

Волна желания поднялась в Гилтасе. Нужда обнять жену была практически непреодолима. Но, помня о запрете своего целителя слишком тесных контактов с другими, ему пришлось довольствоваться тем, что взял ее за руку и сказал: «Мне жаль. Молодой Амбродель был достоин своего имени».

Она опустила на колени возле своего мужа, осторожно держа его за руку. Та была практически кожа и кости, горячая и сухая, как пески Кхура.

Мгновение было слишком коротким. Ее голос был мрачным, когда она сказала: «Если огоньки могут ловить грифонов, у нас нет надежды проникнуть во внутреннюю долину».

«Ты должна сохранять уверенность, сердце мое». — Он поерзал, тщетно пытаясь найти более удобную позу своему истощенному телу, и она выпустила его руку. — «Лучше позаботься о нашей расе в этом лагере. Мы все равно найдем ответы на загадки этого места».

Было время, когда она назвала бы его дураком и мечтателем. Теперь же она лишь проводила его взглядом, когда он в одиночестве направился к своему убогому ложу (со следившими за ними глазами находившихся в палатке, он бы не принял ее поддержки), извинилась, что должна уйти, и пожелала ему доброй ночи. Снаружи огромной палатки ее поджидали Эльхана с Портиосом.

«Беседующий в здравом уме?» — спросил Портиос.

Кериан рявкнула: «В отличие от тебя, у него все в порядке с рассудком и с манерами!»

«Вернулся грифон капитана Амброделя», — Эльхана быстро вмешалась, чтобы остановить назревавший с каждой минутой между ними спор.

«Раненый?»

«На нем ни царапины», — сказал Портиос. — «Эльхана до изнеможения осматривала его».

Особые навыки обращения с грифонами Эльханы оказались бесценным, когда эльфы пытались приручить этих диких существ. Нотка гордости в голосе Портиоса позабавила Кериан. Лишь со своей прекрасной женой-сильванестийкой, заносчивый Портиос становился ближе к тому, чтобы быть привлекательным.

Приглушив голос, Эльхана сказала: «У нас есть более важная проблема. Запасы еды убывают быстрее, чем мы думали. При текущем уровне потребления они закончатся за месяц».

Кериан была ошеломлена. Если верить данным проведенной ими инспекции, когда они вошли в Инас-Вакенти, должно было еще остаться как минимум вдвое больше припасов. Что случилось с едой?

«Воровство. Припрятывание», — ровно произнес Портиос, но Эльхана не согласилась с ним. Не было доказательств, что кто-нибудь крал еду, и было тяжело представить себе, как можно что-то припрятать в тесноте лагеря. К тому же, вся пропавшая еда была мясной: запасы копченой козлятины и баранины, наряду с дюжинами живых кур.

Кериан подумала, не могли ли быть связаны эти исчезновения с неприязнью долины к животному миру. Если это так, последствия были пугающими. Они считали себя в безопасности здесь, на южной стороне реки. Если это больше было не так...

Ее мрачные мысли прервал хриплый голос Портиоса: «Оставшегося продовольствия хватит, если мы направимся в Квалиности. Армии давно пора выступить».

С момента прибытия, он не переставал агитировать вести армию обратно в Квалиности,

чтобы присоединиться к битве против Самувала. Многие эльфы, включая Эльхану, считали это хорошим планом. Пока они были в безопасности от кочевников, Кериан была согласна. Сперва не желавшая передавать командование армией Портиосу, она изменила свое мнение, когда поняла, что его отбытие может помочь предотвратить открытые столкновения между сторонниками интервенции, возглавляемыми Портиосом, и колонистами долины, возглавляемыми Гилтасом. Единственным камнем преткновения являлся сам Гилтас. Он категорично отказывался разделять нацию перед лицом опасностей, ведомых и неведомых, лежавших по другую сторону Реки Львицы.

Кериан размышляла, являлось ли это его единственной заботой, или его также беспокоила передача армии под командование Портиоса. Ее это и саму беспокоило, но, тем не менее, она верила, что преимущества перевешивали риски. С несколькими тысячами обученных воинов в качестве стержня, огромная армия повстанцев могла подняться и выбить бандитов раз и навсегда. Освобождение их родины никогда не было так близко. Гилтас должен был видеть это.

Эльхана коснулась руки Кериан. — «Мы не можем продолжать как раньше».

Портиос был менее тактичным. — «Львица, не теряй больше времени. Ты и я знаем, что война — единственный способ освободить нашу родину».

На мгновение Кериан подумала, не мог ли Портиос сам похитить еду, чтобы вызвать этот самый кризис. Мало на что бы он не пошел, если бы полагал, что это поможет делу, в которое он верил. В любом случае, на самом деле это не имело значения. Армия должна отправляться в Квалинести, чтобы освободить их родину — и чтобы убрать Портиоса от Гилтаса.

Избегая обоих, сочувствующего Эльханы и проникающего Портиоса, взглядов, она сказала: «Я доведу это до Беседующего».

Ветер носился по эльфийскому лагерю, цепляясь за пустынные *гебы* и аристократические платья, одинаково латаные-перелатаные. Привычные волны утренней работы замерли, когда все эльфы от мала до велика собрались на единственной открытой площадке, способной вместить их, проходе в Инас-Вакенти. Они собирались семьями или кланами, по бывшим профессиям или положению в жизни, и сидели ровными рядами, лицом к огромному гранитному валуну с плоской вершиной. Конные воины выстроились по другую сторону плиты. Потерявшие своих скакунов стояли на склоне холма позади них. Выше всех располагались всадники грифонов со своими животными, достаточно далеко, чтобы запах грифонов не беспокоил коней.

Предводители эльфов-изгнанников стояли на гранитной плите: генералы Хамарамис и Таранас, Кериан, Эльхана и Самар, командир королевской гвардии Эльханы. Портиос стоял в стороне от остальных, на краю импровизированного помоста, лениво постукивая палочкой по ноге.

За час до полудня подтянулись последние эльфы. Толпа притихла. Когда тишина затянулась, Эльхана вопросительно посмотрела на Кериан. Губы Львицы сжались от отвращения. Она бы уступила задачу обращения к толпе Эльхане, но бывшая королева была непреклонна. Кериансерай, как жена Беседующего, превосходила по положению любого из присутствующих. Кериан уступила; если бы она отказалась, вне всякого сомнения, Портиос не упустил бы шанса заявить о себе.

Верная своему слову, она поговорила с Гилтасом, убеждая его позволить армии отправиться в Квалинесте. Разговор был не из приятных. Ее муж упрямо держался за свою идею, что нация была слишком уязвима, чтобы остаться без защитников. Она напомнила ему, что не встретила в долине ничего, что потребовало бы участия многочисленной армии, и, в любом случае, небольшая часть войск осталась бы с ними. Такие здравые аргументы не поколебали его, так что она заговорила о преимуществах держать Портиоса подальше, где он больше не сможет вносить раскол среди их народа. Гилтас отверг эту идею нетерпеливым взмахом руки, и в тот момент терпение Львицы начало заканчиваться.

«Гил, он хочет быть предводителем на твоем месте! Ты слеп относительно его намерений?»

Они говорили полупшепотом, учитывая стесненные условия палатки Беседующего, но ее слова прозвучали в несвоевременном затишье в прочих разговорах. Несколько голов повернулись в их сторону. Рассерженный взгляд Львицы заставил всех вернуться к своему делу.

«Говори тише».

Кериан было стыдно за свою несдержанность, но хриплый приказ ее мужа заставил ее вспылить, и извинения, которые она собиралась принести, остались несказанными. Спустя несколько минут их разговор был окончен. Гилтаса охватил такой сильный приступ кашля, что его главный целитель, Трусанар, поспешил к нему с другого конца палатки. Пожилой сильванестиец оттолкнул Кериан, спеша на помощь к своему пациенту. Она не протестовала, лишь беспомощно наблюдала, как Трусанар пытался влить эликсир между посиневших губ Гилтаса. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем приступ, наконец, закончился, и Гилтас лежал без сознания, но дыша уже легче.

Несмотря на его продолжавшуюся слабость, Керриан не хотела больше откладывать собрание. Как сказала Эльхана, они просто не могли продолжать так дальше.

Керриан обвела взглядом собравшуюся перед ней толпу сильванестийцев, квалинестийцев и кагонестийцев, и ощутила комок в горле. Они прибыли со всех уголков старых королевств, изгнанные из земель, в которых их раса обитала тысячами. Многие погибли за время долгого путешествия. Некоторые родились.

Прочистив горло, она начала говорить.

«Народ нашей древней расы! Множество зигзагов судьбы и удачи привели нас в это место. Тысячи сражались и умирали, чтобы мы могли жить. В честь тех, кто пожертвовал собой ради нас, мы собрались здесь, чтобы обсудить свое будущее. Потому что слишком многое зависит от выбора, который мы сделаем, мы обращаемся ко всем вам на новом Синтал-Элише».

Это был конклав, основавший первое эльфийское королевство, Сильванести, и избравший Сильваносу Золотоглазого первым Беседующим со Звездами.

Кто-то из толпы крикнул: «Где Беседующий? Где Следопыт?»

Другие поддержали его. Эти выкрики разозлили Керриан. С ее губ был готов сорваться резкий ответ, но ее внимание отвлекло прикосновение к запястью. Эльхана прошептала: «Они напуганы, племянница, не гневайся. Успокой их».

Как обычно, ее совет был здравым, но ярость Керриан было нелегко погасить. Она не желала выставлять напоказ состояние своего мужа, не перед любившим его народом, и уж точно, не перед понимающим взглядом Портиоса.

Она подняла руки, и крики стихли. — «Беседующий знает об этом собрании», — сказала она. Ненавидя каждое слово, она добавила, — «Ему... сегодня нездоровится. Его целители посоветовали ему оставаться в постели». — Трусанар предпочел бы, чтобы Беседующий постоянно оставался в постели, но Керриан не собиралась сообщать об этом.

По толпе пронеслись недоуменные вопросы. Их Беседующий был болен? Как болен? Ему и в самом деле должно было сильно нездоровиться, чтобы пропустить столь важное собрание. Очевидно, слишком явная встревоженность Львицы лишь усилила их обеспокоенность, вызвав волну испуганных выкриков.

«Возможно, следует послать за ним носилки», — пробормотала Керриан Эльхана, когда шум усилился.

«Прекратите болтать!»

Гомон толпы прорезал приказ Портиоса. Он поднялся по небольшому склону на самую высокую точку гранитной глыбы. Большинство эльфов притихли; остальных заставили замолчать их соседи. Если они собирались услышать его хриплый голос, должна быть тишина. Хотя они хотели слушать, большинство отводили взгляд от изувеченного тела Портиоса.

«Мы здесь», — заявил он, — «чтобы обсудить дела гораздо более важные, чем жизнь одного эльфа».

Керриан гневно сделала шаг в его сторону, но Эльхана потянула ее обратно, прошепав: «Нет! Народ не должен видеть, как мы спорим».

«Тогда им лучше закрыть глаза», — прорычала Керриан, но пока что осталась на месте.

Портиос продолжил: «Единственный стоящий перед нами вопрос: следует ли нам оставаться здесь и умереть от голода или унесенными призраками за рекой, или нам следует вернуть то, что по праву принадлежит нам?»

Большое число воинов вскинуло к небу мечи и копья, энергично выкрикивая одобрение. Толпа гражданских напротив Портиоса не подхватила их пыл.

«Мы выдержали переход через пустыню, лишь чтобы снова тащиться обратно?» — спросил генерал Таранас, прославленный квалинестийский ветеран и заместитель Львицы.

«Не тащиться — насести удар!» — проскрежетал Портиос, напрягая свое изувеченное горло, чтобы говорить громче. — «Пылающий факел был брошен в квалинестийский очаг. С той армией, что у нас здесь, мы можем раздуть это пламя в большой пожар, что уничтожит захватчиков и вернет нам нашу страну!»

«Ты говоришь об армии. Как насчет народа? Им нужно будет пересечь пустыню, горы и море лишь с этими лохмотьями на плечах? Они не переживут подобный марш».

Утверждение Таранаса было не больше чем простой истиной. Хотя некоторые продолжали приветствовать призыв Портиоса освободить Квалинести, было очевидно, что позиция Таранаса обладает большей поддержкой. Большинство собравшихся на чуждой земле Инас-Вакенти не были радикалами или воинами. Они бежали со своих земель, чтобы спастись от геноцида, выдержали годы изгнания во враждебной земле, порой сражались с воинами кочевников камнями и голыми руками, и следовали за своим Беседующим через пекло пустыни, чтобы добраться до долины, которая, он обещал им, станет новым домом. Теперь Портиос стоял здесь и говорил им, что их жертвы были зря, что они должны развернуться и вернуться в пустыню, со скудными запасами еды и воды, легкая добыча для набегов кочевников и убийственной жары. Те, кто ухитрится выжить в длинном путешествии в Квалинести, встретятся лицом к лицу с ордой бандитов Самувала, возможно даже жуткими неракскими рыцарями или армией минотавров, которая, по слухам, рассеялась по континенту.

«Какой у них выбор? Они должны оставаться здесь и голодать?» — спросил Таранаса Самар.

Хамарамис, командир личной гвардии Беседующего, покачал головой. — «Никому не нужно голодать. Может, долина и лишена жизни, но в высоких холмах есть дичь. По наводке всадников на грифонах, мы можем снаряжать охотничьи отряды за дичью».

Самар фыркнул. — «Как долго?»

«Пока не сможем вырастить и собрать урожай».

«Откуда ты знаешь, что в этом мрачном месте что-то вырастет?»

И так продолжалось какое-то время. Портиос, Самар и Эльхана хотели идти. Таранас, как и большинство толпы, считали, что единственным выбором было остаться. Хамарамис, чья верность Беседующему была несокрушима, колебался. Пока кипел спор, Кериян отвернулась и уставилась в сторону устья долины и знойной пустоши за ним. Она ненавидела пустыню и все с ней связанное. Короткое время, проведенное ей в зеленых лесах дома, хотя и пропитанное кровью, лишь усилило ее отвращение ко всему кхурскому. Таранас, наконец обратив внимание на ее молчание, спросил ее мнение о плане Портиоса.

«Никто не хочет отправиться домой больше, чем я», — сказала она, медленно обводя взглядом толпу, — «Я снова побывала в Квалинести. Я видела, что бандиты творят. Рабство, нищета, бессмысленная смерть — вот чем живет каждый день наша страна».

«Здесь мы в безопасности от кочевников и бандитов, но...» — ее голос замер, и она покачала головой. — «Это не место для того, чтобы жить. Это место для того, чтобы умереть». — Она указала на монолиты за рекой. — «Наши надгробия уже на месте».

Портиос почувствовал неуловимую перемену в настроении толпы. Она колебалась,

готовая быть направленной. Он быстро заговорил, пользуясь моментом.

«Львица, возвращайся с нами. Армия Квалиности в твоём распоряжении. С тобой во главе, армия быстро освободит наши законные земли!»

Раздались одобрительные крики воинов, и они принялись скандировать: «Освобождение! Освобождение!»

Хамарамис крикнул им замолчать. Старый генерал был шокирован, что жена Беседующего на стороне Портиоса и сильванестийцев. Он не понимал, как для нее было трудно произнести то, что она сказала. Ее решительная честность не позволяла лгать своему народу, даже если сказать правду означало казаться, что она на одной стороне с Портиосом.

Новое волнение возникло далеко от гранитной платформы. Эльфы в конце толпы встали. Словно волна, это движение распространилось от задних рядов к передним. Все глаза повернулись в сторону этого возбуждения.

«Беседующий! Беседующий идет!»

Гилтас приближался, опираясь на короткий деревянный посох. Целитель Трусанар следовал за ним по пятам, наблюдая с мрачным беспокойством. Толпа расступилась перед Беседующим, все эльфы кланялись, когда он проходил мимо. В двадцати шагах от гранитной плиты, он остановился.

«Большое собрание», — произнес он, улыбаясь. — «Кажется, я потерял свое приглашение. Как можно проводить Синтал-Элиш без Беседующего с Солнцем и Звездами?»

Кериан спрыгнула с каменной плиты. Прыжок с двух с половиной метров подогнул ее колени и раскидал ближайших эльфов. Она поспешила к Гилтасу. Он взял ее за руку, предвосхищая попытку обнять себя за талию, чтобы поддержать. Словно возглавляя королевскую процессию, они вдвоем подошли к основанию гранитной плиты. Портиос спустился. Гилтас радушно приветствовал его.

«Я так понимаю, ты хочешь одолжить мою армию. Зачем?»

«Чтобы освободить нашу родину от захвативших ее отбросов!»

«Стоящая цель. Но что насчет остального нашего народа?»

«Мы примем любого, желающего присоединиться к нам».

Гилтас выпустил руку Кериан и показал на собравшихся вокруг них. — «Никто не сомневается в храбрости наших сограждан, но они безоружны и не обучены», — сказал Гилтас. — «И они повстречают врагов на каждом шагу этого пути, а оказавшись дома, армию врагов, объединенных ненавистью к нам».

Портиос напомнил им о Бианосте, квалинестийском городе, вырванном им из лап Самувала. Вдохновленные примером крошечного отряда повстанцев Портиоса, горожане восстали и свергли своих бандитских господ.

«Их отвага будет записана в анналах нашего народа», — согласился Гилтас. — «Но они были там, в городе, под вражеской пятой. Никто не просил их совершить марш на сотни миль, развернуться, совершить марш обратно, а затем сражаться. То, что ты предлагаешь, это безумие».

«Ты предлагаешь лучший выбор, Великий Беседующий? Эта долина мертвая. Если наш народ останется здесь, то умрет и ничего не достигнет!»

Гилтас слегка вздрогнул, и Кериан поняла, что он старался подавить кашель. Повысив голос, насколько только мог, он обратился к собравшимся.

«Мой народ, нас изгнали из земель наших предков, и мы подверглись гонениям со стороны всевозможных варваров. Эта долина — наша судьба. Там, где мы сейчас стоим —

единственное место на всем континенте, которое мы можем занять. Больше оно никому не нужно. Я не отрицаю его недостатков. Оно таит секреты столь темные, что самые сведущие наши мудрецы еще не постигли их, но я верю, что они смогут. Как я все вижу, в этом укрытии мы залечим свои многочисленные раны и станем сильнее. Так же, как день сменяет ночь, так же и судьба рас меняется. Сегодня наша раса в упадке. Завтра нам станет лучше, а после тысячи завтра мы вернем то, что потеряли. Но только если у нас будет гавань, из которой мы начнем!»

Собрание заревело. Эльхана аплодировала проникательности Беседующего, но Портиос сделал презрительный, пренебрежительный жест.

Когда шум стих, Самар спросил: «Беседующий, как насчет тех, кто хочет идти? Ты будешь их удерживать здесь?»

«Я никого не буду держать насильно. Но даже если все до единого уйдут, я останусь в Инас-Вакенти».

Собрание снова погрузилось в шумные дебаты. На вершине плиты спорили Самар и Таранас. Хамарамис спустился, чтобы стать рядом с Беседующим. Портиос, как и Керриан, наблюдал за Гилтасом. Эльхана какое-то время слушала толпу, улавливая настроения, изучая выражения лиц; затем она спрыгнула с задней части плиты. Минутой спустя, она подошла и переговорила один на один с Гилтасом, а затем снова вскарабкалась на плиту.

Когда Самар понял, что она пытается обратиться к толпе, он поднес к губам бараний рог и задул. Высокий завывающий звук эхом пронесся по проходу. Толпа успокоилась.

«Эльфы Кринна», — сказала Эльхана, — «останемся мы или уйдем, ничто не поможет, если мы нарушим свою сплоченность. Наши нации пали, потому что были разделены. Мы не должны снова оказаться разделенными. Но есть способ позволить всем сделать выбор».

Она подняла руки. В каждой был камень. Один был гладким гольшом обыкновенного белого кварца; другой — грубым обломком сине-серого гранита. — «Пусть каждый эльф найдет камень. Синий гранит для тех, кто хочет остаться в Инас-Вакенти, белый кварц для тех, кто присоединится к нашему священному походу на Квалинести. Ни один выбор не будет связан с обвинениями. Каждый выбирает свою собственную судьбу, и этот выбор — окончательный».

Гилтас похвалил за эту идею, но Керриан не видела резона ждать. Почему бы собранию не разделиться немедленно на две группы?

«Такой выбор не следует делать в спешке, в пылу возбуждения», — пояснила Эльхана. — «Поиск камня даст каждому эльфу время на раздумья».

Гилтас постановил, что голосование состоится послезавтра на рассвете. Все вернутся на это место и сделают свой выбор. Те, кто проголосуют уйти, должны будут сделать это немедленно.

Синтал-Элиш подошел к концу. Трусанар протянул чашу Беседующему. В ней было еще белое лекарство.

«Я полагала, ты отдыхаешь», — сказала Керриан. — «О чем ты думал, придя сюда таким образом?»

«Я думал о будущем».

«Ты не устал разговаривать подобным образом?» — проворчала она.

«Каким образом?»

«Как предсказатель... или артист низкопробной драмы».

Он улыбнулся. — «Быть Беседующим требует драматизма».

Их возвращение в лагерь проходило среди счастливой толпы верных и преданных подданных Беседующего. Они не понаслышке знали, что их король разделил все трудности изгнания. Когда опасность от кочевников была величайшей, Гилтас Следопыт повел свой народ вперед, не думая о собственной безопасности. Хотя он носил мантию легендарных правителей, таких как Сильванос и Кит-Канан, Гилтас доказал, что не уступал им в мужестве и величии.

Их вера была столь трогательно глубокой, что Керриан не могла ее выносить. — «Гил, у тебя есть какой-то план для тех, кто остается? Что ты собираешься делать?»

Он сжал ее руку. — «Послезавтра я пересеку реку Львицы и поведу нашу нацию в Инас-Вакенти».

Шедший рядом с ними Хамарамис воскликнул: «Великий Беседующий, разве это мудро?»

«Да. Мы слишком засиделись на пороге. Пришло время вступить во владение нашим новым домом».

«Если он не овладеет нами», — мрачно сказала Керриан.

* * *

Ветер дул из Алия-Алаш, словно долгий выдох. Воистину, дыхание Богов! Порывистый ветер трепал установленные в центре прохода ветхие палатки. Пятнадцать сотканых из темной шерсти конусообразных укрытий образовывали полукруг. То были последние остатки некогда могущественных сил, преследовавших эльфов на всем пути из Кхури-Хана. Кочевники сражались с необычайной храбростью и свирепостью, но *лэддэд* пережили их. С неба спустились грифоны, на одном из которых сидел омерзительный демон. Когда он велел кочевникам убираться, большинство так и поступили. Отступление было не сложно оправдать. Так много погибло, сражаясь с *лэддэд*, некоторым из племен потребуются годы, чтобы восстановиться.

Адала Фахим погрузила руки в мятый медный таз. Чуть теплая вода жгла ее исцарапанные пальцы, пока она смывала толстый слой глубоко въевшейся грязи. Известную как Вейядан, «Мать Вейя-Лу», ее позже стали называть Маита из-за божественной неизбежной судьбы, что направляла ее в войне против *лэддэд*. От божественности мало что осталось; был лишь бесконечный изнурительный труд. В тот день, когда *лэддэд* вошли в Алия-Алаш, Адала начала возводить стену поперек прохода. Некоторые из бывших ее последователей вернулись, чтобы помочь. Немногие из них были воинами, большинство были пожилыми людьми, все еще верившими в ее божественную миссию. От рассвета до заката они таскали камни с окрестных склонов. Без строительного раствора и инструментов, они выкладывали камни протяженной пирамидой, с основанием шире, чем вершина. К этому моменту, стена была высотой по голову и длиной в сотню метров. Проход был шириной в милю. Оставалось еще изрядно работы.

Адала усердно трудилась, не жалуясь, и ее вера не поколебалась. Само исчезновение поддержки племен убедило ее, что она была права. Все знали, что путь к истине был узким и непростым, а дорога к заблуждению была легкой. Единственное, о чем она сожалела, так это о предательстве своего кузена Вапы. Он повернулся спиной к ней, к своему народу и своей родине, помогая чужеземным убийцам избежать правосудия. Его поступки были

непростительными.

Спустя несколько дней после того, как он привел *лэддэд* в долину, Вапа вернулся. Он выехал прямо из прохода, ясным днем, с открытым лицом, чтобы все видели. Разгневанные воины хотели убить его как предателя, но Адала объяснила им, что он не был достоин даже этого. Она повернулась к нему спиной. Остальные последовали ее примеру. Вапа проехал сквозь лагерь в открытую пустыню, и ни единый взгляд не провожал его. Его фигура уменьшилась до силуэта, а затем расплылась на жаре, замерцала и исчезла. С тех пор больше никто не входил и не покидал запретную долину.

Закончив с омовением, Адала аккуратно стряхнула руки над чашей, чтобы каждая капля вернулась внутрь. Воды здесь было в изобилии, но привычки жизни в пустыне были незыблемыми. Она подняла взгляд, когда глухой топот копыт возвестил о прибытии всадника. Это был Тамид, Вейя-Лу из клана Покорителей Туч.

«Маита! На наш охотничий отряд напали!»

Она быстро встала. — «Лэддэд?»

«Нет. Зверь!»

В отличие от сердца пустыни, предгорья кишели дичью. Тамид с отрядом из троих охотников добыли оленя и кабаниху в каменной расщелине к востоку от лагеря. На обратном пути с разделанными тушами на охотников напали. Двоих людей сбросили с коней, и существо утащило их дичь. Мало какие животные были достаточно смелыми, чтобы атаковать вооруженных конных людей. И еще меньше кто был достаточно сильным, чтобы утащить две туши за раз.

Адала спросила, не было ли это существо пустынным леопардом. Длинноногая кошка размером с осла практически вымерла в пустыне, но могла все еще опиваться в тени гор. Тамид поклялся, что этот зверь не был леопардом, хотя и ходил на четырех лапах. Никто из его отряда никогда не видел ничего подобного. Он оставил остальных выслеживать зверя, а сам вернулся, чтобы доложить Адале.

Такое существо было слишком опасным, чтобы позволять ему оставаться так близко к лагерю. Адала отправила Тамида собрать еще людей. Существо требовалось убить.

Когда Тамид вернулся с одиннадцатью конными людьми, он был удивлен, увидев, что и сама Адала оседлала Маленькую Колючку, свою неутомимую серую ослицу. Она отправлялась с ними, и, как обычно, была не вооружена. Люди не стали терять время на протесты. Она была Маита, и делала то, что считала нужным.

Тамид повел их на юго-восток вдоль подножья гряды низких холмов. Почва была каменной. Земля была густо усеяна кактусами и колючими кустарниками цвета кости, заставляя коней осторожно выбирать путь. Острый нюх Адалы почувствовал сильный запах *спасателя*. Она заметила небольшую посадку этого вечнозеленого кустарника и запомнила это место, чтобы вернуться сюда позже. Из *спасателя* она могла бы приготовить естественную дезинфицирующую мазь для ран, а ее запасы сильно истощились после недавних сражений.

Когда кочевники добрались до того места, где Тамид разделился со своими спутниками, они остановились. Один из людей поднес к губам короткий изогнутый бараний рог и издал протяжный звук.

Меньше чем через минуту, спереди и выше послышалось ответное мычание. Склон был крутым. Ослица Адалы шла увереннее, чем кони, и опередила их, но вскоре все они с трудом поднимались вверх, нагнувшись вперед, чтобы сохранять равновесие. Неустойчивые камни

скатывались по холму за ними. Вдали снова прозвучал рог, дважды, уже более настойчиво.

Они прошли мимо, прежде чем заметили двух размахивавших мечами над головами всадников. Тонкие клинки без гарды отражали заходящее солнце и вспыхивали маяками. Адала стучала Маленькую Колючку по заду своей палкой. Преданная ослица ускорила шаг, оставив коней позади.

«Где он?» — спросила Адала.

Один из всадников указал мечом на залитую солнцем вершину у себя за спиной. — «Вон за тем гребнем, Маита».

В конце еще одного крутого подъема группа вышла на плато порядка ста метров в длину и сорока в ширину. На дальнем краю их поджидал последний член охотничьего отряда Тамида. Он был на коне, его лук был натянут. Его цель была скрыта за нагромождением камней, но ее присутствие было очевидно. Конь лучника, обученный стоять спокойно перед лицом практически любой опасности, перебирал копытами и шарахался, мотая тупой головой.

«Маита, держись подальше!» — крикнул лучник, не отводя взгляда. — «Оно может прыгать далеко!»

Она подтвердила, что поняла его предупреждение, но хлопала Маленькую Колючку, подгоняя ее вперед. Ослица фыркала и упиралась. Невозмутимой даже в присутствии грифонов, Маленькой Колючке не нравилось то, что находилось впереди. Адала бранила ее, точно та была непослушным ребенком и хлестала по бокам своей палочкой. Ослица продвигалась вперед, покорная, но несчастная.

Адала знала всех зверей, что бродили по пустыне, но никогда не видела ничего похожего на животное, сидевшее на низком возвышении на самом краю выступа. Оно было добрых двух метров длиной, и покрыто темным красновато-коричневым мехом. Кошачьи уши торчком странным образом сочетались с собачьими мордой, лбом и ясными карими глазами. Передние лапы были вдвое короче мощных задних лап. Приближение Адалы заставило его зарычать, обнажив длинные желтые зубы.

«Убей его», — скомандовала Адала.

Лучник отпустил тетиву. Стрела была снабжена охотничьим наконечником в форме двух миниатюрных скрещенных мечей. Она летела прямо в самую грудь твари. Зверь оставался на месте, пока стрела не оказалась на расстоянии руки, а затем схватил древко прямо в полете. Потрясенные его сверхъестественной быстротой, кочевники лишь затем увидели, что его передние лапы имели подобие пальцев.

Люди разразились проклятиями. Кроме Адалы. — «Копья!» — приказала она. — «Насадите это чудовище!»

Всадники толпой двинулись вперед. На зверя были направлены полдюжины железных наконечников копий. Существо выронило стрелу и прижало подбородок к камню.

«Не... надо...» — проскрежетало оно.

Нападавшие потрясенно замерли.

«Ты разговариваешь?» — спросила Адала.

Свесив черный язык, зверь кивнул, подражая жесту людей. — «Не... надо... убивать... меня», — сказал он, не сводя карих глаз с лица Адалы.

Матери Вейя-Лу не была введена в курс дела. Призвав силу своей *маиты*, она приказала людям отойти назад. Тамид запротестовал, но она оборвала его.

«Уходите, я сказала. Те, Кто Наверху, не позволят причинить мне вред».

Не переставая ворчать, люди развернули своих коней и двинулись к дальнему краю уступа. Там они остановились. Несмотря на ее требование, дальше они не уйдут. Некоторые держали луки в руках, наложив стрелы, на всякий случай.

«Ты должна верить», — сказал зверь. Он говорил медленно, каждое слово явно требовало огромных усилий.

«Кто ты?»

Существо крадучись спустилось с возвышения. Проползя на животе, оно остановилось в полутора метрах от Адалы. Маленькая Колючка отчаянно дрожала, но не убегала. Адала слышала скрип натягиваемых до отказа тетив за спиной, но сосредоточила все свое внимание на существе. Она повторила свой вопрос.

Существо ответило, и Адала раскрыла от удивления рот. — «Как это случилось?» — спросила она.

Зверь несколько секунд рассматривал Адалу в упор, а затем потерся головой о землю. Его расстройство было трогательным. Очевидно, его способности говорить было недостаточно, чтобы ответить на ее вопрос. И снова она мгновенно приняла решение.

«Ты пойдешь с нами. Если будешь вести себя как тот, кем ты себя объявляешь, все будет хорошо. Но если я выясню, что ты лжешь, я сдеру с тебя шкуру заживо».

Кочевники на другом краю уступа в изумлении наблюдали, как она приблизилась, прошла мимо и спустилась по крутому холму вместе со странным чудовищем, бежавшим, словно домашнее животное, по пятам за Маленькой Колючкой. Несмотря на то, что все они прекрасно ее знали, Адала Фахим все еще была способна удивлять. Ее *маита* и в самом деле была могущественнее любого злого заклинания. Они сопроводили ее обратно в лагерь под пламенеющим закатным небом. Высокие облака, закрывавшие западную треть неба, пылали рубином и золотом, странная картина для глаз кочевников, привыкших к девственной чистоте свода над сердцем пустыни.

Никто из них представить не мог вихрь вопросов, бушующий за невозмутимым у всех на виду лицом Адалы. От нового чуда у нее кружилась голова. Зачем Те, Кто Наверху дали ей в руки чудовище, заявляющее, что оно — Шоббат, наследный принц Кхура?»

Далеко в ночи Гилтас слушал писцов, читавших древние хроники эльфийских королевств. Он все еще не разобрался до конца в истории Инас-Вакенти. Словно мозаика, рассматриваемая со слишком близкого расстояния, крупинцы истины, что у него были, не складывались в цельную картину. Каждый раз, когда, казалось, картина начинала вырисовываться, она снова распадалась на фрагменты при более тщательном изучении.

Он лежал на своей койке, прислонившись спиной к свернутому ковру и слушая *«Листья Священной Рощи Э'ли»*. Хотя сильванестийцы, а не квалинестийцы, были первой из эльфийских наций, у квалинестийских священнослужителей Э'ли в архивах были некоторые старые записи эльфийской расы. Их вынесли из Сильваноста в конце Братоубийственной Войны, когда Кит-Канан увел своих сторонников на запад, чтобы основать Квалинести. Брат Кит-Канана, Беседующий со Звездами Ситас, был в ярости, когда узнал, что древние свитки покинули его королевство. Войны начинались и из-за меньшего, но Кит-Канан, новопомазанный Беседующий с Солнцем, вернул документы, чтобы успокоить гнев Ситаса. Как и надеялся Кит-Канан, его брат-близнец не заметил, что возвращенные свитки были копиями. Кит-Кана хранил оригиналы в особом архиве. Пожелтевшие пергаментные свитки находились в тысячах миль от каждой из этих стран, читаемые первому королю объединенных эльфийских наций. Беседующий с Солнцем и Звездами многое оставил за время перехода в Инас-Вакенти, но не древние анналы своей расы.

Гилтас дал одному писцу единственное поручение вести список идей Беседующего на эту тему. Гилтас был уверен, что, в конце концов, ответы появятся.

«Варанас», — сказал он тому писцу, — «огласи список моих вопросов».

Эльф поднес свиток к неровному свету лампы. — «Первое: Инас-Вакенти связана с богами. Там некоторые из них впервые ступили в этот мир? Там они жили? Второе: В *«Хрониках Сильваноса»* говорится, что пять драконьих камней были закопаны в колодце Немис-Отам в северных горах. Не Инас-Вакенти ли местонахождение того колодца, и могла ли существовать остаточная магия, хотя сами камни исчезли?»

Драконьи камни, содержащие сущность пяти изначальных злых драконов, были спрятаны после Первой Войны Драконов. Гномы их выкопали, непреднамеренно выпустив драконов и начав Вторую Войну Драконов. Писец Варанас с трудом сглотнул. Предположение, что даже следы такого зла могли лежать под их ногами, было крайне тревожащим.

Гилтас попросил его продолжать.

«Третье: Ни первое, ни второе утверждение не объясняют враждебность долины миру животных и происхождение ее призраков. Четвертое: Эти блуждающие огоньки — защитники долины или ее последние обитатели, и есть ли способ свести на нет их опасность или ликвидировать их?»

Гилтас поднял руку, и Варанас сделал паузу, позволяя ему обдумать услышанное.

Ни в одной из старых историй не упоминалось о странных блуждающих огоньках. Но другие анналы, рассказывавшие о прошедших веках величия эльфов, содержали упоминания о духах, поставленных сторожить врагов государства, врагов, слишком тесно связанных, чтобы убить их. Беседующий Сильванос изгнал их в дальние концы своего королевства, и за ними должны были неусыпно присматривать созданные и поддерживаемые магией стражи.

Двумя наиболее известными изгнанниками во времена Сильваноса были Балиф и колдун Ведведсика. Мрачные события сотрясли последние дни правления Беседующего. Ведведсика, слуга лорда Балифа, командующего армиями Беседующего, оказался связан с противоестественными и ужасными деяниями, и был выслан в северный аванпост — возможно, Инас-Вакенти? После того, как Сител унаследовал трон, лорд Балиф попал в опалу и покинул Сильванести, а Ведведсика вернулся. Его присутствие держалось в тайне, но Сител советовался с ним на темы чрезвычайной важности, такие, как когда королева родила сыновей-близнецов.

Многие вопросы оставались без ответов. У Гилтаса среди его сторонников не было ни одного мага, сравнимого искусством и могуществом с Ведведсикой. После падения Квалиноста, нерацкие рыцари сделали особый упор на уничтожении верховных жрецов и мудрецов. Наемные убийцы Черного Зала бродили по оккупированному Квалинесте, убивая обладавших магическими знаниями и способностями эльфов. Единственными оставшимися на службе у Гилтаса мудрецами были младшие жрецы, природные целители (такие, как Трусанар) и горстка ученых. И самый лучший из них, королевский архивариус Фаваронас, исчез вместе с остальными во время первоначальной экспедиции Керриан в долину.

Другая причина лишила Гилтаса каких-либо сильванестийских мудрецов. Оккупанты минотавры подавляли их, но не прилагали особых усилий для их искоренения. Задолго до того, как быколюди высадились на священные берега, сильванестийские жрецы и волшебники были загнаны в подполье Войной Хаоса. Насколько было известно, они и оставались в подполье, прячась в зеленой твердыне леса.

Когда тишина затянулась, Варанас поднял взгляд, ожидая, что ему велют продолжать, но Беседующий уснул. Подав сигнал остальным писцам, Варанас тихо поднялся. Уходя, он увидел стоящую у края отбрасываемого лампой света леди Керриансерай. Он поклонился и оставил ее наедине с мужем.

Керриан натянула одеяло до подбородка Гилтаса. Это одеяло на самом деле являлось ее собственным воинским плащом, чья темно-красная ткань была мягче попоны, прежде служившей ему покрывалом на ночь. Как низко они пали, что король двух королевств должен использовать лошадиную сбрую, чтобы уберечься от ночной прохлады.

Она лишь мельком взглянула на разбросанные свитки. Гилтас продолжал искать ответы в ветхих документах, убежденный, что со временем сможет разгадать тайны долины. Тем не менее, сейчас они знали о них не больше, чем о противоположной стороне света.

Трусанар советовал ей не спать подле мужа. Эльфы были стойки к туберкулезу, но повторяющийся тесный контакт будет искушением судьбы, а как только болезнь пускала корни, излечить ее было чрезвычайно трудно. В Квалиносте, с превосходным уходом и высококачественными лекарствами, у Гилтаса был бы отличный шанс выздороветь. Здесь же у него практически не было такового. Она отбросила с его лба прядь гладких волос и вышла.

Керриан спала в спальном мешке на западной стороне прохода. Она такой уставшей дошла к тому месту, что была абсолютно уверена, что заснет сразу же, как ляжет. Однако Керриан лишь успела расстегнуть портупею, как в нескольких метрах от нее на вершине холма возник темный силуэт. Там не было палаток. Так что никому не было причины там бродить. Она окликнула гостя.

Ответил тихий голос. Портиос.

«Ты когда-нибудь спишь?» — проворчала Керриан.

«Я буду краток. Ты идешь с нами в Квалиности?»

«Я полагала, ответ на этот вопрос будет очевиден». — Она отвернулась.

«Ты знаешь, что он умрет еще до того, как мы достигнем Нового Моря».

Резко повернувшись обратно, она рявкнула: «Ты заходишь слишком далеко, Пугало». — То было саркастическое прозвище, данное ему в Квалиности его пленниками-людьми. Порой, Кериан находила, что это грубое людское слово особенно уместно.

Он осторожно ступал по неустойчивым камням, пока не подошел достаточно близко, чтобы она видела его лицо в маске.

«Кериансерай, ты — боец. Мы отправляемся в поход, чтобы освободить свою родину. Не этого ли ты хочешь больше всего?»

«Да!» — А затем, — «Нет. Не больше всего».

«Ты не можешь оставаться в стороне и смотреть, как мы уходим. Если ты пропустишь эту битву, то всегда будешь жалеть об этом». — Его голос был непреклонен. — «Любой, кто не сражается за свободу Квалиности, не сможет претендовать на него после того, как будет одержана победа».

Апелляция к ее воинской гордости провалилась, теперь он угрожал ей? Присоединяйся ко мне, или никогда не вернешься в Квалиности? Как он смеет! Ее рука стиснула рукоять меча.

«Убирайся от меня, Портиос. Убирайся, пока я не закончила то, что начало пламя дракона!»

Тем не менее, он подошел еще ближе. От выполнения своей угрозы ее удерживало лишь то, что Портиос был безоружен. Он был не лучше Гилтаса. Что с ними было не так? Неужели они полагали, что все так благоговейно перед их королевской кровью, что им не нужно носить оружие? В любом случае, к черту всех знатных идеалистов!

Конец их конфронтации положили голоса. Один звал Львицу. Она откликнулась. К ней поспешила пара стражников, вооруженных копьями гражданских добровольцев. У одного был небольшой помятый бронзовый щит, а на другом был когда-то изысканный (а теперь сильно ржавый) сельванестийский шлем. Оба эльфа запыхались, но не от усилий, а от волнения. Они доложили, что на складе с едой что-то происходило. Было слышно, как внутри передвигается нарушитель, но он не откликался на их вопросы. Послали за воинами регулярной армии, которые окружили склад.

Портупея вернулась на место. Кериан была уверена, что у нее на бедре уже появилась постоянная борозда от ремня.

Одинокий грифон с всадником кружил над складом, пытаясь разглядеть нарушителя. Защищавшую запасы еды низкую каменную стену окружили две дюжины воинов. Офицер, один из сельванестийских гвардейцев Эльханы, шепотом доложил Кериан. Внутри слышали движение, но еще никто не входил внутрь для расследования.

Кериан вытащила меч. В каком-нибудь другом месте нарушитель, скорее всего, оказался бы не более загадочным, чем дикая собака. В Кхуре их было полно, вечно голодных животных, обычно охотившихся по ночам. Стая могла окружить и прикончить целую лошадь или утащить неосторожного спящего эльфа. Но в Инас-Вакенти они не видели ни следов таких животных, а с их столь скудными запасами продовольствия, они едва ли могли позволить себе любые потери.

Двое стражников убрали в сторону входной барьер, и Кериан нырнула внутрь. Ящики, бочки и корзины из ивовых прутьев с провизией были сложены в штабеля высотой в рост,

образовывавшие четкие концентрические окружности. Слишком хорошо знакомый шорох старой ткани подсказал ей, что Портиос вслед за ней проскользнул внутрь. Она велела ему убираться.

Он вытащил из кармана кусок мела и нарисовал жирное белое пятно на лбу в маске. — «Если увидишь что-то без этой отметины, убей его», — сказал он и растворился.

Мгновение, она лишь изумленно смотрела ему вслед. Несколько минут назад он видел, что она была готова зарубить его. Теперь он отправился навстречу неизвестному нарушителю, безоружный, и лишь Кериан могла защитить его в случае драки. Что бы она ни думала о нем, она должна была отдать дань его храбрости.

Металлический стук заставил ее торопливо двигаться вдоль внешнего кольца провизии, пока она не подошла к проходу. Бледная фигура промелькнула в дыре. Она была тощая, но стояла прямо на двух ногах — не дикий пес. Кериан окликнула ее и бросилась в погоню. Та резко метнулась вправо и исчезла в следующем кольце провизии. Кериан рванула вперед...

... и врзалась в прочную стену из ящиков.

Куда, во имя Хаоса, исчезло это создание? Она начала карабкаться вверх. Забравшись на ящики, Кериан заметила облаченного в серое нарушителя в проходе под собой. Тот стоял напротив Портиоса.

Она крикнула Портиосу хватать его, но тот не двигался. Кериан спрыгнула и попыталась ткнуть мечом нарушителю в спину, но поняла, что серая фигура была прозрачной. Кериан потыкала клинок вперед-назад, но это было все равно, что резать дым. Фигура совсем не обладала плотью.

Кериан обошла ее, чтобы стать лицом к лицу. Глаза фигуры были темными дырами, а ее рот — узкой щелью. Призрак смутно напоминал стоящего прямо эльфа, с двумя руками и расплывчатой головой.

«Кто ты?» — спросила Кериан. Серая фигура тотчас исчезла, как будто звук голоса Львицы развеял ее.

Портиос по-прежнему не говорил и не шевелился. Казалось, он прирос к месту, уставившись туда, где раньше находился призрак.

«В чем дело? Ты ранен?» — резко спросила она.

Когда Портиос не ответил, Кериан схватила его за руку. Он сильно вздрогнул и выдернул руку.

«Оно назвало меня... ‘Отец’», — прошептал Портиос.

Она на мгновение была застигнута врасплох, но здравый смысл быстро вернулся к ней.

«Портиос, эти призраки тысячелетиями находились здесь. Он и меня мог легко назвать ‘Отец’. Нет никакой логичной причины думать, что это был твой сын».

«Тем не менее, я чувствовал, точно знаю его».

Выражение его лица было скрыто под маской, но сплетенные в районе талии руки в перчатках отчетливо говорили о его смятении. Сильванеш, сын Портиоса и Эльханы, погиб в конце Войны Душ, убитый своей возлюбленной, Миной. То, что она была доверенным лицом богини зла Такхизис, было хорошо известно; менее ясным, по крайней мере, для Кериан, было, как далеко зашло предательство Сильванешем своего народа. Какими бы ни были его грехи, Сильванеш жизнью своей заплатил за них. Кериан лишь могла представить, какую боль испытали Эльхана с Портиосом, потеряв своего единственного сына.

Портиос шагнул на то место, где стояло привидение. По его молчанию и неподвижности он казался странно уязвимым.

«Уверена, это всего лишь проделка ночи», — сказала Керриан.

Он не ответил, так что она повернулась, чтобы уйти.

«Ничего не говори об этом Эльхане», — сказал Портиос. — «Ее раны слишком глубоки».

Нечасто она бывала счастлива сделать, как он сказал. Солдаты звали ее откуда-то внутри склада, и она оставила Портиоса, направившись к ним.

Воины продемонстрировали ей разбросанные марлевые мешки. Когда-то в этих мешках были мясные окорока. Керриан приказала солдатам прочесать склад. «Ищите следы, отпечатки рук на сосудах, что-нибудь необычное», — посоветовала она. Она не упомянула о привидении, которое видели они с Портиосом. Призраки не крали мясо.

Пока солдаты искали, она внимательно обследовала мешки. Те не были порваны, и завязка на каждом мешке была затянута, восковая печать не нарушена.

Солдаты не нашли ни следа нарушителей. Осторожно сложив пустые марлевые мешки, Керриан заткнула их за портупею. На ее загорелом лице было мрачное выражение.

Кажется, не было сомнений, что их потери продовольствия были вызваны сверхъестественным влиянием долины. Простая кража или припрятывание не могли объяснить запечатанные пустые мешки. Она должна рассказать Гилтасу. Его план пересечь Реку Львицы и захватить долину должен был подождать.

* * *

Восточная половина долины оставалась светлой чуть дольше западной из-за тени, отбрасываемой западными горами. Когда солнце скользнуло за пики, двое эльфов шли сквозь заросли кустов ардизии и оливы, высотой по пояс, в направлении восточного края. Старший был квалинестийцем, с изможденным худым телом от долгих лишений. Фаваронас, бывший архивариус квалинестийской библиотеки Беседующего, не привык к такой энергичной ходьбе.

«Будьте любезны, не спешите так», — задыхаясь, произнес он.

Его более молодой спутник, кагонестиец, ненадолго остановился. Он носил одежду охотника и короткую стрижку по моде некоторых людей.

Робин Неутомимый был охотником за головами, нанятым Сахим-Ханом схватить Фитеруса, мага, ранее работавшего на Сахима. После многих лет службы хану, Фитерус внезапно покинул Кхури-Хан, причинив немало хлопот Сахиму перед своим уходом. Сахим-Хан был не из тех, кто прощает. Заданием Робина было найти мерзавца колдуна и вернуть в Кхури-Хан, чтобы тот испытал гнев своего бывшего хозяина. Он сказал: «Я хочу найти открытую площадку до наступления ночи. Я не хочу, чтобы те огоньки выплыли из кустарника так близко, что мы не сможем избежать их».

Он был прав. Фаваронас недолго был в компании Робина, но уже понял, что обычно Робин был прав. Измученный, все время испытывавший страх, Фаваронас не находил это милой характерной чертой.

Фаваронас повстречал охотника после случайной встречи с Фитерусом у Реки Львицы. Отчаянно нуждавшийся в помощи и не знавший о том, кто такой Фитерус, архивариус согласился работать с ним, чтобы раскрыть секреты долины. Когда Робин поведал ему, что знал о прошлых преступлениях мага в Кхури-Хане, Фаваронас оказался между двух огней,

желавший всецело довериться Робину, но запуганный угрозами Фитеруса. Несчастный ученый делал все, что мог, чтобы помочь поискам Робина, совсем не уверенный, что кагонестиец сможет схватить колдуна прежде, чем Фитерус уничтожит их обоих.

Робин спешил, прокладывая путь для Фаваронаса. Идти было тяжело. Ветки ардизии были гладкими, но цепляющимися. Они постоянно запутывались вокруг лодыжек Фаваронаса, заставляя его спотыкаться. У кустов оливы, не надо путать с благородными оливковыми деревьями, были острые листья, норовившие выколоть ему глаза. Руки и лицо Фаваронаса были в крошечных порезах. Он едва мог поверить заверениям Робина, что их добыча прошла этим путем. Фитерус был таинственным волшебником, но едва ли сильным физически. Намного старше Фаваронаса и под ношей тяжелой мантии, которую носил, как он мог бы пересечь такие жуткие заросли?

Робин указал на слабые отметины на самых высоких ветках. — «Он прошел здесь».

Фаваронас, прищурившись, посмотрел на отметины, едва заметные для него, даже когда он знал, куда смотреть. Колдун шел по *верхушкам* зарослей? С трудом сглотнув, чрезвычайно любознательный Фаваронас решил, что иногда знать что-то гораздо хуже, чем не знать.

Пока они шли, их тени перед ними становились все длиннее и длиннее. Основываясь на теории архивариуса, что Фитерус искал высокое место, с которого можно увидеть всю долину, Робин сделал вывод, что его целью являлся пик под названием Ракарис. След явно вел прямо туда. Фаваронас считал, что монолиты долины не были развалинами давно покинутого города, а образовывали какую-то карту или символ. Будучи увиденными целиком, с высокой точки, их назначение должно было открыться для Фитеруса, позволяя ему проникнуть в скрытые силы Инас-Вакенти. Какую форму могли принять эти силы, Фаваронас не знал, но был уверен, что нельзя было позволить Фитерусу получить к ним доступ.

Не раньше, чем последний луч солнца скользнул за горы, Робин, наконец-то, сжалился над выбившимся из сил Фаваронасом, и согласился разбить лагерь. По настоянию архивариуса, они отклонились к открытому участку, на котором доминировали три каменных столба.

Эти камни были высотой пять метров, но казались еще выше, возвышаясь на низкой насыпи из типичной сине-зеленой почвы долины. Фаваронас, шатаясь, выбрался из ненавистного кустарника и рухнул на руки и колени. Робин подошел к камням. Он слегка коснулся ближайшего, разглядывая его квадратную верхушку. Его волшебные очки могли обнаружить любые следы живых существ, и они показывали ему, что никто не касался камня очень долгое время.

Восточные горы были все еще далеко, в двух, возможно трех днях пути даже шагом Робина. На крутых гранитных склонах были видны многочисленные выступы и плато. Любое из них могло быть использовано для изучения долины, но Фаваронас считал, что строители монолитов создали одно особое место, откуда должен был быть отчетливо виден весь грандиозный план из разбросанных камней. Он был уверен, что Фитерус искал это место, и что это место — единственное. След колдуна должен был привести их к нему.

Преследование осторожной цели и избегание посещавших долину призрачных огоньков требовало скрытности, так что Робин не позволял разводить костер. Фаваронас настроился на еще один ужин из сухих фруктов и вяленой оленины и еще одну ночь, проведенную дрожа под тонким одеялом. Он скинул с плеча тяжелый мешок. Тот перевернулся, и находившиеся

внутри три каменных цилиндра выкатились на землю.

Робин поднял взгляд от своего собственного маленького рюкзака. — «Ученый, дорога для тебя достаточно трудна. Зачем ты таскаешь камни?»

Фаваронас поспешно сунул цилиндры обратно в мешок. Он пробормотал что-то насчет «интересных минеральных образований», и Робин, казалось, довольствовался этим объяснением.

Странные цилиндры были совсем не камнями, а свитками. Волшебным образом обращенные в камень, они разматывались лишь под рассеянным солнечным светом. Фаваронас обнаружил их в туннеле во время первоначальной экспедиции в долину под руководством леди Кериансерай. К тому времени, как он разобрал часть содержащегося в них текста, экспедиция уже покидала долину. Он ускользнул от остальных, и вернулся в долину в одиночку. Он все еще трудился над расшифровкой древних книг. Письмена внутри них были сильно сокращенной формой староэльфийского, когда каждое слово было уменьшено до единственного слога, например, *ом. хед. тон. дак*, фраза, которую он недавно разобрал, и которая означала «Отец, Который Не Сделал Своих Детей». Этот эпитет част использовался в текстах, и относился к предводителю строителей каменных столбов. Были ли те строители колонистами или заключенными, Фаваронас не был уверен.

Он открыл лишь малую часть содержания свитков, но даже столь малые результаты внушали ужас. Его тайное возвращение в Инас-Вакенти питалось жаждой воспользоваться огромной силой и помочь своему осажденному народу. Теперь все, чего он хотел, лишь схоронить это знание как можно глубже. Никто не должен узнать то, что узнал он. Он даже Робину не рассказал о своей связи с двором Беседующего и своем знакомстве с леди Кериансерай. Будет проще, если охотник за головами будет думать о нем лишь как о незначительном заблудившемся ученом. К счастью, Робин был озабочен лишь тем, чтобы схватить Фитеруса. Он проявлял мало интереса к чему-либо, что не касалось напрямую его поиска.

Робин устроился, прислонившись спиной к монолиту и обняв свой короткий изогнутый лук. Это был его ритуал перед сном. Он никогда не ложился спать без лука с наложенной стрелой на коленях. Фаваронас слышал, как говорили, что лучшие кагонестийские охотники могли слышать, как прогибается листок под лапкой кузнечика. Тесное общение с Робинем научило его, что это не было байками. Робин мог различать невообразимо слабые звуки и запахи, и его зрение, даже без волшебных очков, было намного острее, чем у любого другого знакомого Фаваронасу эльфа.

Фаваронас лег в нескольких метрах от него, в центре образованного тремя камнями треугольника. Неестественная тишина долины весьма сильно действовала ученому на нервы. Отсутствие ночных звуков затрудняло ему засыпание. Чтобы заполнить пустоту, он заговорил, спросив Робина, как долго тот выслеживал Фитеруса.

«Двадцать два дня и двадцать три ночи», — спокойно ответил охотник. — «Первые три ночи я провел в водоеме под Кхури-Ханом». — Откинувшись спиной на монолит с закрытыми глазами, Робин нахмурился. — «Отвратительное место».

«Когда ты найдешь его, как ты его схватишь?»

Он слегка пожал плечами. — «Пришпилив ему крылья».

С этими словами Робин заснул. Фаваронас завидовал его способности мгновенно засыпать. Хотя Фаваронас лежал тихо и пытался думать о чем-то спокойном, покой не приходил к нему. Его голову наполняла какофония вопросов и страхов. Прошел час, а он все

еще бодрствовал. Возможно, глоток воды поможет.

Чуть теплая жидкость отдавала кожей, в которой Робин переносил ее, и Фаваронасу захотелось, чтобы это было вино. Сделав второй глоток, он понял, что это оно и есть — крепкое красное. Изумленный, он подавился, вино струйкой потекло по его груди.

«Твоя любимая марка, не так ли? Двухлетней выдержки из черного гудлундского винограда».

Пульс Фаваронаса бешено заколотился. Он узнал этот голос!

Из глубокой тени самого западного монолита появился Фитерус. Привычный наряд колдуна — тяжелая коричневая мантия — делал его огромным и массивным. Он скользил вперед на невидимых под стелющейся мантией ногах, явно не касаясь земли.

Фаваронас метнул взгляд на Робина, уверенный, что хитрый кагонестиец должен был знать, что его жертва была на расстоянии вытянутой руки.

«Наймит хана тебе не поможет».

Фитерус вытянул костлявую руку, и на его ладони разгорелось пламя. При его свете стало очевидно, что Робин был не в состоянии помочь кому-либо, даже себе. Его глаза были закрыты, будто он все еще спал, а вокруг него поднималась синеватая почва, пузырясь, точно густая грязь. Растущий холм земли уже добрался до талии Робина, обездвижив ему ноги. Его нижний край, где сочившаяся земля встречалась с поверхностью, застыла в лазурит, и этот эффект распространялся вверх. Робин будет погребен заживо.

«Когда песчинки достигнут его губ и ноздрей, они заполнят его, точно живые песочные часы», — пояснил Фитерус. — «Когда взойдет солнце, дневной жар сплавит почву в прочнейшее стекло. Его агония будет сильной... и продолжительной». — Голова колдуна в капюшоне повернулась обратно к Фаваронасу. Фаваронас никогда не видел его лица; оно всегда было скрыто в глубине капюшона мантии. — «Но его судьба легкая по сравнению с тем, что я уготовил тебе».

Фаваронас распростерся ниц, моля о пощаде, настаивая, что у него не было выбора, кроме как присоединиться к Робину. Его трясущаяся рука коснулась мешка со свитками. Думая быстро, он толкнул его вперед, высыпая цилиндры на землю. — «Взгляните, хозяин! Смотрите, что я нашел!»

Фитерус удивленно выругался. Узловатые пальцы потянулись к свитку, застыв в сантиметрах от его поверхности. — «Ты скрыл это от меня». — Это было очевидной правдой, но Фаваронас все равно отрицал это. Колдун спросил, знает ли он, чем были эти свитки.

«Да, хозяин! Это хроники, написанные теми, кто воздвиг каменные столбы», — прокудахтал Фаваронас.

Повинуясь знаку, он продолжил рассказывать, как научился открывать свитки, и что смог, с определенными трудностями, прочитать часть содержащегося в них текста. Огромная сила схватила его за воротник мантии и подняла в воздух. В одной руке у колдуна все еще горел огонь. Другую руку он поднял вверх, сжав пальцы.

«Я принимаю твою дань», — произнес он. — «Ты переживешь эту ночь, жалкий дурак, если прочитаешь мне Анналы Потерянных».

Невидимая рука выпустила Фаваронаса. Бледный и дрожащий, он вернул цилиндры в мешок и прижал его к груди.

Следуя за колдуном, он на прощание оглянулся. При угасающем свете огонька Фитеруса было видно, что Робин был скован уже по грудь. словно живые существа, зерна песка

поднимались вверх, взбираясь одно на другое, вокруг его плеч. Фаваронас отвернулся и потащился прочь. Он был так же беспомощен, как охотник за головами, они оба находились во власти безжалостного хозяина.

День Беседующего начался с путешествия к реке. Гилтас сидел на камне между двумя маленькими ивами и пил воду из чаши. Холодная свежая вода была одним из преимуществ долины — по словам его жены, возможно, единственным преимуществом. Раннее утреннее солнце окрасило золотом гребни западных гор, но сама долина все еще находилась в тени. В низинах стоял утренний туман. Несмотря на слои одежды, Гилтас дрожал. Казалось, он больше не мог согреться.

Когда вода закончилась, он попытался было встать, чтобы снова наполнить чашу, но едва успел перенести вес тела, как у него забрали из руки сосуд. Кериан погрузила чашу в реку и вернула ему.

«Тебе тепло?»

Гилтас кивнул и воспользовался водой, чтобы вымыть руки и лицо. — «Сегодня они голосуют», — добавил он. — «Интересно, не останусь ли один к закату».

«Не смей меня. Ты — Беседующий с Солнцем и Звездами. Твой народ не покинет тебя».

На другой стороне реки приземлился Орлиный Глаз. В отличие от диких золотистых грифонов, пойманных ими в Харолисовых горах, он был Королевской породы, крупнее и с белым оперением на шее. На предвзятый взгляд Кериан, он был намного умнее любого из найденных ими диких животных.

Он издал вопросительную трель и захлопал крыльями. Кериан кивнула, поднимая руку. Орлиный Глаз прыгнул в небо и отправился поймать себе завтрак.

«Ты уверена, что не можешь читать мысли этого зверя?»

Ворчливый тон голоса Гилтаса вызвал слабую улыбку. — «Оставлю это Эльхане», — ответила она, набрав и выпив пригоршню воды. — «Но грифоны — простые существа».

В отличие от эльфов. Казалось, эти слова повисли несказанными в воздухе между ними. Кериан погрузила пальцы в реку. Гилтас любил шутить, что ревнует к вниманию, которое она уделяла Орлиному Глазу, но она стала замечать, что это больше, чем просто юмор. Долгое время муж с женой разделяли лишь тяжелую работу и конфронтацию, а позже, из-за болезни Гилтаса, осторожный нейтралитет.

Вопреки своему мнению, Кериан выполнила его приказ и привела отряд, чтобы обследовать Инас-Вакенти на пригодность стать новым домом для их народа. Проход ее экспедиции через пустыню вызвал насилие со стороны кхурских кочевников, а проведенное в долине короткое время привело к массовым исчезновениям и сражению с редким и злобным песчаным зверем. В конце было поставлено еще больше вопросов, чем получено ответов. Для Кериан один факт стал очевидным: эта долина не была подходящим домом для нации эльфов.

Затем пришло ее решение отбыть из долины в одиночку на Орлином Глазе, после того как у нее было видение подкрадывавшейся к Гилтасу опасности. Он выжил, но их брак едва ли. Он уволил ее с командования своей армией за то, что она оставила своих воинов в Инас-Вакенти. Лишь восьмерых из них увидели снова. Архивариус Гилтаса, Фаваронас, пропал так же как и Глантон, брат Планчета, последнего телохранителя и близкого друга Беседующего. По словам выживших, отряд заблудился в пустыне, так что Глантон разделил его на группы по десять воинов и отослал в разных направлениях. Эти восемь набрали на

кхурский город Калин Ак-Фан; никого из остальных больше не видели.

«Как насчет тебя? Какой выбор ты сделаешь сегодня?» — спросил Гилтас.

«Здесь нечего выбирать».

«Но ты хочешь идти».

Она не ответила, лишь сменила позу на камне и опустила в реку босые ноги. При этом она прижалась к нему спиной. Ей хотелось немного уединенности, времени, чтобы собраться с мыслями. Вопрос идти или остаться был одним из тех, над которыми она предпочитала не задумываться, пока это не станет абсолютно необходимо. Это решение не было выбором между разумом и сердцем; ту битву Керансерай часто вела. Это был выбор между сердцем и сердцем.

На протяжении большей части своей взрослой жизни она сражалась за свободу Квалиности. Она планировала, сражалась и маневрировала, чтобы вернуться домой с армией за спиной. Лишь самые чрезвычайные события могли заставить ее уйти. Ее желание освободить их родину являлось причиной продолжительных разногласий с Гилтасом. Она хотела вернуть армию в Квалиности. Он не разрешал, говоря, что пока эльфы жили в изгнании в Кхури-Хане, армию нельзя было разделять.

В результате длинной череды запутанных событий это должно было вот-вот случиться. Армия совершит переход в Квалиности, и Львицы не будет с ними. Она должна остаться, в противном ей месте, выполняя миссию, которая, она чувствовала сердцем, являлась абсолютно бессмысленной. Тем не менее, никакие жалобы на судьбу не могли изменить единственный наиболее важный факт: она не оставит Гилтаса, пока того мучила чахотка, в одиночестве в безжизненном кладбище Инас-Вакенти. Как ни сильна была ее привязанность к своим воинам, связь с Гилтасом была намного сильнее.

«Иди, если хочешь».

Его попытка сохранять беспечный тон привела ее в ярость, тем не менее, она не ответила, лишь поглядела на долину за широкой спокойной рекой. Дымка рассеивалась, утончаясь и открывая чахлые деревца и каменные колонны за ними. Ее острых слух совсем не улавливал никаких звуков. Даже шум, создаваемый огромной массой находившихся на некотором расстоянии позади них эльфов, поглощался губительной тишиной Инас-Вакенти.

«Кери-ли». — Гилтас использовал самую интимную форму ее имени. — «Я не позволю своей болезни удерживать тебя здесь. Ступай в Квалиности. Отвоюй его для нас».

Это было последней каплей, его самоотверженное предложение того, что могло бы соблазнить ее поменять решение. Ее захлестнула волна стыда, и сердце стиснуло болью, от которой невозможно было избавиться. При всех их разногласиях — а их была тьма — она по-прежнему любила его, а еще, вполне возможно, он умирал.

Как обычно и случалось с Львицей, сильные эмоции проявлялись в виде гнева и действия. Она стремительно поднялась на ноги и с гордо поднятой головой подошла к нему. Она схватилась руками спереди за его кхурский *геб* и с поразительной легкостью подтянула вверх истощенное тело Гилтаса. Его глаза расширились в изумлении.

«Послушай меня, Великий Беседующий! Я никуда не иду! Понятно тебе? Ты обречен быть со мной навечно! Мы перейдем эту реку, сразимся с призраками, пляшущими огоньками и чем бы там ни было еще, что станет у нас на пути, а затем посадим каждое сохраненное с момента покидания дома семя. Мы заставим цвести эту чертову долину, а *затем ...*» — Она с пылом поцеловала его. — «Затем я отправлюсь в Квалиности и верну его законному королю!»

Гилтас улыбнулся в ее раскрасневшееся рассерженное лицо. — «На что обречен», — прошептал он.

* * *

Он бежал сквозь высокую траву. В его венах пело возбуждение. В отличие от большинства его сородичей — жителей лесов, Портиос любил саванну. Обширные просторы, просматриваемые на многие мили в каждом направлении, делали ее любимой местностью Портиоса для охоты. Он мог без помех переставлять свои быстрые ноги в ее пределах. Шелест и качание травы являлись музыкой погони. Воздух был прохладен, кусался ранней осенью, но солнце приятно грело его обнаженное лицо. Его ноги двигались плавно, такие легкие и проворные, носки ног оставляли едва заметные следы на земле. Его грудь легко ходила с каждым глубоким вдохом. Он был цельным, не обгоревшим и восхитительно живым. С его губ сорвался смех абсолютной радости от всего этого.

Охота на типичную дичь требовала хитрости и сноровки. В этот раз преследуемая им добыча была другой. Требовалась сила, сила разума и решимости. На кону было будущее всей его расы. Портиос сделает все для защиты этого будущего. Погоня до предела натянула все чувства, но его воля была сильной, его решимость непоколебима. В конце концов, узурпатор будет пойман.

Он упал. Внезапность этого застигла его врасплох, и он сильно ударился о землю. Высокая трава скрыла канаву, но все равно, это было непростительно. Его никогда не застигали врасплох. Он никогда не был таким неуклюжим. Он собрался, было, снова встать, но корни обхватили его обутые ноги. Каждый раз, когда он высвобождал ногу, трава вновь обвивалась вокруг его лодыжек. Спустя несколько секунд, он уже больше не мог высвободиться, как бы упорно ни старался и как бы быстро ни извивался, и Портиос потерял равновесие. Он упал на спину. Трава облепила его, заслонив небо.

То, что было захватывающей погоней, стало кошмаром. Трава обхватила его руки и ноги, обвила горло и поднялась, закрывая лицо, погребая его в море зелени. Ростки проникли ему в уши, протиснулись между губ и заполнили ноздри. Он не мог дышать!

Вставай!

В его мозгу явственно прозвучал приказ. Ростки были беспощадны. Хотя он крепко зажмурился, усики протиснулись ему под веки, проникая в череп. Агония была ужасной. Он хотел закричать, но не мог сделать вздох даже для этого.

Ты трус? Освободись!

Портиос медленно сомкнул пальцы на пучке травы. Собрав все силы до последней капли, он высвободил руки от цепкой хватки. Затем его пальцы принялись трудиться над облепившей лицо зеленью. Удушьящая тьма стала отступать. Он мог видеть свет, он мог дышать!

Не останавливайся. Встань.

Разъяренный безмянным покровительственным голосом, Портиос удвоил усилия, вращая сперва головой, а затем и туловищем из стороны в сторону. Стискивавшая его растительность рассыпалась и опала. Он оглянулся, чтобы посмотреть, кто осмеливался говорить с ним таким тоном.

Он все еще находился в саванне. Плоский луг тянулся вдаль во все стороны под небом,

украшенным белыми кучевыми облаками, и не было видно ни души.

Его ноги были все еще опутаны. Собрав в кулак свою огромную решимость, он рывком высвободил правую ногу, а затем сосредоточился на левой. Ему необходимо вернуться к погоне. Он не мог позволить спастись своей добыче.

«Нет».

Голова Портиоса резко обернулась. Луг больше не был пустым. Приближался человек. Хотя он был еще в дюжине метров, голос человека доносился свободно. Он был старым, чисто выбритым, с коротко остриженными нечесаными седыми волосами. Его домотканое платье было церковного покроя, и он держал в руке терновый посох. Портиос сразу же узнал его.

«Это твоих рук дело?» — спросил он, указывая на свои пойманные в ловушку ноги.

Старый жрец пожал плечами. — «Я не могу навещать тебя открыто, так что позаимствовал сон».

Сон? Портиос поднес руку к лицу. Кожа была гладкой, нетронутой огнем и мокрой от пота. Сон никогда не был таким реальным.

Человек выжидающе смотрел на него. Раздраженный, но, одновременно, и любопытный, Портиос спросил, чего он хочет.

Жрец вздохнул. — «Ты все время задаешь мне этот вопрос».

«И ты всегда отвечаешь загадками!»

Человек развернулся и пошел прочь. Надменное игнорирование было как раз той шпорой, в которой нуждался Портиос. Он вырвал ногу из остатков сковывавшей его травы и рванул вслед за человеком.

«Не уходи от меня!» — велел он, потянувшись к руке жреца. Как только он коснулся ее, земля у него под ногами стала плотной. Омытая солнцем саванна замерцала и исчезла.

Они были в Инас-Вакенти. Солнце высоко стояло в небе, но воздух все еще был влажным и прохладным — особенность проклятой долины. Они были вдвоем, в компании лишь бесцельно разбросанных каменных столбов.

«Я сильно рисковал, придя к тебе», — сказал жрец. Небо прочертил метеорный поток, оставляя следы бесшумного огня. Нахмурившись при виде это зрелища, он добавил, — «Должно быть, это в последний раз».

«Зачем ты пришел? Зачем так резко нарушил обычный сон?»

«Обычный?» — все, что сказал человек.

Продолжая сердито глядеть на старика, Портиос внезапно вспомнил, за кем он охотился: за Гилтасом. Чтобы спасти расу эльфов от его недалёковидности, Портиосу следовало убить Гилтаса. Ему следовало убить сына Лораланталасы. Это был совсем не обычный сон.

«Ты остановил меня. Зачем?» — спросил он.

В глазах человека была печаль. — «Иногда даже сны запретны».

С захватывавшей дух внезапностью, мир сна снова вернулся. Гладкая кожа ссохлась, мышцы перекрутились и стянулись, на груди, руках и ногах прорезались шрамы. Памятная радость от бега по лугу исчезла, поглощенная правдой бесконечной муки. Он стоял, нагой и покоробившийся, под открытым небом. От непривычного ощущения ветра на обнаженной плоти его голова поплыла. Он провыл свою муку яркому солнцу.

С этим криком, все еще отдававшимся эхом вокруг них, старик поднял посох обеими руками и стукнул его толстым концом по земле. Тотчас опустилась ночь, и с ней к Портиосу

вернулись знакомые лохмотья. Казалось, они выплыли из земли у него из-под ног и поднимались, чтобы осторожно обернуть его, пряча от мира его стыд.

Вдалеке прокатился раскат грома. — «Это опасное место. Оно воздействует на меня. Я не могу оставаться», — пробормотал жрец, очищая посох от бирюзового дерна. Снова пророкотал гром, ближе и громче.

Говоря быстро, он сказал: «Заблудший, оставь Следопыта его собственной судьбе. Твоя же лежит в темной и окровавленной земле королевства Кит-Канана».

Словно испаряющаяся на горячем камне вода, он таял, становясь прозрачным, а затем исчез совсем. На месте, где он стоял, из-под земли пробился тонкий росток ясеня.

Портиос проснулся. Он лежал в своем одиноком спальном мешке снаружи лагеря изгнанников. Светало. Наступал день, когда эльфы должны были решить: синий камень или белый, остаться или уйти.

Пусть Гилтас остается в своей проклятой долине. Портиос говорил с богом. Загадочные слова и уклончивые ответы, это правда, но божественная сила направлял его. Правильные эльфы последуют за ним. Вместе они начнут новую главу истории Первой Расы.

Бог был прав во многом. Темная и окровавленная земля, назвал он ее. Когда Портиос доберется до Квалинесты, он собирался сделать ее полностью соответствующей описанию бога.

* * *

Раса эльфов, так долго бывшая разделенной на две нации и ненадолго воссоединившаяся, снова разделилась. Камни были собраны, и выбор сделан. Вдоль западного берега Реки Львицы стояли эльфы, выбравшие остаться. Напротив них выстроились те, кто собирался уйти. Все воины, кроме нескольких сотен гвардейцев Беседующего, собирались уйти. Они были солдатами, и война была тем, что они умели. Постигание загадок таинственной долины было выше их понимания. Строить дома и пахать землю, было не для них. Каждый чувствовал, что он будет полезнее в битве Портиоса за освобождение Квалинесты. Если им суждена была смерть, они предпочитали встретить ее в земле своих предков, сражаясь с врагами своей расы. Выбор был не из легких, и их прощание не было радостным. Говорить прощай семье и товарищам, было трудно, но ожидаемо в жизни воина. В отличие от разочарования их Беседующего.

Эльхана, Самар и их всадники грифонов расположились между двумя группами. Два грифона остались позади: Золотой Глаз и Канан Гитантаса, так как не хватало времени связать последнего с другим всадником.

Как минимум один был рад выбору Кериан остаться. В ее отсутствие, командование Армией Освобождения легло на плечи Самара. Гордому сильванестийскому воину никогда не нравилось работать с несговорчивой Львицей. Самар также был рад, что все гражданские выбрали остаться в долине. Некоторые колебались, но, в конце концов, все поняли, что еще один переход через пустыню будет для них смертельным.

К полудню все приготовления были закончены, и группы собрались возле реки.

«Мы останемся на связи», — пообещала Эльхана. — «Как только мы вернемся в Квалинесту, мы начнем регулярно отправлять доклады при помощи всадников грифонов».

«И мы будем посылать новости о наших успехах тем же способом», — сказал Гилтас.

Портиос не был частью собравшейся вокруг Беседующего группы. Он стоял в нескольких метрах поодаль, в тени низких веток сосны. Ему не нравилось появляться при ярком дневном свете, но Кериан сомневалась, что это была единственная причина его неучтивости. Она сделала поправку на то, что он уходил. Обойдя группу всадников грифонов и их животных, она пересекла открытое пространство между двумя группами эльфов и окликнула его.

«Пугало!»

«Не называй меня так».

«Тебе лучше к этому привыкнуть. Бандиты будут звать тебя не лучше».

Его глаза в тени сузились. — «Кого ты будешь доставать, когда я уйду?»

«Гилтаса», — ответила она. Остановившись в нескольких метрах от него, Кериан спросила, — «Какой маршрут ты выбрал?»

Портиос ответил, что планирует пройти через проход как стемнеет, а затем направиться по суше к Новому Морю. Там Армия Освобождения либо наймет корабли, либо совершит переход вдоль берега, пока не доберется до Квалинести.

Грифон Самара, Железная Голова, нетерпеливо протрубил, и Кериан бросила взгляд на большого золотистого грифона. Когда она обернулась обратно, Портиос уж покинул укрытие из веток сосны и стоял лишь в паре метров от нее. — «Я жду, что ты присоединишься к нам, когда придет время».

Он имел в виду, когда Гилтас будет мертв, и она была в ярости не из-за того, что он ошибался, а потому, что он так легко угадал причину, по которой она интересовалась его маршрутом. Он ушел, больше не произнеся ни слова, оставив Кериан гадать, было ли странное выражение в его глазах состраданием.

Подошла Эльхана, протягивая руку своей молодой преемнице. Она попрощалась с типичной изящностью, но, даже пока они обнимались, Кериан пыталась понять, как добрая, образованная, благородная Эльхана ежеминутно терпела Портиоса.

«Ты не знала его прежде», — сказала Эльхана, — «Он был совсем другим».

Кериан поняла, что пробормотала свои мысли вслух. Покачав головой, она спросила, — «Так что, огонь забрал и его нрав и манеры?»

«Его внешность — самое меньшее, что он потерял. У него благие намерения».

Кериан сомневалась в этом, но знала, что спор был бессмысленным. К счастью, подошел Гилтас, и Эльхана переключила свое внимание, чтобы тепло попрощаться с Беседующим. Затем настало время армии отправляться.

Плотной колонной по шесть всадников, воины выстроились за Портиосом, который пока что шел пешком. Он до сумерек будет держать армию у устья прохода, а затем вытолкнет горстку кочевников, которые, как было известно, находились там. Он мог подождать сумерек, прежде чем оставить лагерь изгнанников, но боялся начать терять воинов, если задержится. Нельзя было позволить, чтобы связь между Беседующим и его преданными воинами поколебала какие-либо нерешительные головы.

Следующими должны были двинуться всадники на грифонах Эльханы. Все, кроме бывшей королевы, были в седлах и готовы стать на крыло. Чиза, золотая самка Эльханы, спокойно стояла, пока Эльхана в последний раз обняла Гилтаса и обменялась рукопожатиями с Хамарамисом и Таранасом. Когда она обнимала Кериан, Львица сделала ей последнее откровенное предупреждение.

«Присматривай за ним». — Кериан не беспокоилась говорить тише, и все в пределах

слышимости знали, кого она имеет в виду. — «Все мы пешки в игре, которую он играет, даже ты».

Эльхана улыбнулась. — «Я знаю его, племянница». — Фиалковые глаза метнулись к стоявшему неподалеку Гилтасу, и Эльхана прошептала, — «Ты присматривай за *ним*».

Руки Керриан судорожно сжали руки Эльханы. Эльхана расцеловала ее в обе щеки и быстро направилась в сторону. С привычной легкостью она забралась в седло Чизы, намотала поводья на левую руку и отдала приказ. Чиза поскакала вперед. На третьем прыжке грифон был уже в воздухе, мощно хлопая крыльями. Самар с остальными всадниками последовали в небо за своей госпожой.

Летающие грифоны быстро скрылись из виду среди низких пиков. Никакая поднятая пыль не выдала выступление колонны всадников. Влажная почва Инас-Вакенти не поднималась вверх, как песок пустыни. В поразительно короткое время оставшиеся эльфы уже наблюдали пустой проход и чистое небо.

Кашель Беседующего нарушил тишину. Все глаза обратились к нему, а затем в сторону, давая ему возможность отчасти незаметно подавить спазм. Трусанар предложил микстуру. Гилтас выпил ее и проигнорировал обеспокоенные вопросы целителя. Прошлое только что ускакало. Больше не было причины задерживаться.

Указывая на центр долины, Гилтас поднял голос, говоря: «Мой народ, наше будущее лежит в том направлении».

Беседующему не нужно было проделывать этот путь пешком. Группа из восьми эльфиек вышла вперед, неся кресло с высокой спинкой, умело выполненное из ковриков, сплетенных из местной травы. Они сделали паланкин для Беседующего, чтобы не заставлять его идти. Гилтас был глубоко тронут. Так же как и Керриан, хотя она скрыла это за грубостью. Кресло было разложено, и с каждой стороны сквозь плетеные полосы было пропущено по прочному шесту. Двое мужчин и две женщины стали у шестов, ожидая, чтобы поднять Беседующего себе на плечи. Гилтас, было, запротестовал — Беседующего с Солнцем и Звездами не должны были носить на спинах подданных, словно какого-то жестокого тирана — но один взгляд на Керриан заставил его замолчать. Честно говоря, он знал, что у него не было выбора. Он просто не смог бы проделать такой долгий путь пешком.

Однако он собирался проделать малую его часть своими собственными силами. Взяв Керриан за руку, он шагнул в Реку Львицы. Течение было слабым, и глубина там — не выше колена, так что пересечение не составило особого труда. Оказавшись на другом берегу, Гилтас остановился, а затем осознал, что затаил дыхание. Такая простая вещь, переход реки вброд, но каким глубоким смыслом он был наполнен. Здесь они оказывались под влиянием действовавших в долине странных сил. Тем не менее, Гилтас ощущал переполнявшее его огромное возбуждение. Наконец-то началась последняя часть их путешествия.

Носильщики перенесли паланкин, и Гилтас уселся в него. Носильщики подняли шесты. Прилив смущения придал лицу Гилтаса больше цвета, чем у него было уже долгое время.

«Вперед, мой народ», — произнес он. — «В землю нашей мечты!»

Адала шлепнула ладонью по комку холодного теста. Пирожок был в два раза меньше требуемого для правильной буханки размера, и в грубой муке, которую они выменяли, под ее пальцами ощущался песок, но это было все, чем они обладали. Черная железная кастрюля была готова, так что она положила тесто в скудный мазок масла. Тесто зашипело.

Зверь лежал рядом с ней. Слюна стекала струйкой с его открытых черных губ. Адала отщипнула еще один шар теста и раскатала его в пирожок. Зверь высунул язык.

«Ты голоден?» — спросила она.

«Да!»

«Ужин скоро будет готов». — Еда будет скудной, но она поделится всем, что имеет. Адала не позволит гостю голодать, не важно, каким странным мог быть гость.

Строительство стены на сегодня закончилось. Изможденные мужчины и женщины притащились обратно в свои палатки, чтобы съесть столь же скудную пищу и тотчас заснуть. Четверо несли дежурство на верхушке стены. Адала сперва держала в патруле по двадцать человек, но, так как дни шли, а *лэддэд* не появлялись, размер ночной стражи сократился. Слишком многие изможденные часовые засыпали на каменной пирамиде и получали травмы, когда скатывались с нее.

Зверь находился с ними два дня. По ночам он охотился, утоляя голод редкой крысой или кроликом, и возвращался перед рассветом. Днем он прятался в палатке Адалы, проходившие мимо видели лишь зеленоватый отблеск его глаз. Мало кто ходил мимо. Распространился слух о предположительной личности зверя. Кочевники верили, что проклятия передаются, как болезнь, и что любой, кто подойдет слишком близко к зараженному принцу, мог пасть жертвой того же несчастья. Сторонники Адалы умоляли ее убить или прогнать его. Ничего хорошего нельзя было ждать, держа рядом такое противоестественное существо, говорили они. Но она не обращала на них внимания.

Со своей непоколебимой *маитой*, Адала не боялась чудовища. Его повиновение ей доказывало, что Те, Кто Наверху намеренно прислали его к ней. В других обстоятельствах, она бы не мешкая уничтожила подобную мерзость, но он рассказал ей о своем намерении войти в Алия-Алаш, и она придержала руку. Пусть зверь, если хочет, убьет *лэддэд*, а затем пусть они убьют его в ответ.

Хлеб был готов. Адала достала его из кастрюли. Она влила немного воды. С шипением поднялись клубы пара. В кипящую жидкость отправились кусочки сушеной баранины. Появилась волосатая лапа, тянясь к небольшой стопке лаваша. Адала сильно стукнула по ней медным черпаком. Лапа отдернулась.

«Ты сможешь поесть, когда все будет готово», — сказала она. — «Не раньше».

Она бросила пригоршню риса в кипящий бульон, а затем накрыла кастрюлю перевернутой деревянной миской, чтобы не выпускать пар. Несмотря на огонь очага, Адала дрожала. Солнце село, и в лагерь заползала болезненная прохлада. Липкий холод каждую ночь сочился из долины. Он проникал в кости и заставлял ныть все тело, словно вымывая малейшие частицы тепла. Лишь добрый горячий огонь сдерживал могильный холод. Если холод был столь сильным здесь, у входа в долину, она могла лишь представить, насколько хуже было внутри. Возможно, это была смерть, уготованная *лэддэд* Теми, Кто Наверху: превратить их в трупы, пока они спали.

Когда рис был готов, Адала сняла накрывавшую миску и зачерпнула в нее скромную порцию баранины с рисом. Две буханки дополнили блюдо, и она передала его своему необычному гостю. Шоббат глубоко вдохнул пар от дымящейся миски, и облизнул губы.

«Когда ты войдешь в долину?» — спросила Адала, приступая к своей собственной скудной трапезе.

«Скоро. Жду знака».

Он говорил так каждый вечер, когда она задавала этот вопрос. На этот раз она не приняла его.

«Завтра».

Язык Шоббата перестал лакать пищу. Он посмотрел на хмурую женщину, вопросительно выгнув бровь.

«Почему... за-а-тра?» — Его звериная пасть с трудом подходила для формирования определенных звуков.

«Те, Кто Наверху учат нас быть гостеприимными три восхода солнца. После этого гость становится костью. Ты уйдешь завтра».

«Я — Шоббат!»

«Так ты сам сказал, но принц или чудовище, ты исчерпал запас гостеприимства. Уходи по собственной воле, или будешь выгнан. Выбор за тобой».

Он зарычал, обнажая свирепые клыки. Адала взяла из костра горящую ветку и ткнула ей в него. Он отпрянул. Губы изогнулись, снова пряча длинные зубы, он сдался.

«За-а-тра».

С тех пор, как зверь начал спать в ее палатке, Адала стала спать снаружи. Она раскатала спальный мешок перед палаткой и устроилась на ночь. Хотя Адала верила, что ее *маита* защитит ее от трусливой твари, она все равно прятала кинжал под круглой парчовой подушкой. Как всегда, дневная работа так сильно утомила ее, что она заснула, едва сомкнув веки.

* * *

Наверху незаконченной стены четверо часовых кочевников плотнее обмотали шею шарфами и сбились в кучу. Без отгоняющего холод огня, их дежурство было мукой. У предприимчивых Вейя-Лу была следующий после огня отличный способ согреться. Из рук в руки переходила бутылка с пальмовым вином. Один из дозорных отошел, чтобы ответить на зов природы. Он успел сделать лишь несколько шагов, когда земля внезапно ушла у него из-под ног, и он рухнул со стены в сторону долины. Его товарищи рассмеялись и принялись отпускать грубые комментарии касательно его неспособности пить. Один из кочевников, сочувствовавший больше остальных, направился ему помочь. Он, пошатываясь, спустился с груды камней, зовя своего товарища по имени. Внезапно его зов прекратился.

Оставшиеся двое кочевников ждали, но пропавшие люди не появлялись. Они принялись звать своих исчезнувших товарищей.

они едва успели обменяться озадаченными взглядами, как темнота ожила. Призраки бесшумно вскарабкались по каменной пирамиде, сокрушили двоих часовых и потащили их прочь, удаляясь столь же бесшумно. После чего налетчики вновь скрылись в темноте.

С имевшимися у него силами Портиос мог проехать прямо сквозь кочевников.

Большинство оставшихся людей были стариками, но хитрость больше подходила Портиосу, чем грубая сила. Он берег свою армию от любых не необходимых потерь, и скрывал от большого мира их отбытие. В противном случае, каждый доносчик и каждый болтливый путешественник между Кхуром и Квалиности распространит весть о передвижении вооруженных сил эльфов. Не требовалось быть военным гением, чтобы сделать вывод о цели такой силы. Самувал с неракцами были бы предупреждены.

Эльхана, ведя своего грифона за уздечку, присоединилась к Портиосу, ожидавшему во главе укрытой кавалерии. Он пояснил свой план.

«Мы обогнем край стены. Мы должны двигаться абсолютно бесшумно. Никто не вступает в бой, не будучи атакованным. Грифоны будут в намордниках».

«В этом нет необходимости. Я объяснила им...»

«В намордниках, Эльхана. Все они». — Он плотнее запахнул плащ и направился прочь.

Фыркanye Чизы вызвало примирительное похлопывание. — «Я знаю», — пробормотала Эльхана, прижавшись лбом к пернатой шее грифона. — «Это лишь ненадолго, обещаю».

Эльхана предложила, чтобы всадники на грифонах задолго до лагеря кочевников поднялись в воздух и пролетели достаточно высоко, чтобы запах зверей не достиг кхурских пони. Портиос ответил, нет. Его лучшие лучники были среди всадников грифонов, и они могут понадобиться, если кочевники попытаются сражаться. Эльхана не стала спорить с ним, как сделала бы Львица. Она просто подождала, и Портиос предложил компромисс. Всадники на грифонах перелетят через лагерь, но лишь после того, как армия, ведя коней на поводу, безопасно пройдет мимо.

Эльфы и кони крались узкой колонной. Лагерь кочевников располагался не прямо за стеной, а на коротком расстоянии от ее незаконченного края. Из-за каменистой местности эльфам пришлось пройти намного ближе к лагерю людей, чем хотелось бы Портиосу. Какое-то время все шло хорошо; а затем внезапно заржал кхурский пони. Возможно, он почуял чужих коней, а возможно его беспокоила странная сырая атмосфера возле прохода. Портиос, стоявший в ожидании позади воинов, махнул вперед всадникам на грифонах. Один из них первой же стрелой сразил животное.

Шоббат открыл глаза. Он не выходил на охоту, пока не наступала глубокая ночь, но что-то потревожило его отдых. Он принялся к открытому пологу палатки. Лагерь спал. Он несколько раз глубоко втянул носом. Мешали ароматы дымящегося дерева и обуглившегося мяса, но он учуял шедший от стены запах недавно пролитой крови. Не отрывая глаз от возвышавшейся темной массы, он обошел спящую Адалу и стал красться к каменной пирамиде. Запах крови становился тем сильнее, чем ближе он подходил. Его уши вертелись вперед-назад. До него донеслись звуки, звуки не из спящего лагеря кочевников: скрип кожаной сбруи, глубокое дыхание движущихся коней, и, дважды, приглушенный звон металла по металлу.

Одним прыжком он оказался на вершине стены. Было какое-то движение на северо-западе. Сквозь проход проникала вереница темных фигур. Хотя они были завернуты в плащи и шарфы, острое звериное зрение Шоббата уловило предательское мерцание металлических доспехов. Шли эльфы. Он запрокинул голову и завыл.

Адала тотчас проснулась. Она взглянула на стену, ожидая увидеть четырех часовых. Вместо них она увидела силуэт зверя в бледном звездном свете. Он скакал взад-вперед и завывал, точно совершенно свихнулся. Она вскочила и подбежала к прикрытому костру. Она швырнула несколько горстей стружки на слабо мерцавшие угли. Хворост вспыхнул.

Тотчас стала видна вереница людей. Они шли пешком, ведя своих коней. Нет, не людей: *лэддэд!*

«По коням! По коням!» — закричала Адала. — «*Лэддэд* здесь!»

Она бежала по лагерю, поднимая всех на ноги и вновь разжигая все костры, что только могла. Утомленные дневной работой, большинство людей не озаботились прикрыть костры; ничего не осталось, кроме погасшей золы. Одурманенные сном, ее люди находились в смятении. Они неуверенно двинулись по слабо освещенному лагерю к своим коням, но были вынуждены остановиться, когда с ночного неба им под ноги хлынул дождь стрел. Они были отрезаны от своих животных.

Эльхана видела, как полукруг палаток расцветает огнями, и поняла, что внезапность упущена. Дальше стало еще хуже. Самар поспешил назад с жутким докладом. Портиос приказал кавалерии атаковать. Он намеревался раз и навсегда уничтожить сторонников Адалы. Эльхану и всадников на грифонах охватил ужас, но Самар не заметил колебаний среди кавалеристов. Пробивавшие себе путь в Инас-Вакенти сквозь орды беспощадных кочевников, эльфы безо всяких угрызений совести подчинились жестокому приказу своего предводителя.

Всадники на грифонах взлетели. Эльхана повела их прямо к несущимся во весь опор воинам, надеясь предотвратить резню. Грифоны приземлились среди водоворота схватки. Воспользовавшись их вмешательством, многие кочевники бежали, побросав все, кроме одежды, что на них была, устремившись в пустыню.

Портиос большими шагами двигался сквозь расстроенный строй кавалерии, его рваная ряса цеплялась за ноги.

«Что ты делаешь?» — спросил он.

«Что *ты* делаешь?» — ответила Эльхана, с бледным как алебастр лицом. — «Лучники отрезали их от их коней. Ты мог ускакать и оставить их позади. Зачем было атаковать?»

«Мертвые люди не болтают».

Разъяренная Эльхана дернула поводья, и Чиза стала на дыбы. Ближайшие кони бросились врассыпную. Портиос не дрогнул. — «Если у тебя не хватает духу для такой войны, можешь присоединиться к Королю-Марионетке», — резко сказал он.

Она посвятила несколько секунд тому, чтобы успокоить своего раздраженного грифона, используя это время, чтобы самой вернуть самообладание, а затем заявила: «Я иду с тобой, Портиос, как твоя жена и твоя совесть. Не старайся избегать меня в качестве любой из этих ролей!»

Эльфы были так увлечены противостоянием между мужем и женой, что никто не заметил крадущегося вдоль стены Шоббата. Когда внезапно налетели золотые грифоны, Шоббат распростерся на камнях и застыл на месте, чтобы не быть разорванным на части их мощными когтями. Затем он снова двинулся, решившись напасть. Его целью была не женщина *лэддэд* верхом на одном из ужасных грифонов, а эльф в маске перед ней. Его голос звенел холодной властью, как и голос отца Шоббата, хана. Тот в маске явно был вождем *лэддэд*, и Шоббат собирался убить его. Двигаясь с терпеливой осторожностью, Шоббат подбирался ближе и ближе, а затем подобрал задние лапы. Он прыгнул.

Твердый снаряд ударил его в полете, опрокидывая в гущу обезумевших коней и враждебных воинов. Стрелу выпустил эльф с суровым лицом на самом крупном грифоне.

Даже спор между Эльханой и Портиосом не мог надолго ослабить бдительность пекшегося о безопасности своей госпожи Самара. Он прицелился, чтобы прикончить зверя,

но тот рванул прочь. Ужасно завывая от боли, он выписывал зигзаги между лошадиных ног, и быстро потерялся в темноте.

Потрясение от нападения этой твари положило конец спору. Портиос приказал очистить место от малейших доказательств прохода эльфов. Стрелы были возвращены, следы стерты. То, что осталось от лагеря, предали факелам.

Первой ее заметили воины на краю группы: одинокую женщину, облаченную в черный *геб*. Она медленно шла к ним. Вплотную за ней следовал осел, хотя его поводья висели свободно, волочась по земле. Эльфы настороженно следили за ней, но позволили ей беспрепятственно пройти. Она двигалась точно лунатик, глаза застыли прямо вперед, шаркающиеся ноги спотыкались о торчащие камни. Когда она приблизилась, Эльхана узнала ее.

«Ступай обратно, Вейядан», — предостерегла Эльхана. — «Бой окончен».

Ее предупреждение осталось незамеченным. Адала продолжала приближаться. Она повернулась к Портиосу. Остановившись, женщина-кочевник сказала: «Безликий, ты был проклят Теми, Кто Наверху. Адала Фахим тоже прокликает тебя. По твоим кровавым деяниям все узнают в тебе ненасытное чудовище, которым ты на самом деле являешься!»

Портиос в молчаливом раздражении отвернулся от нее.

«Тебя заберет молния», — добавила Адала и выжидаяще уставилась в ночное небо. Ничего не случилось. Ночь была холодной и тихой, было слышно лишь потрескивание огня, пожиравшего то, что осталось от лагеря. Те из людей Адалы, кто выжил в бою, бежали в пустыню. Вейядан была одна.

Воины во главе с Портиосом развернули коней и поскакали прочь. Всадники на грифонах задержались, ожидая свою госпожу. Эльхана бросила Адале бурдюк с водой и узелок с едой. Женщина-кочевник даже не взглянула на них. Ее немигающий взгляд был сфокусирован на удалявшемся Портиосе, словно она могла уничтожить его одной своей волей. Ей больше нечего было здесь делать. Эльхана подала сигнал всадникам взлетать.

Поднятые крыльями грифонов пыль и пепел медленно осели. Адала попыталась найти свою палатку. Маленькая Колючка терпеливо цокала за ней.

Ее палатка упала, но не сгорела. Пиная ее, Адала задумалась, что Те, Кто Наверху уготовили теперь для нее. Как может она в одиночку закончить эту стену? Более слабая личность могла бы пасть духом. Адала решила, что здесь действовал более грандиозный план, план столь обширный и сложный, что она пока что не могла разглядеть его. Но она обязательно его поймет.

Ее рухнувшая палатка зашевелилась, хотя не было ни ветерка. Маленькая Колючка издала крик.

Из рухнувшей палатки выскочил зверь, обнажив зубы и выпустив когти. Он ударил Адалу, опрокинул ее навзничь и принялся катать и катать по земле. Его голова метнулась вперед, и он погрузил клыки в ее горло. Чтобы уберечься от холода долины, она носила вокруг шеи несколько слоев ткани, которые не дали его зубам пронзить ее кожу. Его четыре ноги крепко пригвоздили ее конечности.

«Ты», — проревел он. — «Знак — это ты. Теперь ты умрешь!»

Она отвернула лицо от неприятного запаха из его пасти и принялась нащупывать рукой спрятанный в спальном мешке кинжал. Ее ищущие пальцы наткнулись на холодный металл. Не обращая внимания на боль, она стиснула голое лезвие и подтянула оружие поближе, чтобы взяться за рукоятку. Она воткнула кинжал в шею зверя.

Шоббат захрипел от боли, но его удушающая хватка на ее горле не ослабла. Вместо этого, он встал на задние лапы, отрывая Адалу от земли. Единственным рывком в сторону своей волчьей головой, он оборвал ее хриплое дыхание.

Он немедленно выпустил ее. У Шоббата было чувство, словно кинжал полностью пронзил горло; он едва мог дышать. Он ухитрился зацепить толстыми пальцами передней лапы тонкую гарду, и вытащил клинок. Затем, его грубые пальцы ухватились за стрелу *лэддэд*. Она вошла под углом и не проникла глубоко, но оставила длинный кровавый след на его меховой плоти.

Женщина Вейя-Лу не двигалась. Она не дышала. Ее шея изогнулась, так что открытые глаза, не мигая, уставились на каменистую почву.

Шоббат убил. Будучи принцем, он приговаривал к смерти других, но никогда прежде не убивал никого лично. Убийство являлось отвратительным деянием, но невежественная фанатичка из пустыни была слишком непредсказуема и слишком горда, чтобы являться преданной мелкой сошкой. Для него было лучше, чтобы она была мертва. То был выбор судьбы.

Поблизости ухнула сова, и Шоббат вздрогнул. Его раны болели, но не были тяжелыми. В ране от стрелы кровь уже свернулась, а кровотечение от удара кинжалом замедлилось до отдельных капель. Его звериный облик был сильным, но он еще больше чем прежде был полон решимости найти упрямого колдуна Фитеруса и заставить того снять проклятье. Шоббат был наследным принцем Кхура. После того, как кочевники были разбиты, а их фанатичная Вейядан мертва, Кхур был готов к новому вождю, принцу, который (по крайней мере, показательно) чтит старых богов и осуждал порочность своего отца.

Он прыжками пронесся по уничтоженному лагерю. Костры погасли. Проход снова был окутан тьмой. Шоббат обогнул край незаконченной стены и пустился рысцей на север, в Инас-Вакенти. Сова больше не разговаривала. Но над головой кружило облако летучих мышей, попискивая, словно полный ржавых дверных петель дворец.

* * *

Эльфы расположились на ночь на вершине холма, с трех сторон окруженного каменными титанами. По приказу Гилтаса, вдоль открытой четвертой стороны и в проходах между монолитами развели костры. Огонь должны были поддерживать всю ночь. Стражники на вершинах камней докладывали о шнырявших во тьме блуждающих огоньках, но ни один не приближался к лагерю. Похоже, свет или тепло костров пока что удерживали их на расстоянии.

В первый день переход прошел без инцидентов. Так как больше не вырисовывалась никакая другая цель, Гилтас решил, что они направятся к центру долины. Безжизненность Инас-Вакенти нарушил топот ног, эльфийские голоса, блеяние и храп немногих сохранных ими домашних животных, а также, время от времени, крики круживших над головами Орлиного Глаза и Канана. Королевские и золотые грифоны в природе были соперниками, конкурентами за территорию и пищу, и Кериян не была уверена, как эти двое поладят. Эльхана предположила, что Канан, будучи младше, подчинится старшему зверю и, тоскуя по своему всаднику, будет рад компании Орлиного Глаза. Она оказалась права.

Вскоре они подошли к стене из массивных белых блоков. Кериян сказала, что та тянется

больше чем на милю вкаждую сторону, на северо-запад и на юго-восток. Блоки до шести метров длиной и двух с половиной метров высотой лежали сплошной цепью, но между блоками было множество проломов. Хамарамис прокомментировал их непригодность в качестве защиты, и Кериан пожалала плечами.

«Не думаю, что они служили для защиты», — сказала она. — «Ничто в этих развалинах не имеет смысла. Они не связаны. Не похоже, чтобы они являлись частями строений, просто беспорядочно разбросанные огромные каменные блоки».

Гилтас дал отнести себя к стене, затем приказал носильщикам передохнуть, а сам покинул паланкин, чтобы тщательнее изучить один из этих блоков. Камни были ощутимо холоднее окружающего воздуха, умело обработанные, с аккуратными углами и гладкими поверхностями, несшими следы прошедших веков. Он идентифицировал камень как белоснежный кварц. Ничто не портило его белую поверхность. Обычно, камни в подобном климате украшены лишайники и мхом, и пара-тройка лиан вклинивается в их трещины. Все блоки в поле зрения были поразительно чистыми, словно их недавно выскребли. И сколь огромным был каждый, возвышаясь над бирюзовым дерном, от Кериан Гилтас знал, что изрядная часть его скрывалась в земле.

Когда его паланкин пронесли сквозь брешь в стене, Гилтас заметил кого-то у дальнего края блока, которого он касался. У него было мимолетное видение темных глаз, копны каштановых волос и смуглой кожи, но когда он повернулся, чтобы разглядеть получше, фигура исчезла. Таранас с Кериан проверили, но никого не обнаружили. Генерал был склонен полагать, что Беседующий ошибся, но Кериан не согласилась.

«Таран, вне всякого сомнения, призраки в этой долине реальны. Меня беспокоит, что они показываются среди бела дня. Раньше они держались подальше от солнечного света».

Когда опустилась ночь, они стали свидетелями еще более странных вещей. Из-за деревьев выплывали тонкие светящиеся фигуры, обступая со всех сторон холм, на котором разбили лагерь эльфы. Для находившихся на земле они походили лишь на люминесцентный туман, но наблюдатели на монолитах описывали их как держащихся вертикально шагающих призраков. Как и блуждающие огоньки, светящиеся призраки не пытались проникнуть в окруженный кострами лагерь. После полуночи огоньки и призраки убрались, но костры продолжали поддерживать. За три часа до рассвета дерево стало подходить к концу. Как только пламя слегка ослабло, эльфы увидели еще более зловещее зрелище.

Снаружи лагеря, в глубокой тени позади света костров, возникли фигуры. По виду они одновременно были и не были похожи на эльфов. Они были ростом ниже взрослых эльфов, но коренастее детей. Их лица были коричневыми, как у кочевников, а в немигающих глазах красным и оранжевым отражался свет костров. Незнакомцы стояли молча и неподвижно. В какой-то момент Таранас с Кериан насчитали пятьдесят их. Их молчаливое дежурство создало в лагере мрачную атмосферу, подавив все разговоры. Воины, равно как и гражданские, нервно наблюдали за следившими за ними пустыми лицами.

Спокойный голос и уверенный вид Гилтаса ослабляли напряженную тишину. Он передвигался по лагерю, беседуя с эльфами всех званий, называя каждого по имени. Добравшись до места, где за призраками следили Кериан, Таранас и Хамарамис, он громко поприветствовал их.

«Все решили не спать этой ночью?» — произнес он. — «Если так, то это самая скучная вечеринка, которую я когда-либо видел».

«У нас зловещие гости, Великий Беседующий», — скривившись, ответил Таранас.

Опираясь на посох, Гилтас глянул из-за плеча своей жены на далекие безжизненные лица. — «Какие грустные создания». — Остальные с удивлением посмотрели на него. — «Вы не ощущаете их ужасающее одиночество?»

Кагонестийский воин и квалинестийские генералы обменялись скептическими взглядами. Не обращая внимания на протесты Кериан, Гилтас поднялся на вершину монолита, высотой с рост эльфа. Оттуда впечатление грусти еще больше усилилось. Хотя незнакомцы не произнесли ни слова и не шелохнулись, что-то в них поведало Беседующему о безысходном ощущении покинутости. Их одиночество было столь осязаемым, что он двинулся, чтобы обратиться к ним, несмотря на предостережения своих генералов.

«Привет! У нас нет цели вторгаться, мы пришли жить в вашей долине! Мы желаем жить в мире! Сообщите всем! Эльфы вернулись в Инас-Вакенти!»

Когда он спускался, его нога предательски подвернулась, и он споткнулся. Кериан поддержала его.

«Ты искренне полагаешь, что эти штуки поняли тебя или обратили внимание на твои слова?» — проворчала она.

«Кто знает? Может, никто даже не пытался поговорить с ними».

Чего бы еще он ни достиг, его действия, как минимум, разорвали оковы страха на его собственных подданных. То, как Беседующий от их лица обращается к призракам, уменьшило их испуг. Разговоры возобновились, сперва приглушенные и неуверенные, а затем все более и более обычные. Эльфы оставили свое тревожное бдение, отошли от освещенного огнями кольца столбов и, наконец, вернулись отдыхать в свои простые постели.

Снаружи лагеря случилось нечто довольно необычное. Призраки ушли. Их пристальные следившие глаза закрывались, красные и оранжевые отблески гасли по парам. Темные силуэты оставались еще на мгновение, а затем, без фанфар или ярости, растворялись в окружающей тени. Эльфы снова были одни.

«Как ты делаешь это?» — прошептала Гилтасу Кериан.

Он вздохнул и покачал головой. — «Если бы я знал, я бы делал это чаще».

Рассвет принес хорошие новости. Ни один эльф не исчез за ночь. Гилтас со спокойным удовлетворением воспринял это известие. Может быть, сказал он, долина училась принимать их. Точка зрения Кериан была менее радужной.

«Что бы тут ни притаилось, Гил, оно не глупое. Оно учится на своих ошибках. Прошлой ночью мы озадачили его, возможно, потому, что нас здесь так много. Оно приспособится, и эльфы снова начнут исчезать. Так произошло, когда мы пришли сюда в первый раз».

Он нахмурился. — «Оно? Кто или что это 'оно'? Призраки? Я всегда слышал, что духами движет неразрешенная жажда мщения или правосудия. Призраки этого места другого рода?»

«Откуда мне знать? Я не маг. Но что бы это ни было, оно обучается».

Они все утро медленно совершали подъем, а затем пересекали лесистую равнину. В отличие от величественных деревьев их родины, здесь в основном были редко растущие высокие вечнозеленые сосны и кедры. Гилтас путешествовал в своем паланкине, а Кериан шла сбоку. В нескольких сотнях метров впереди ехал эскадрон кавалерии под предводительством Таранаса. Конные эльфы прочесывали редкий лес в поисках возможных опасностей. Все, что им встречалось, это лишь новые мегалиты, каждый столь же непонятный, как и предыдущие. Эти, здесь, на равнине, немного отличались от тех, что остались позади, в низменности подле реки Львицы. Монолиты на низменности являлись прямыми циклопическими блоками. У камней на плоскогорье были скругленные контуры. Вертикальные камни сужались до закругленных концов, напоминая, во всех отношениях, растущие из земли огромные зубы. Всадники обнаружили цилиндры и гладкие идеальные сферы шести метров в диаметре. Лишь одно роднило их с монолитами на низменности — их на первый взгляд случайное расположение. Все выглядело так, точно они упали с неба, имея при этом не больше плана, чем дождевые капли.

Напоминающий трель крик заставил Гилтаса посмотреть вверх. Два грифона, Орлиный Глаз и Канан, описывали над головой круги. Орлиный Глаз был зрелого возраста, и попытки более молодого грифона сравняться с ним в летном мастерстве дали Гилтасу приятную возможность отвлечь внимание от безжизненной местности. Когда Орлиный Глаз выполнил особенно ловкий разворот с переворотом, оказавшись выше и позади Канана, последний забил крыльями и пронзительно закричал. Летя на фоне безоблачного голубого неба, животные представляли собой прекрасное зрелище и в некоторой степени подбадривали. Если поблизости притаилась опасность, грифоны заметят ее прежде эльфов.

Снова возвращая свое внимание на землю, Гилтас сказал Кериан: «Ты не волшебница, это правда. Так что посмотри на Инас-Вакенти своим глазом воина и скажи мне, что ты видишь».

«Я вижу долину, в которой никто не живет. Ни городов, ни посевов, ни стад. Она абсолютно пуста, к тому же защищена от всех посетителей. Кто защищает ее?»

«Призраки ее давнишних обитателей».

«Я так не думаю». — Она пристально посмотрела на возвышавшийся впереди блок белого кварца в форме песочных часов. — «Здесь, по меньшей мере, два сюжета. Первый связан с призраками, туннелями и гигантскими камнями. Они как-то связаны друг с другом».

Ее экспедиция обнаружила туннели после случайного опрокидывания монолита. Под ним был вход в подземные ходы. И призраки, кажется, входили и покидали туннели по собственному желанию.

«Но мне кажется, блуждающие огоньки — это другое», — добавила она.

Когда похожие огоньки унесли Кериан с поля боя у стен Кхури-Хана, она подумала, что ей уготовано забвение, как воинам, исчезнувшим во время ее первого путешествия в долину. Вместо этого, она оказалась сброшенной в омерзительный Налис Арен, Озеро Смерти, и Квалинесты. Затем последовали ее приключения с Портиосом, Эльханой и грифонами. Почему те огоньки унесли ее из Кхура, оставалось загадкой, но она решила, что они отличались от тех огоньков, что были здесь. Блуждающие огоньки Инас-Вакенти летали извилистыми хаотичными курсами, дрейфуя и медленно тащась, пока их мишень не оказывалась убаюканной ложным ощущением безопасности. Похитившие же ее огоньки были крупнее, быстрее и явно более целеустремленными. Она чувствовала, что их источник отличался от того, который управлял огоньками долины.

«Их привлекают живые существа», — аргументировала она. — «Веками, они устраняли из долины всех живых существ, вплоть до мух и блох».

«Что из этого следует?»

«Они охраняют долину — не только не впуская людей, но и удерживая внутри своих жителей».

Гилтас медленно кивнул. — «Обитатели долины не собирались контактировать с внешним миром. Полагаю, они никогда и не встречались. Один за другим они умирали, как все мы смертные, и их души появлялись в этой земле. Они не представляют угрозы, как эти огоньки. Если бы мы смогли найти способ убедить блуждающие огоньки оставить нас в покое, мы бы оказались на долгом пути превращения этого места в свой дом».

«Может, ты можешь говорить с ними», — сухо сказала Кериан.

Что бы он ни собирался ответить, его слова поглотил яростный приступ кашля. Этот спазм так сильно сотрясал его, что Кериан приказала опустить его кресло и вызвать целителя. Трусанар еще принес своего смягчающего средства, но Гилтас смог проглотить очень немного.

«Великий Беседующий, ты должен отдохнуть!» — решительно заявил Трусанар. — «Если продолжишь вести себя подобным образом, я не отвечаю за последствия».

Гилтасу на ответ потребовалось какое-то время, но, наконец, кашель стих, и он прохрипел: «Я уже в кресле. Как мне быть еще более отдохнувшим?»

Из его носа выступила кровь. Кериан, опустившись рядом с ним на колени, осторожно вытерла ее пальцами.

«Сир, вы должны лежать в теплой постели и спать», — настаивал Трусанар.

«Скоро, благородный целитель. Скоро».

Кериан последовала за Трусанаром, который вернулся на свое место в бурлящую толчею. — «Скажи откровенно», — произнесла она шепотом. — «Каково его состояние?»

Пожилой сильванестиец был прямолинеен. — «Леди, он жжет свою свечу с обоих концов. Даже если он прямо сейчас отправится в постель, будет лежать в тепле и покое, его жизнь будет измеряться всего лишь месяцами».

Она знала, что состояние ее мужа было плохим, но, тем не менее, услышав вслух этот прогноз, была потрясена. Вернувшись к паланкину, Кериан увидела, что лекарство подействовало на Гилтаса, и он осел в кресле, уснув и опустив подбородок на грудь. Чаша

выпала из его ослабших пальцев. Керриан подняла ее и передала одному из помощников Беседующего.

«Следуйте за разведчиками», — сказала она носильщикам, махнув рукой в сторону Таранаса и кавалерии. Носильщики подняли кресло и продолжили путь. Это были не те же четверо, которые несли паланкин в начале путешествия. Каждый час или около того, новая четверка заменяла несших кресло. Чтобы организовать такую ротацию, потребовалось вмешательство Керриан. Носильщики были добровольцами, и никто не хотел уступать свое место. Если бы Керриан не настояла, они бы несли, пока не рухнули от изнеможения.

Когда паланкин возобновил свое движение, толпа эльфов позади него тоже поднялась и продолжила свой неизменный путь к центру долины. Никто не знал, что, если вообще что-то, ждало их там, но они шли по воле Беседующего, а ради него они пошли бы и в Бездну.

Пока Гилтас спал, Керриан решила провести рекогносцировку впереди колонны. Она громко свистнула, и круживший над ней Орлиный Глаз приземлился в нескольких метрах от нее. Она вскочила в скаковое седло и направила грифона ввысь. Канан последовал, было, за ними, но резкий окрик Орлиного Глаза заставил более молодого зверя вернуться.

Они полетели на северо-восток, едва не касаясь вершук низких деревьев. Позднее утреннее солнце светило в глаза, и их объединенная тень следовала позади них. Кавалеристы помахали, когда над ними промелькнул грифон с всадником. Керриан легко различила их предводителя, хотя тот не носил ничего, чтобы выделяться. Таранас, как обычно, был впереди.

Окружавшие Инас-Вакенти горы были высокими и непроходимыми. Над их пиками дрейфовали клочья облаков, подгоняемые восточным ветром. Вверху воздух был теплее, чем на земле. Одной из множества странностей Инас-Вакенти был холод ее почвы. Эльфы быстро выяснили, что земля вытягивает тепло их тел, так что спали на подстилках, сделанных из всего, что оказалось под рукой — одеяла, запасная одежда, сосновые ветки. Костры также гасли быстрее, и угли остывали быстрее, чем обычно. Курсируя в ста пятидесяти метрах над Инас-Вакенти, Керриан впервые за много дней согрелась.

Белые монолиты прятались среди низких деревьев, либо дерзко возвышались над ними. В их размещении по-прежнему не просматривалась какая-либо гармония или причина. Фаваронас рассказал ей, что эти камни были не из долины, так что их должны были притащить с какой-то целью. С какой загадочной бесполезной целью, она не могла себе представить.

Чем дальше она летела, тем больше становилось монолитов. У прошлого ночного лагеря валуны отстояли друг от друга на расстоянии от десяти до двадцати метров. Теперь же их разделяли лишь жалкие метры. Чахлые деревья становились все тоньше, а затем закончились. Внезапно земля под мощными крыльями Орлиного Глаза стала абсолютно белой, словно снежная целина. Грифон попятился, зависнув в воздухе, напуганный слепящим отражением солнечного света от огромного поля отесанного белого камня.

Керриан развернула голову грифона, и они полетели вдоль края покрытия. Оно было идеально круглым, не меньше мили в диаметре, и, с этой высоты, невыразительным. Трава и кусты росли по его краю, но, как и у всех остальных каменных строений, ничто не посягало на изначальную поверхность. Скопление монолитов остановилось где-то в тридцати метрах от его границы, оставив между ними чистое пространство. Судя по положению гор и проделанному эльфами расстоянию, Керриан поняла, что, должно быть, смотрит на центральную точку Инас-Вакенти.

Завершив облет огромного диска, она направила Орлиного Глаза к центру. Тот упирался, вскидывал голову и боролся с поводьями. Она не могла винить его. От покрытия поднималась волна холодного воздуха и била в подошвы ее ботинок. Когда Кериан позволила Орлиному Глазу выбирать направление, тот усиленно захлопал крыльями, чтобы выбраться за периметр каменного покрытия. Она приземлила грифона в нескольких метрах от его края. Орлиный Глаз лег, отвернувшись от круглой плиты, и Кериан продолжила путь пешком.

Покрытие было высотой по колено, его края отесаны, но несли следы времени. Будучи белым, как и монолиты, оно было выполнено не из белоснежного кварца, а из более плотного камня. Серия огромных клиньев была аккуратно подогнана в виде пирога, образуя диск диаметром в милю. Она осторожно взобралась на платформу. Поток холодного воздуха, который она ощущала наверху, на уровне земли тоже чувствовался. Температура воздуха над платформой была заметно ниже даже привычного холода долины.

При ближайшем рассмотрении камни оказались не совсем немаркированными. Их поверхность была покрыта резными линиями. Выветривание сгладило их, но замысловатый рисунок из причудливых узоров и кривых линий все еще был виден.

Ее путешествие к центру платформы заняло какое-то время и, чем дальше продвигалась Кериан, тем более изолированной себя ощущала. Масса невыразительного плоского камня, казалось, крапа ее чувство направления и расстояния. Когда Львица проверила свое положение относительно спящего грифона, то поняла, что шла по кругу. Она отыскала один из радиальных стыков между клиновидными плитами и воспользовалась им в качестве проводника к центру.

До ее ушей донесся шепот, и она тотчас остановилась. В кишачей призраками молчаливой земле был важен каждый звук. К сожалению, эти звуки были слишком слабы, чтобы она могла что-либо понять, поэтому Кериан двинулась дальше.

Центр огромного диска был отмечен лишь простым слиянием всех стыков, но по мере того как она приближалась, голоса становились все громче и отчетливее. Кериан продолжала идти, но медленнее, вращая головой влево-вправо, сама не зная, чего ждать. Едва ее нога коснулась центральной точки, голоса тотчас стали понятными. Это были всего лишь обычные разговоры — о свежей воде, чистой одежде, здоровье Беседующего.

Кериан была поражена. Она слышала не призраков, а голоса двигавшегося по пустоши своего собственного народа! Посредством магии или странного эффекта формы долины, голоса находившихся во многих милях от Кериан эльфов достигали ее с идеальной четкостью. Слегка меняя позицию, она могла фокусироваться даже на индивидуальных разговорах. Но как бы ни старалась, Кериан не могла разобрать в этом потоке голос Гилтаса.

«Гилтас, ты меня слышишь?» — Она замерла, отчаявшись.

Неразбериха голосов тотчас стихла. Следом за этой тишиной раздались десять тысяч вариаций на тему «кто это сказал?». Не только Кериан могла слышать их, но и они могли слышать ее! Специфический эффект работал в обе стороны.

Она потребовала тишины. Когда шелест изумления стих, она назвала себя, и снова позвала мужа.

Хамарамис ответил: «Беседующий спит, леди. Где вы? Мы вас не видим».

Кериан рассказала им, вызвав новую какофонию вопросов. Она снова крикнула всем помолчать.

«Для нас безопасно направляться туда?» — спросил Хамарамис.

«Похоже, да. Просто продолжайте двигаться на север-северо-восток, и не промахнетесь».

Кериан уселась в центре диска. Пока эльфы двигались вперед, она беседовала с Хамарамисом и Таранасом так же легко, как если бы они стояли рядом с ней. Когда Гилтас проснулся, она угостила его рассказом о своем открытии. К полудню у дальнего края появились первые всадники. Они подошли к Кериан пешком, их коням холодное белое покрытие нравилось не больше, чем Орлиному Глазу.

«Добро пожаловать в пупок мира», — поприветствовала она Таранаса. Воины рассмеялись, но ее старый товарищ по оружию нахмурился.

«Ты в порядке?» — спросил он.

«Как всегда, Таран». — Кериан скорчила гримасу. — «На самом деле, у меня свело ноги. Дай руку».

Потянув ее вверх, он воскликнул: «Ты холодная, как лед!»

Она поднесла руку к лицу, но не почувствовала ничего необычного. Тем не менее, ее ноги не гнулись, руки приобрели бескровную бледность, а ногти посинели. Она быстро вернулась вместе с остальными к краю покрытия. Спрыгнув с камня на траву, Кериан почувствовала, точно вошла в паровую баню, из тех, что пользовались жители равнин. После нескольких часов, проведенных на огромной платформе, холодный воздух Инас-Вакенти ощущался поистине горячим.

Таранас протянул ей фляжку с пояса. Она вытянула затычку и отпрянула от резкого запаха. Во фляжке был *флак*.

Кхурский напиток дистиллировали из ферментированного сока трупного кактуса, зовущегося так из-за мясистых бледно-голубых листьев, напоминающих руки мертвеца. Вкус был невероятно горьким, почти металлическим, но жидкость наполнила вены Кериан жаром.

Когда она снова смогла дышать, Кериан приказала всем держаться от платформы подальше. — «До меня, наконец, дошло (спасибо *флаку*), что если вы могли слышать, как я говорю, то меня также могли слышать и все остальные в этой чертовой долине».

Таранас отхлебнул *флака* и кивнул. Было бы плохой тактикой объявлять о своих планах и позиции всем и каждому, но был ли кто еще в этой долине, чтобы слышать их.

«Мы окружены, помните?» — сказала она. — «Несмотря на надежды Беседующего, призраки этой долины нам не друзья».

* * *

Единственным худшим занятием, чем преследовать Фитеруса по жуткой долине, было путешествовать вместе с ним. Фаваронас привык к быстрому шагу Робина.

Но каким бы настойчивым не был кагонестиец, он не был бессердечным. Он умерял шаг, чтобы приспособиться к нуждам ученого, и останавливался каждую ночь на несколько часов для сна. Но не Фитерус. Его шаг не был ужасно быстрым, стесненный тяжелой мантией и Фаваронасом, но он никогда не отдыхал, ни на минуту.

Сперва Фаваронас думал, что тот сверхъестественным образом бдит и каким-то магическим образом следит за окрестностями, но, постепенно, пришел к пониманию, что действовали более фундаментальные процессы. Фитерус боялся, и Фаваронас не знал, чего.

Бедняга Робин больше не представлял угрозы. Прибытие Беседующего с эльфийским народом, хотя и придавало ощущение срочности пока еще неведомому плану мага, казалось, отнюдь не являлось причиной глубокого страха, который чувствовал Фаваронас. Он никак не мог решить, стоит ли ему радоваться или беспокоиться о том, что пугало Фитеруса. Как говорили люди: враг моего врага — мой друг. В данном случае, враг врага Фаваронаса мог просто убить их обоих.

Едва волоча ноги, падая и сбиваясь с пути при каждом удобном случае, Фаваронас, насколько осмеливался, затруднял их продвижение. У него было мало надежды на спасение или побег, но если Фитерус спешит, то Фаваронас будет делать все, что сможет, чтобы задержать их. Его тактика, наконец, вынудила действовать испытывавшего все большую и большую тревогу колдуна.

Гора Ракарис была не больше, чем в дне пути, когда Фаваронас умышленно свалился в пересохший овраг. Фитерус стоял на его краю, уперев кулаки в бедра, и бранил ученого.

«Спаси меня Торган! Вставай! Вставай, или я дам тебе лягушачьи лапы!»

Пытаясь во время падения защитить узел с каменными свитками, Фаваронас заработал разбитую верхнюю губу.

«Ты идешь слишком быстро», — пожаловался он, придавая голосу (что было несложно) горестные нотки. — «Зачем такая спешка? С охотником за головами покончено, и воинов Беседующего нет нигде поблизости».

«Я потерял слишком много времени, играя в кошки-мышки с наемным убийцей Сахима. Я собираюсь с рассветом быть там». — Сейчас был полдень. — «Будешь ли ты все еще жив к тому времени, эльфийское отродье, целиком зависит от тебя!»

Он однажды уже использовал этот эпитет, и Фаваронас все еще не понимал смысла. Конечно же, он был потомком эльфов, как и Фитерус. Но, может быть, один из родителей колдуна был человеком. Это бы объяснило многое. Фаваронас слышал, что полукровки были беспокойными, жестокими существами.

Он мучительно вскарабкался обратно по крутому склону. Когда его глаза поднялись до уровня земли, в сантиметрах от его лица оказались худые замотанные тряпками сандалии колдуна, выставляя на обзор левую ногу Фитеруса. Фаваронас открыл рот.

На ноге были лишь четыре пальца. Каждый оканчивался толстым загнутым вниз желтым ногтем. Ни у кого из эльфов не было подобного придатка. Как и ни у одного из тех людей, о которых слышал Фаваронас.

Фитерус резко спрятал ногу обратно под мантию. Он вытянул костлявый палец, указывая на Фаваронаса. Тотчас архивариус почувствовал, как его губы сомкнулись. Взмах руки к лицу, и он издал невнятный крик. Его пальцы наткнулись лишь на гладкую кожу между носом и подбородком. Его губы были не просто запечатаны, они пропали!

«Если не хочешь потерять и свои уши, молчи. И вылезай».

Развернувшись, колдун погрузился в заросли шалфея высотой по пояс. Со смертью Робина, не было причины прятать свои следы или шагать поверх растительности.

Цепляясь за край оврага, ученый выполз наружу и поспешил вдогонку. Его дыхание со свистом вырывалось из носа. Его зубы и язык были все еще на месте, но запечатаны. Ужас грозил захлестнуть его, но Фаваронас говорил себе, что то, что колдун убрал, он сможет и вернуть. Тот заявлял, что хотел бы, чтобы Фаваронас прочел ему каменные свитки, но ни разу еще не попросил об этом. Его спешка добраться до восточных гор вытеснила все остальное.

Словно читая мысли своего пленника, Фитерус снова указал на него, и, внезапно, рот Фаваронаса вернулся на место. Колдун велел ему читать, пока шел.

Фаваронас широко растянул рот и облизал губы. — «Свитки не откроются при таком сильном солнечном свете», — предупредил он.

«Ты — ученый. Уверен, у тебя есть переводы».

Фаваронас и в самом деле начал делать рукописную копию текста. Он вытянул пачку страниц из внутреннего кармана своей сумки. Пергамент был исписан убористым почерком, выработанным им за годы службы у Беседующего.

Он начал с пояснения. — «Цилиндры пронумерованы, но они не по порядку. Самое маленькое число, которое у меня есть, 594. Текст начинается с середины фразы: ‘наш всемилостивый владыка, *Ом. хед. тон. дак* (Отец, Который Не Сделал Своих Детей), встал на, гм-м, горном склоне, чтобы попрощаться. Он не мог коснуться почвы этого места, не вызвав смерть. — “Дети мои”, — сказал он, — «стойко переносите свое изгнание. Постройте не остров, а крепость. В свое время я вернусь и освобожу вас»’.

«Он так и не вернулся».

Фитерус не стал развивать дальше этот горький комментарий, а на какое-то время остановился, чтобы расчистить путь перед ними. Заросли шалфея стали столь плотными, что их продвижение замедлилось до черепашьего шага. Когда волшебник распростер руки, густые кусты раздвинулись, словно прореженные косой. Они снова двинулись в путь, и Фаваронас продолжил.

«Отец поднялся на ветре и улетел в...» — Фаваронас нахмурился. — «Южную страну? На родину? "Место, на котором он стоял, называлось *Ро. биск. ро.пил* """.

Фаваронасу не давался перевод этой аббревиатуры. Фитерус невозмутимо дал его. — «*Росай бискара ролофассос пилмэни*».

Пилмэни означало лестницу. Фаваронас пробормотал: «Лестница Дальнего Видения?»

Фитерус обернулся и оказался лицом к нему. Хотя обрез капюшона находился лишь в паре метров, Фаваронас мало что мог разглядеть в его глубокой тени, кроме слабого намека на лицо. — «Это наша конечная точка».

«Ты — это он, Отец, Который Не Сделал Своих Детей?»

«Нет. Он давным-давно покинул этот мир». — Капюшон сместился, и Фаваронас мельком заметил внутри два темных глаза. — «Я был лишь одним из бежавших. Я вернулся, чтобы заявить права на наследство Потерянных, моего народа».

Фаваронас задрожал. Если колдун говорил правду, он был невероятно стар. У вспомнившего свои призрачные встречи с наполовину-животными обитателями долины Фаваронаса вырвалось: «То есть, ты не эльф!»

«Хвала Создателю! Пятьдесят столетий я жил в мрачных пределах могущественной эльфийской расы. Я обнаружил записи Отца и узнал, как продлевать свою жизнь до дня воздаяния. Наконец, этот день настал! Могущество твоего народа подорвано. Я завершу их уничтожение. Когда я стану на Лестницу Дальнего Видения, мне откроется ключ к силе этой долины. Я подчиню себе эту силу и заставлю работать на себя!»

Листы пергамента выпали из руки Фаваронаса. Наконец, он осознал ждущую всех их опасность.

Голова в капюшоне отвернулась, но указующий перст колдуна снова нашел его. Безвольный рот Фаваронаса со щелчком захлопнулся, и губы снова исчезли.

«Подбери свои записи и следуй за мной», — сказал Фитерус. — «Что ты знаешь, ты

никогда не расскажешь».

Не было ничего, кроме пустоты без сновидений. Он совсем ничего не ощущал вокруг себя. Затем заговорил голос, и ничто стало... чем-то. Голос заговорил снова, и он почувствовал, что медленно погружается в безграничную тьму. К тому времени, как он разобрал слова, он жестко приземлился на холодную песчаную поверхность.

«...Где ты?»

Гитантас поднял голову с холода. — «Командир?»

«Ты меня слышишь?»

Внутри его черепа пульсировала боль. Звук голоса Львицы, казалось, следовал отливам и приливам боли. Приподнявшись на руках, Гитантас снова позвал ее. При попытке говорить громче его голову пронзили мучительные вспышки, и он, наконец, отказался от крика. Было ясно, что, хотя он слышал Львицу, как если бы она находилась лишь в нескольких метрах от него, она не могла его слышать. Похоже, она разговаривала с другими, но он слышал лишь ее голос.

Темнота вокруг него была абсолютной. Эльфы обладали даром видеть даже в отсутствии света, тем не менее, Гитантас не видел совсем ничего. Он испугался, что ослеп. Подавив панику, он сконцентрировался на других своих чувствах. Его ищущие руки наткнулись на твердый каменный свод над головой и каменные стены по бокам, но открытое пространство спереди и сзади. Он находился в туннеле. Он вспомнил описание Львицей тех туннелей, которые исследовала под Инас-Вакенти ее экспедиция. Когда вернулось это воспоминание, нахлынули и остальные.

Он летел в ночном патруле на Канане. Появилась группа блуждающих огоньков, стараясь окружить их. По его команде, грифон нырнул. Они кидались все ниже и ниже, Канан не делал взмахов, хотя казалось, что они вот-вот врежутся в голубую почву. Они выровнялись лишь в нескольких метрах над ней. Огоньки остались позади, и Гитантас свалил дурака. Он расслабился, радуясь своему торжеству над таинственными огнями. Из темноты показался трилит, два высоких белых камня, поддерживающие лежащий горизонтально сверху третий. Так как руки Гитантаса на поводьях были расслаблены, Канан решил поднырнуть под перемычку. Его всадник не среагировал вовремя. Гитантас врезался лбом в камень, потерял сознание и выпал из седла. Вскоре очнувшись, он не увидел ни следа Канана, так что снял свой помятый железный шлем и кожаный подшлемник, и собрался идти обратно в лагерь. Как только он сбросил шлем, появились блуждающие огоньки. Они коснулись его, и следующее, что он осознал, что очутился здесь.

Это и произошло со всеми другими, кто исчез? Были ли они унесены и заброшены в лабиринт туннелей под дном долины?

Позже будет достаточно времени, чтобы волноваться об этом. Гитантас не знал, как долго находился здесь, но в горле у него пересохло, а живот протестовал против своей пустоты. У него было с собой лишь закрепленное на нем снаряжение: боевой кинжал, легкая кошка с десятью метрами тонкой бечевки (всадники на грифонах обычно использовали ее, чтобы поднимать с земли сообщения) и завернутый в бандану кусочек жесткого печенья. Меч, бутылка с водой, кремь и огниво были потеряны вместе с Кананом.

Жесткое печенье уняло муки голода, и он тщательнее обследовал свое окружение. Стена слегка выгибалась, и чем выше он исследовал, тем сильнее был изгиб. Над ним был

сводчатый потолок. Противоположная стена, где-то в паре метров от него, была точно такой же, сделанной из небольших тщательно подогнанных блоков, скрепленных между собой без раствора.

В какую сторону идти? Похоже, было без разницы. Он не ощущал дуновения воздуха на лице, так что выбрал направление и двинулся туда, нащупывая путь вдоль стены и шаркая ногами, чтобы не споткнуться о невидимые препятствия. Каменная стена была гладко отполирована, но чувствительные кончики его пальцев нащупывали крошечные дефекты. Как и разные виды мрамора.

Время от времени он слышал Львицу; судя по всему, она разговаривала с Хамарамисом и Таранасом. Гитантас периодически звал их, но так и не получил ответа. Он понятия не имел, почему слышал своего командира, но был уверен, что обязан этому жизнью. Ее голос вытащил его из того места, откуда, как подозревал Гитантас, в противном случае он мог бы никогда не вернуться.

В абсолютной темноте он потерял чувство времени. Ему казалось, что он идет уже целую вечность. Временами, под его ботинками хрустел гравий или отлетали в сторону более крупные фрагменты. По отсутствию напряжения мышц ног он пришел к выводу, что туннель тянулся прямо и ровно, не поднимаясь и не опускаясь.

Когда далеко впереди возникло слабое багрянистое свечение, он побоялся, что это всего лишь мираж, возникший в его изголодавшемся по свету мозгу. Этот брезжащий свет не исчезал. Испытывая неопишуемое облегчение от возвращения света, Гитантас прекратил гадать, почему не мог видеть в этой темноте, и заставил себя сосредоточиться на медленном, но верном шаге. Он не хотел рисковать упасть.

Это свечение не являлось выходом. Это был еще один блуждающий огонек. Пурпурный шар размером с кулак парил на месте. Несмотря на его приближение, он не двигался. Гитантас ткнул в него кончиком кинжала. Это движение сдвинуло шар, и тот начал падать. Не задумываясь, Гитантас протянул руку и поймал его в воздухе. Шар был тяжелым для своего размера, гладким и твердым, и слегка теплым. В его аметистовом свете он увидел, что колонна, на которой тот покоился, была чрезвычайно тонкой, не толще его пальца, примерно метр в высоту, и выполнена из какого-то полированного черного камня. Наклонившись, чтобы разглядеть ее основание, он впервые бросил мимолетный взгляд на мусор, по которому шел. В потрясении, он выронил гладкую сферу.

Пол туннеля был усеян костями. Большинство принадлежали останкам крупных животных, но, тут и там, он видел крошечные скелеты птиц и грызунов.

Когда сфера ударилась о землю, ее свет стал ярче, сменившись с пурпурного на индиго. Гитантас подобрал ее и осторожно снова уронил. От падения ее свет стал намного ярче, сменившись на небесно-голубой оттенок.

Каким бы ни было его предназначение, этот свет облегчил передвижение. Возобновив свой путь, он съел остатки сухого хлеба и задумался о значении этих костей. Могли ли они являться останками пропавших животных Инас-Вакенти?

Он не далеко отошел, когда свет выхватил что-то более существенное, чем сухие кости. Возле правой стены лежало тело. Его поза сказала Гитантасу, что он был мертв, хотя зловония совсем не было, лишь сухой пыльный запаха костей. Он собирался быстро миновать труп, но замер, поняв, что тело принадлежало эльфу. Под отбеленным солнцем *гебом* был легко различим металлический доспех. Гитантас нагнулся, чтобы взглянуть на лицо воина.

Он знал мертвого эльфа — квалинестийца по имени Мармант, давным-давно отправившегося из Кхуриноста вместе с Львицей на поиски Инас-Вакенти. Должно быть, его схватили блуждающие огоньки и оставили в этом туннеле, как и самого Гитантаса. Но Мармант умер, в то время как Гитантас жив. Почему? Убивают ли иногда блуждающие огоньки свои жертвы на месте, или Мармант так и не очнулся от странного сна?

Эльфы не любили прикасаться к своим мертвым, но Гитантас набрался решимости и обыскал труп. На нем не было следов насилия. Ничто не потревожило мусор вокруг него, кроме собственных отпечатков ног Гитантаса. Все выглядело так, точно Мармант появился здесь из ниоткуда, и так больше и не поднялся.

Гитантас поднялся и двинулся дальше. Голодный, с пересохшим горлом, он знал, что если не найдет пути наружу, то кончит как бедняка Мармант, как все пойманные здесь в ловушку существа: трупом, медленно высыхающим и превращающимся в пыльные кости.

* * *

Снова пришла ночь. Эльфы разбили лагерь возле огромной круглой платформы среди плотного скопления монолитов. Заполнив бреши между каменными столбами баррикадами из кустарника, создали защитный периметр. Кериан и профессиональные воины полагали тщетным возводить барьеры от привидений и летающих призрачных огоньков, но остальные эльфы серьезно взялись за дело. Прежде баррикады и костры сдерживали призраков. Гражданские верили, что они снова помогут.

Эльфы попытались нарезать дерн, чтобы укрепить барьеры, но песчаная почва крошилась под их лопатами. Переворачивая землю, они обнаружили странную стерильность почвы. В ямках не извивались черви, и мокрицы не разворачивали бронированные панцири к вторгшемуся свету. Верхние десять сантиметров почва была сине-зеленой и очень песчаной. Ниже находился превосходнейший чернозем. Увидев это, эльфы, бывшие в Сильванести и Квалинести фермерами, чрезвычайно обрадовались. Кериан размяла в кулаке горстку земли.

«Как вы что-то вырастите без опыляющих растения насекомых?» — спросила она.

«Кое-что здесь и так растет», — возразил Гилтас. Лианы и кусты пустили свои корни, а деревья могли опыляться ветром. Тем не менее, ее вопрос был правомерным. Нехватка насекомых могла затруднить выращивание хорошего урожая.

Прежде чем последний свет оставил долину, среди каменных столбов позади баррикады замелькали странные фигуры. Они ничуть не напоминали мрачных наблюдателей, с которыми говорил Гилтас, теперь это были скакавшие между камней четвероногие создания. Они казались столь осязаемыми и реальными, что охотники молили дать им разрешение выйти за стену.

«Если вы это сделаете, вас больше никогда не увидят», — предупредила Кериан.

Один эльф настаивал, что он видел кролика. Несколькими наводящими вопросами Гилтас определил, что существо, видимое с такого расстояния, должно было быть не менее метра ростом. Это животное было всего лишь еще одним призраком. Разочарованные охотники затянули пояса, и ушли, повернувшись спинами к «животным», все еще скакавшим из одних темных зарослей в другие. Некоторые из этих существ были четвероногими; другие передвигались на двух лапах.

Оставшись с женой наедине, Гилтас наблюдал за этой картиной.

«Возможно, нам следует заглянуть туда», — пробормотал он.

Она раздраженно напомнила ему, что только что сказала потенциальным охотникам. — «Они всего лишь такие же привидения, что мы видели прежде», — добавила Керриан.

«Как мы можем быть уверены? Твоя экспедиция ведь не проникла так далеко?»

Керриан покачала головой и отвернулась в сторону скачущих теней. Ее предыдущий визит и последующая потеря почти всего отряда все еще были для нее очень болезненной темой. Никто из восьми выживших эльфов не винил ее в смерти остальных. Она думала, что Беседующий был в смертельной опасности, и действовала, чтобы защитить его. Никто из воинов не ожидал бы меньшего. Керриан знала, что не смогла бы поступить иначе — тем не менее, она ощущала вину. Воспоминания о тех, кто погиб в пустыне никогда не оставят ее.

«Идем», — сказал Гилтас, протягивая руку. — «Прогуляемся в сумерки».

Она попыталась рассмеяться, но в этом звуке было больше раздражения, чем веселья. — «У тебя жажда смерти?»

«А ты хочешь жить вечно?»

У Керриан перехватило дыхание, словно невидимая рука стиснула ей сердце. Дразнящий тон напомнил прежнего Гилтаса, совершенно не сочетаясь с истощенной фигурой напротив нее, но ирония в его словах резанула ножом.

Он уловил ход ее мыслей. В его глазах на миг отразилась написанная на ее лице боль, но рука не дрогнула. Керриан взяла ее. С мечом у бедра, луком и кивером со стрелами за спиной, она смущенно и гордо шла рядом с ним. Она могла лишь удивляться пылавшей в нем неукротимой воле.

Ворота в баррикаде были устроены под парящим трилитом. Пространство между каменными колоннами заполняли бочки. Хамарамис со своими лейтенантами находился здесь. Когда старый генерал услышал, что Беседующий собирается покинуть лагерь лишь в сопровождении Львицы, он решительно запротестовал.

Гилтас не стал тратить дыхание на спор; он лишь подождал, пока стихнут крики генерала.

«Беседующий поступает так, как считает нужным», — сказала Хамарамису Керриан. — «Я постараюсь вернуть его живым».

Стоявшие рядом пустили слух. Пока откатывали бочки, грубую стену заполнили десятки эльфов, с тревогой наблюдавших, как их суверен бросает вызов призракам долины.

Едва королевская чета прошла сквозь трилит, Гилтаса скрутил приступ кашля. Керриан поддерживала его рукой. Он пытался высвободиться, протестуя, что вряд ли она сможет воспользоваться луком или мечом, пока помогает ему.

Она лишь усилила хватку. — «Не волнуйся. Если до этого дойдет, я уроню тебя, словно горячий камень».

Едва слышно рассмеявшись, Гилтас выпрямился. Они двинулись через открытое пространство между лагерем и чахлым лесом. Гилтас оглянулся.

«У меня есть теория насчет этого места», — сказал он. — «Полагаю...»

«Многие лета Гилтасу Следопыту!» — крикнул голос из лагеря.

«Многие лета Беседующему с Солнцем и Звездами!» — добавил другой, и на какое-то время безмолвная долина наполнилась хором эльфийских голосов.

Когда шум стих, Керриан спросила Гилтаса насчет его теории. Он сжал ее руку и покачал головой. Его обращенные в сторону лагеря глаза блестели от непролитых слез. — «Не сейчас», — произнес он хриплым от эмоций голосом.

Гилтас поднял руку, выражая признательность своему народу. Они с Кериан продолжили медленно идти.

Гаснувший свет касался зарослей перед ними. Когда двое эльфов были на полпути к линии искривленных деревьев, между парой чахлых дубов промелькнуло существо. Беседующий остановился, и Кериан сняла лук.

«Нет, пока я не скажу», — тихо произнес Гилтас.

Ее губы изогнулись в гримасе, но она кивнула.

У одного из деревьев что-то стояло. Беседующий с супругой продолжили идти под наблюдающим взглядом темных глаз. Глаза были близко посаженными, и располагались низко от земли.

«Не бойтесь», — сказал Гилтас. — «Мы не причиним вам вреда».

Со своей стороны, Кериан собиралась причинить много вреда, но держала охотничий наконечник направленным в землю. Гилтас внезапно шагнул в сторону и встал перед ней. Она, было, запротестовала, но он резким жестом призвал к тишине. Она сдвинулась влево, чтобы видеть цель. Он виду не подал, что заметил ее движение. Все его внимание было сфокусировано на пристально следящих глазах и темной фигуре за ними.

«Можем мы помочь вам?» — спросил он, тихим и спокойным голосом.

Вокруг первой пары появились еще глаза. Они были разных размеров и на разной высоте. Каждая пара возникала внезапно и молча — вот их не было, и вот они здесь. Гилтас представился, лишь по имени, возможно, не желая напугать находившиеся напротив него мимолетные создания своим полным титулом. Он сказал им, что эльфы пришли в долину вести мирную жизнь и спросил, чего хотят существа.

Пока он говорил, Кериан поняла, что происходит что-то странное. Ее ноги начали тяжелеть, словно их тянула вниз невидимая сила. Она с трудом двигалась. Каждый последующий шаг давался труднее предыдущего. Державшие стрелу пальцы онемели. Становилось тяжело дышать. Она не могла представить причины всего этого, кроме недоброй магии, и попыталась предупредить Гилтаса, но он не услышал ее сдавленных слов. В туманных сумерках вокруг них материализовывались все новые и новые фигуры. Темные силуэты становились все четче, превращаясь в облаченных в белые платья эльфов. Они были босыми, с длинными спутанными волосами, и все на голову короче ее. Их лица были расплывчатыми, размытыми, словно потревоженные зыбью отражения в воде. Она не могла получить четкого представления об их внешности.

«Захватчики изгнали нас из родных земель», — говорил Гилтас. — «Эта долина — наше последнее убежище».

Вы не можете остаться. Таким, как вы, здесь не место.

Шепчущий голос коснулся ушей Кериан, и испуганная реакция Гилтаса сказала ей, что он тоже его услышал. На руке Кериан играла прохлада. Один из полупрозрачных эльфов коснулся ее. Она хотела отдернуться, но, казалось, ее мышцы обратились в дерево. Никто из существ не находился достаточно близко, чтобы коснуться Гилтаса, и тот бубнил и бубнил, точно на переговорах с елейными приспешниками Сахим-Хана. Еще несколько призраков коснулись Кериан, их маленькие ручки были холодны, как снег в горах.

Гилтас сказал: «Возможно, мы можем помочь вам. Почему вы обитаете в этой долине? Что делает ваши души не упокоенными?»

Нас забыли. Нас потеряли. Но мы живые. Мы живые!

С этими словами, призраки внезапно изменились. Из мертвенно-бледных привидений

они стали более телесными. Белые платья и бледная кожа потемнели. Призраки оказались дикими существами, покрытыми мехом, и больше совсем не напоминали эльфов. Прохладные легкие как перышки пальцы стали когтями, которые скребли руки Кериан, пуская ей кровь.

Набрав в грудь столько воздуха, сколько смогла, Кериан разом выдохнула: «Ловушка!»

Он обернулся. На его лице отразилось потрясение. — «Отпустите ее! Именем Беседующего с Солнцем и Звездами, отпустите ее!» — крикнул он. Поразительно, но существа подчинились. Они отступили. Гилтас подошел к своей оцепеневшей жене, и на этот раз пришел его черед оказать поддержку.

Беседующий? Ты — Беседующий?

«Да, я!»

Кровь Золотоглазого!

Восстановив контроль над конечностями, Кериан схватила мужа за руку. — «Они — не эльфы, они — чудовища!» — с опаской сказала она. — «Нам нужно возвращаться!»

Когда они побежали, призраки последовали за ними. Существа не двигались, они просто исчезали из одной точки и вновь возникали в нескольких метрах далее.

Кериан побежала быстрее, до боли стиснув запястье Гилтаса. Над головой замерцали первые звезды. Блуждающие огоньки могли появиться в любой момент, но чаще всего, когда начинали сиять звезды. Несмотря на все ее усилия, Гилтас отставал, и попытки Кериан тащить его приводили лишь к тому, что он спотыкался.

«Отпусти меня», — потребовал Гилтас. — «Я могу бежать!»

Она выпустила его, но велела бежать быстрее.

Они были лишь на полпути к лагерю, когда Кериан резко остановила его. — «Не шевелись!» — прошипела она, указывая пальцем.

Наверху хаотично металась пара десятка огоньков. Малиновые, золотистые, темно-синие, ярко-зеленые — они быстро опускались, направляясь к двум эльфам.

«Что будем делать?» — спросил Гилтас.

«Стой спокойно».

«Как насчет призраков?»

Кериан осмелилась лишь бросить взгляд через плечо. Призраки остановились. Выражения их жутких звериных лиц исказились ненавистью. Призраки обнажили длинные серые зубы и совершали когтями царапающие движения. Они не двигались дальше, и, по мере того, как спускались огоньки, отступали от них точно так же, как и живые эльфы. Призраки явно боялись блуждающих огоньков.

Разноцветные огоньки пронесли мимо, едва не задев голову Кериан, и полетели прямо к отступавшим духам. Янтарный огонек поймал одного из медленно двигавшихся призраков, и оба они исчезли в беззвучной вспышке.

«Они охотятся на духов так же, как и на живых существ!» — прошептал Гилтас.

Кериан, поедаемая необходимостью оставаться на месте, когда каждый мускул кричал бежать, стиснула зубы. Три блуждающих огонька прошли на расстоянии вытянутой руки. Их неспешный извилистый полет был обманчив. Когда ситуация требовала того, они могли двигаться стремительно, точно стрела.

Огоньки забрали еще двух призраков, прежде чем остальные исчезли в безмолвном лесу. Появились новые блуждающие огоньки, приближаясь с севера и юга. Пока они с Гилтасом стояли локоть к локтю в сгущавшихся сумерках, Кериан видела эльфов, замеревших на

окружавших их лагерь камнях. Те беспомощно наблюдали, как полсотни танцующих огней заполнили пространство между лагерем и двоими, пойманными в ловушку вне его безопасности. Львица была в ярости. Она сердилась не на своего мужа за то, что тот осмелился покинуть лагерь, а на саму себя, что позволила это сделать. Он всегда являлся примером; такова была его натура. А ответственность за его безопасность лежала на ней, и только на ней. Даже если это означало задеть чувство собственного достоинства Беседующего, ей не следовало позволять ему покидать лагерь.

«Было больно, когда они забрали тебя?» — спросил Гилтас, прерывая ее самобичевание.

Она угрюмо ответила, что нет.

«Тогда, держись поближе», — сказал он. — «Если нам суждено пропасть, мы пропадем вместе».

Их решение сохранять неподвижность было внезапно нарушено, когда его болезнь дала о себе знать приступом удушья. Он попытался сдержать кашель, но спазм был слишком сильным. Когда Гилтаса сложило пополам, лишь сильные руки Кериан удержали его на ногах. Кружившие блуждающие огоньки двинулись к ним.

Спазм прошел, и Гилтас выпрямился, стараясь восстановить дыхание.

«Они идут сюда», — сказала она.

«Я люблю тебя».

Она с трудом сглотнула. — «И я тебя люблю, мечтатель».

«Это хорошо. Может быть, ты меня еще и простишь».

Прежде, чем она успела спросить, за что, огоньки приблизились, и он нарушил свое обещание. Гилтас собрал все свои силы и отпихнул жену. Два блуждающих огонька столкнулись с его грудью и взорвались вспышкой света.

Кериан метнулась к Гилтасу, когда его поглотила корона света, и они оба упали. Она попыталась вывернуться и упасть под него, чтобы смягчить его приземление, но лишь частично преуспела. Мгновение она лежала неподвижно, не дыша и закрыв глаза. Кто знал, куда могли отправить их блуждающие огоньки.

Похоже, никуда. Они с Гилтасом всего лишь ударились о землю. Они все еще находились в Инас-Вакенти. Над ними по-прежнему был купол ночного неба. И ее руки крепко держали Гилтаса.

«Итак», — проворчал он, открывая глаза. — «По всей видимости, я не достаточно ценен в качестве добычи».

«Лежи спокойно», — прошипела она, внимательно прислушиваясь. — «Я не думаю, что все так просто».

Галопом прилетел отряд кавалерии, предвосхищая грядущий спор. Его вел бледный от потрясения Хамарамис.

«Великий Беседующий! Леди Кериансерай! С вами все в порядке?»

Кериан помогла мужу подняться, и они успокоили старого генерала. Призрачные монстры исчезли. Блуждающие огоньки маневрировали во мгле, поднимаясь вдоль линии деревьев в дюжине метров от них, и эльфы не стали мешкать. Хамарамис предложил свою лошадь, но Гилтас вместо этого взобрался и сел позади него. Беседующего качало, и даже послушная гнедая могла оказаться слишком энергичной для его нетвердой руки. Не беспокоясь насчет протокола или внешнего вида, Кериан просто запрыгнула за спину ближайшему солдату, молодому квалинестийцу, чрезвычайно удивившемуся, обнаружив, что делит коня со своей королевой.

Возвращение Беседующего и Львицы было встречено приветственными криками. Все восхищались чудесным спасением Беседующего. Эльфы обступили его лошадь, стремясь убедиться, что Гилтас и в самом деле не пострадал.

Успокоив подданных, Гилтас направился к своей палатке, приказав немедленно созвать совет. Вскоре Хамарамис, Таранас и избранники народа — члены Талас-Энтии, квалинестийского сената — присоединились к Львице в палатке Беседующего. Гилтас сидел в своем походном кресле, укрыв ноги малиновым плащом Кериан. Несмотря на беспокойство Трусанара о его здоровье, целителю пришлось довольствоваться приготовлением дозы успокаивающего эликсира для своего короля, а затем удалиться.

Гилтас с Кериан поведали о произошедшем. В отличие от своей жены, Гилтас не был парализован, но очень сильно ощущал сопротивление призраков присутствию эльфов. Исходящее от призрачного собрания чувство являлось ненавистью, чистым неприкрытым отвращением, рассказал он совету. Его уверенность не произвела никакого эффекта.

«Ты остановил их нападение на меня», — указала Кериан.

Сбивающее с толку развитие, но это правда, согласился Гилтас. Когда он приказал им отпустить свою жену, разгневанные призраки, к удивлению, подчинились, но их ненависть только усилилась. Они отступили лишь когда появились блуждающие огоньки, демонстрируя, что эти группы не ладили друг с другом.

Как бы сильно он не сожалел о причинении горя такому множеству несчастных душ, Гилтас был непреклонен. — «Они должны отступить. Они отступят. Мы здесь, и я

собираюсь остаться».

«Можем мы как-то упокоить призраков?» — спросил сильванестиец, младший член Дома Священников.

Гилтас сомневался. Ни у одного среди эльфов не было таких знаний и опыта. И обычный священник за всю свою карьеру мог изгнать одного или двух призраков. Что можно было сделать против сотен злобных привидений?

Воцарилась гнетущая атмосфера. Не было слышно ничего, кроме треска факелов и скрипа пера Варанаса. Писец сидел по правую руку от Беседующего, слегка позади импровизированного трона, терпеливо записывая все, что говорилось. В тени позади Варанаса ёрзал целитель, переминаясь с ноги на ногу, которому явно не терпелось, чтобы совет закончился, и его пациента можно было уложить в постель.

Возобновился вялый несфокусированный спор. Ни у кого не было полезных предложений. Гилтас слушал, подперев рукой подбородок, сосредоточенно нахмутив брови. Кериан было не провести. Она знала, что у него практически закончились силы. Изнеможение заострило черты его лица, равно как затуманило его взгляд. Она уже практически собралась настоять, чтобы они сделали перерыв на ночь, когда ее с ослепляющей внезапностью осенило.

«Я знаю кое-кого достаточно мудрого, чтобы рассказать нам, возможно ли упокоить этих призраков», — воскликнула Кериан. — «Леди Са'ида!»

Са'ида была верховной жрицей кхурской богини Элир-Саны. Во время эльфийского изгнания в Кхури-Хане, жрица проявила себя как ценный союзник, хотя и тайный, не желая задевать чувствительность своего народа ко всему чужеземному. Она одолжила Беседующему храмовые документы, в которых упоминалась долина. Гилтас тщательно скопировал их и продолжил изучать, наряду с мудрыми трудами своей собственной расы.

«Она с таким же успехом могла бы быть на одной из лун», — заметил Хамарамис.

Никакой отряд эльфов не мог надеяться добраться до стольного города и обратно. Если их не прикончат пустыня и кочевники, это может сделать Сахим-Хан. Когда-то, хан терпел эльфов ради их взносов в его казну. Но у них больше не хватало денег в сокровищнице, чтобы прельщать его, особенно учитывая неприятности, которые ему причиняли те, кто презирал эльфов, включая последователей бога Торгана.

«Орлиный Глаз может меня туда доставить», — сказала Кериан.

Она могла бы слетать в Кхури-Хан и позвать леди Са'иду, пояснила Кериан. Это была интригующая мысль. Гилтасу не нравилась идея отправить ее в одиночку, но никто не смог бы оседлать Канана Гитантаса. Грифон принял бы лишь своего привязанного всадника. Создание такой связи обычно требовало много месяцев терпеливой заботы. Эльхана смогла с помощью специального ритуала укротить диких золотистых грифонов, но во всей долине не было никого, кто знал бы, как повторить ее действия.

«Даже если ты доберешься безопасно до города, мы не можем быть уверены, что Са'ида согласится нам помочь», — добавил Гилтас.

Это было правдой. Кериан не могла сказать, была ли помощь Са'иды во время их изгнания результатом искреннего великодушия или более прагматичного желания помочь врагам своих врагов. Даже если людская жрица сочувствовала их положению, она могла отказаться покинуть свое святилище и совершить путешествие в наполненную призраками долину. Было хорошо известно, что она редко оставляла священные пределы храма. Кериан была уверена, что могла бы убедить эту женщину вернуться с ней в долину, но Гилтас

положил конец спорам.

Предлагаемая миссия в Кхури-Хан не практична. Я не могу позволить ее».

Его безапелляционный тон заставил Кериан изумленно уставиться на него. Он сидел, нахмурившись ни на кого в частности, с безжизненно бледным лицом, словно высеченным из безупречно белого силванестийского мрамора. Кериан не стала продолжать дискуссию, но, в то время, как остальные воспользовались моментом, чтобы пустить по кругу бурдюки с водой, она продолжала пристально разглядывать его. Он не смотрел на нее, уставившись в чашку с лекарством, которую держал в руке.

Отпив из чашки, он продолжил более сдержано. — «Я верю, что мое сегодняшнее происшествие решает одну из загадок долины. Мы столкнулись не с единой опасностью, а с двумя различными. Привидения являются призраками тех, кто когда-то населял Инас-Вакенти. Я не знаю, кем они были, но они не в ладах с блуждающими огоньками. Когда появились огни, призраки бежали».

«Но мы не знаем, кто создал эти огни, или как они управляются», — вставил Таранас.

«Стража?» — задумчиво произнес Хамарамис. — «Блуждающие огоньки охраняют долину от незваных гостей, вроде нас, но они также удерживают внутри призраков исконных обитателей».

Гилтас поддержал его увлекательную теорию, и вся группа принялась обсуждать, почему огни не унесли Беседующего.

«Кровь Золотоглазого».

Все глаза обратились на Варанаса, и Гилтас спросил, что тот имел в виду. Писец оторвался от своих записей. Поняв, что говорил вслух, он покраснел до кончиков белых волос и принялся просить прощения за то, что вмешался.

Получив заверения Беседующего, что никого не оскорбил, писец ответил: «Сир, так вас назвали духи, Кровь Золотоглазого. Они подчинились Вам, как только узнали, кто Вы». — Варанас сверился со своими записями. — «Но их ненависть к вам лишь усилилась».

«Возможно, Сильванос Золотоглазый ответственен за их присутствие здесь», — сказала Кериан. — «И, возможно, его потомки не восприимчивы к огням-стражам. Я не ученый, но в этом есть определенная логика война. Эти призраки когда-то могли быть эльфами». — Она не упомянула о звериных метаморфозах духов. Она сперва обсудит это с Гилтасом наедине. — «Изгнание, заключение — как это ни называй, полагаю, их отправили в эту отдаленную долину, охраняемую мощной магией в виде летающих огней. Если Беседующий Сильванос, или кто-то из его потомков, приговорил этих несчастных к вечному изгнанию, то это объясняет, почему его потомок по крови обладает иммунитетом к создавшему стражей заклинанию».

Снова опустилась тишина. Слова Львицы содержали намек на безрадостное повествование, уходящее корнями в далекое прошлое. Что за злодеяние совершили эти преступники, чтобы заслужить такое ужасное наказание? Что за эльфами были эти призраки?

Гилтас прервал молчание. — «Интересный тезис», — сказал он, и повернул разговор в другое русло. Сенатор напомнил ему об истощавшихся запасах еды. Мясо продолжало исчезать, несмотря на то, что склады тщательно охранялись. Зерно, овощи и питьевые жидкости оставались нетронутыми, но животная плоть явно крайне не приветствовалась здесь, даже будучи приготовленной или заготовленной. Запасы воды были достаточными, но новых источников не было найдено с тех пор, как они покинули реку Львицы. Бывший член

Дома Садовников утверждал, что воды достаточно прямо под поверхностью земли. Волшебные лозы в руках чувствительных эльфов показывали ее изобилие, и довольно просто можно было выкопать колодцы.

Учитывая, что еда была главнейшим приоритетом, Беседующий отдал приказ отправить на следующий день поисковые партии, чтобы прочесать местность на предмет чего-нибудь съедобного.

«Сир, а как же призраки?» — хотел знать Хамарамис.

«Если мы вскоре не отыщем еду, мы все станем призраками», — проворчала Кериан.

Самые дальние поиски, сказал Гилтас, должны выполняться конными разведчиками, которые смогут оторваться от любых враждебных духов. Все отряды должны вернуться в лагерь за час до заката, чтобы не столкнуться с хищническими блуждающими огоньками.

На этом совет был окончен. Как только последний член совета покинул палатку Беседующего, Трусанар вышел вперед и быстро осмотрел своего короля.

«Ваша лихорадка усилилась. Слишком большое перенапряжение. Слишком много ночного воздуха».

«Слишком много быть Гилтасом», — сказала Кериан.

Улыбаясь, Беседующий признал себя виновным во всех обвинениях, а затем сказал Трусанару, что тот может идти. Явно раздосадованный легкомысленным отношением своего господина, целитель отправился к своему спальному мешку. Приблизились писцы Беседующего, готовые занять свои места для ночного чтения и диктовки, но Кериан отпустила их. Гилтас не протестовал.

Когда палатка Беседующего оказалась пуста, за исключением их двоих, его мужественная осанка сникла. Он тяжело навалился на руку жены, чтобы совершить короткую прогулку от походного кресла к убогой постели.

Вскоре он уже сидел под грудой одеял и ковров, под которой задохнулась бы Кериан, и попросил ее наполнить чашу с лекарством. Когда он, сильно морщась (так как оно было чрезвычайно горьким), маленькими глотками выпил лекарство, Кериан подняла тему, которая, она знала, ему не понравится.

«Я смогу добраться до святейшей госпожи. Я смогу убедить ее прийти».

«Мне не обойтись без тебя».

В его комментарии было больше раздражения, чем правды. Она напомнила ему, что здесь не было явной угрозы, с которой не смогли бы вместо нее справиться Хамарамис или Таранас. Ее присутствие не обеспечивало особых преимуществ в поисках пищи. Но привлечение на свою сторону Са'иды существенно меняло дело.

Элир-Сана была не только богиней изобилия, она также была богом исцеления, кхурским воплощением богини, известной квалинестийцам как Квинести-Па. Са'ида была ее самым высоким представителем в Кхуре, давнишней благословенной дочерью. Жрица спасла Кхури-Хан от чумы после смерти Малис и служила подлому Сахиму в течение многих лет интриг, давления и заговоров. Если кто и мог излечить умирающего Беседующего с Солнцем и Звездами, то это была Са'ида.

Личные проблемы никогда не имели большого значения для Гилтаса, так что Кериан просто сказала: «Даже если она не может одолеть армию призраков и блуждающих огней, ее совет будет неоценим».

«Кхур опасен. А Кхури-Хан — вдвойне», — упрямо сказал он.

Он дрожал все время, пока они спорили. Задрожав еще сильнее, Гилтас неожиданно

рухнул спиной на постель, точно его тело просто отказалось больше его поддерживать. Он попытался снова сесть, но его дрожащим рукам не хватало сил поднять его.

Она опустила на колени подле него. — «Гил!»

«Я так устал». — Прошептал он, закрывая глаза, — «И я боюсь, Кери-ли. Если ты уйдешь, я боюсь, что когда ты вернешься, меня здесь не будет».

Он никогда прежде не поддавался ни страху, ни тяготам своей болезни. Кериан почувствовала, как к глазам подступили слезы. Она с разрывающей сердце осторожностью взяла его в свои руки; одной рукой опустила его голову себе на плечо, а другой отвела волосы с его лица.

«Ты воздвиг такой барьер», — прошептала она, ее слезы падали неконтролируемо. — «Почем ты не сказал мне, что так смертельно болен?»

«Я не мог слишком часто признаваться в этом. Это плохо влияет на мое моральное состояние». — Он слабо рассмеялся.

«Тебе нужно отдохнуть...»

Он повернул лицо к теплой ложбинке ее горла. Бессмысленные слова утешения застыли у нее на губах.

«Я сделаю, что должен, ради своего народа — даже умру, если должен», — сказал Гилтас. — «Но я не могу сделать это без тебя. Я потерял Планчета. Я не могу...»

Мучительное признание резко прервалось. Он слегка отстранился от нее. Кериан наблюдала, как он собирается с силами, натягивая их на себя, точно потертое платье.

Она несколько секунд глядела на его дрожащее тело, а затем спросила: «Гил, ты веришь мне?» — Его ответом был молчаливый кивок. — «Мы не сможем жить в этой долине, если не побороть ее неприязнь к миру животных. У нас нет ресурсов победить ее. Леди Са'ида — наша лучшая надежда. Я могу отправиться в Кхури-Хан и вернуться через полтора дня. Дай мне свое разрешение».

«Ты всегда куда-то несешься. Миссии всегда жизненно важные. Кери-ли, ты недостаточно ценишь свою жизнь. Когда ты отправилась из Кхуриноста навстречу кочевникам, я думал, ты собиралась умереть».

В то время это и было ее целью, хотя он и не знал этого. Она справилась с той частицей безумия.

«Теперь ты снова хочешь сбежать». — Он вздохнул, опуская веки. — «Я не в том состоянии, чтобы остановить тебя».

Она положила руку ему на щеку. — «Ты — мой суверен. Ты можешь единственным словом остановить меня».

В его глазах ненадолго заискрился свет. — «Если бы я только мог найти то слово». — Веки сомкнулись, и искры погасли. — «Ты можешь идти».

Сон похитил его. Кериан долгое время оставалась у его постели. Несколько раз его дыхание становилось столь слабым, что ей казалось, что оно останавливалось, но ее рука у него на груди продолжала ощущать медленное биение сердца.

«Я — твоя жена», — сказала она, хотя и знала, что он не слышал ее. — «И я вернусь».

* * *

Двое всадников пробирались сквозь руины лагеря кочевников. На мужчине были

коричневые штаны и ботинки, а его кожаная куртка скрывала кольчужную рубашку. Свой меч он носил открыто. Его темные волосы выросли длинными и поседели на висках. Женщина была на пятнадцать лет моложе. Она заплетала волосы в одну черную косу, достигавшую середины спины. Ее экипировка во многом напоминала его, только была черной, а не коричневой. Поперек луки седла лежал арбалет необычной конструкции.

Британ Эверайд, рыцарь ордена Лилии, и сержант Джералунд проделали очень длинный путь, чтобы добраться до этой точки. Они пришли из Квалиности пешком, на корабле и на лошади, преследуя в процессе этого легенду. Их целью был незнакомец, явившийся из глубин леса в бывшем эльфийском королевстве. Он с поразительным успехом поднял восстание против лорда бандитов Самувала. Хотя тот с головы до пят был укутан в грубую рясу, перчатки и маску, оставив открытыми лишь глаза, у них была причина считать его знатным эльфом.

Когда усилия этого нарушителя спокойствия привлекли внимание неракских рыцарей, Британ отправили схватить его. Ее отряд был практически полностью уничтожен, за исключением горстки людей, включая сержанта, который окрестил предводителя повстанцев «Пугалом» за его внешность оборванца. Начальники Британ дали ей шанс исправить провал: найти Пугало и убить его прежде, чем вдохновленная им революция охватит все Квалиности.

Она думала, что загнала его в угол у пиков Небесной Стены к югу от Квалиности, но он ухитрился бежать на грифоне прежде, чем она смогла пронзить ему сердце арбалетным болтом. От одного из оставленных им эльфов Британ узнала пункт назначения Пугала. Ответ привел в замешательство. Всадники на грифонах направились в место в самой северной части Кхура возле горной гряды, отделявшей пустынное королевство от Нераки.

В замешательстве или нет, Британ продолжила погоню. Ее пылкая поспешность стоила им верховой лошади за каждого, чтобы только добраться до западного берега Нового моря. Быстрый корабль доставил их на дальний конец моря. Оказавшись снова на суше и обойдя кхурскую пустыню по западному краю, Британ повстречала кочевников, которые любили неракские деньги больше, чем ненавидели неракских рыцарей. Они рассказали ей, что эльфы-изгнанники покинули свое убежище в Кхури-Хане, пересекли пустыню и осели в долине, известной под разными именами — как Алия-Алаш, Долина Голубых Песков и Долина Молчания. Как ее ни называй, она располагалась в самой северной части Кхура — в том самом месте, куда, по общему мнению, отправились Пугало со своими всадниками на грифонах. Таким образом, здесь и оказались она с сержантом, много дней и много миль позже.

Среди руин лагеря не осталось ничего годного к использованию. Что не сгорело, было растащено. Мертвые лошади лежали там, где пали. Каменистая земля была усеяна сломанными стрелами и обломками мечей. Поперек прохода тянулась прямая, как стрела, каменная стена из булыжников, которая, тем не менее, не могла выполнять защитную функцию. Она не была закончена. Разрушенный лагерь кочевников лежал между незаконченным ее краем и западной стороной прохода. Немудрено, что кхурцев разгромили. Тренированная эльфийская кавалерия, обогнув стену высотой в человеческий рост, обратила бы в бегство любых варваров.

Джералунд спешил и осмотрел руины в поисках улик. Британ медленно ехала вдоль стены. Мертвецов убрали, но количество пролитой на камни крови давало обильные доказательства бушевавшего сражения. Возле края стены она натянула поводья. Впереди

простиралась пустыня, мерцая под безжалостным солнцем. Была лишь середина утра, а она уже чувствовала себя, точно ее подвесили для жарки над костром. Она натянула ниже кхурскую шляпу из травы с широкими полями и опустила тканую льняную полоску, защищавшую ее глаза от слепящего солнца. Песок вокруг нее был перемешан отпечатками ног коней и людей, но уходящий след четко читался. Потерпев поражение у устья долины, кочевники бежали в известное им королевство, великую пустошь.

Ее расследование было прервано странным звуком: стуком камня о камень. Он шел откуда-то справа. Она двинулась в сторону этого звука, сжимая свободной рукой ложе арбалета.

В ложбине позади песчаного холма она нашла одинокого человека. Тот стоял на коленях среди разбросанных камней, и складывал из них новую пирамиду. По ее размеру и длине Британ поняла, что та обозначала могилу. Опасаясь засады, она, тем не менее, поддалась любопытству и направила лошадь вниз по песчаному склону. Британ описала круг, так что, когда остановилась, солнце оказалось позади нее.

«Приветствую», — сказала она. — «Что здесь случилось?»

Он поднял взгляд из-под шляпы с широкими полями, а затем продолжил укладывать камни. — «Одно из многих бессмысленных сражений», — ответил он. — «Это могила последнего павшего».

«Родственник?»

«Мой клан, мое племя. Вейядан».

Британ не интересовали запутанные кхурские связи. Она спросила кхурца, не видал ли он эльфов.

«Кто интересуется, неракец?»

Очевидно, ее акцент был легко узнаваемым, несмотря на ее наряд западного пирата.

«Я — Британ Эверайд, рыцарь Лилии. Я ищущу *лэддэд*, разыскиваемого за преступления против моего Ордена».

«Ваш закон здесь ничего не значит». — Еще два камня с глухим стуком стали на место. — «Это земля четких границ, где правда и несправедливость всегда очевидны — даже если мужчины и женщины делают выбор не видеть их».

Британ стянула с ремня кошелек и швырнула к его ногам. Звон монет внутри ни с чем нельзя было спутать. — «Может быть, сталь подвигнет тебя сменить философию. *Лэддэды* в долине, да?»

«Один или сотня, они просто *лэддэд*».

Он вернулся к работе над могилой, и Керриан оставила дружелюбный тон. Она опустила арбалет к его правому бедру. — «Здоровый или хромой, ты ответишь мне, кхурец», — сказала она, пародируя его замысловатую манеру речи.

Он поднялся и снял шляпу. У него были серые глаза. Ни у кого из встречавшихся ей до сих пор кочевников не было таких странных бледных глаз.

«*Лэддэд* ушли в долину двадцать дней назад», — сказал он.

Наверху дюны появился Джералунд. Он махнул молодому рыцарю присоединиться к нему. Британ опустила тяжелый арбалет. Из того, что она знала, кхурцы всегда были желанными друзьями неракцев. И мало питали любви к эльфам.

«Трудись упорно, старик», — сказала она. — «И оставь кошелек. Ты заработал его».

Она легким галопом поднялась по длинному склону и скрылась за гребнем.

Вапа покачал головой. Он давным-давно научился не препираться с дураками или

убийцами. И того меньше следовало тратить мудрость на убийц, которые к тому же были дураками. Он снова надел шляпу и продолжил укладывать камни на могилу Адалы. Когда его рука в поисках камня наткнулась вместо этого на кошелек, он подобрал его. Бархатная сумочка была тяжелой. Он бросил его в щель между двумя камнями и прикрыл другими камнями.

Прочитав должные молитвы, попросив Торгана принять душу Адалы Фахим, он закончил, и его душу охватила огромная холодная пустота. Он считал, что равновесие будет восстановлено, когда *лэддэд* нашли свою долину. Гибель Адалы, хоть и непрошенная, также восстанавливала четкую границу правосудия. Прибытие *немош* («людей из-за горы») угрожало вновь нарушить равновесие. Неприятности продолжатся, если *лэддэд* не будут очень бдительными.

Вапа не чувствовал вины за введение в заблуждение женщины *немош*. Многие *лэддэд* ушли в долину, как он и сказал. Конечно, некоторые снова вышли оттуда, так что, где могла находиться ее жертва, могли знать лишь Те, Кто Наверху.

Последний взгляд на пирамиду из камней, и Вапа отвернулся. Когда он свистнул, приблизилась его лошадь, ожидавшая в соседней низине.

Он оставил горы за спиной. Он хотел увидеть океан. Четыре ночи он мечтал прогуляться по пляжу с плещущимися у ног непрерывными волнами. Такие повторяющиеся мечты были посланы Теми, Кто Наверху, и послание было ясным. Он не вернется в пустыню, а до конца своих дней будет жить у океана. Море омоет его кости. Его душа навеки поселится среди праведников.

В миле от него Джералунд с Британ въехали в узкий проход, осматривая вздымавшиеся по обеим сторонам пики. Это было, как заметил Джералунд, превосходное место для засады. Он удивлялся, почему эльфы не защищали его.

«Они не ожидали, что кто-то последует сюда за ними», — сказала она. — «Кхурские кочевники — суеверные дикари, а наши армии далеко».

Несмотря на это, тактическое чувство обоих солдат коробило передвигаться открыто по удерживаемой врагом территории. Джералунд было солдатом с богатым жизненным опытом. Он сказал, что им следует держаться восточного края прохода. Они будут в утренней тени, и смогут передвигаться в течение самой прохладного времени суток. Они будут следить за движением линии солнечного света, и когда их позиция вот-вот окажется на виду, устроятся на отдых, и будут ждать заката, прежде чем возобновить свое путешествие.

Британ нашла его рассуждения разумными. Они двинулись вдоль восточного края прохода. Когда земля стала каменистой, они спешили и повели коней по тропинке шириной, едва достаточной для коз. Они получили первые доказательства, когда по проходу рысью прошел кавалерийский эскадрон. Неракцы затащили коней под прикрытие большого валуна и следили за проезжавшим мимо патрулем. Джералунд насчитал сорок конных эльфов.

Он прошептал: «Леди, это не лесные или городские эльфы».

Предположение Британ оказалось неверным. Гилгас, король эльфов в изгнании, бежал не только с гражданскими беженцами. Проход патрулировался.

«Не важно», — сказала она, небрежно отмахиваясь от эльфийской кавалерии. — «Если бы Пугало было в кристаллической башне в Сильваносте, я бы все равно достала его!»

Сержант не ответил. Дюжину раз за их путешествие она бы потерялась без него, если бы

он ее каждый раз не поправлял. Британ Эверайд была храброй и настойчивой, но слишком заносчивой и упрямой, что шло во вред ее собственному благу.

Конные эльфы разделились на три группы, каждая поехала в своем направлении. Когда стих грохот копыт, неракцы снова двинулись в путь. Джералунд прикинул, что у них было около трех часов, до того как их настигнет солнечный свет. К тому времени они будут на семьсот метров выше, и в окружении охранявшей Инас-Вакенти стены гор.

Кериан полагала, что полет в Кхури-Хан займет около десяти часов. Покинув Инас-Вакенти через час или два после рассвета, она прибудет в кхурскую столицу уже затемно, что будет полезно для ее тайной миссии. Ее отбытие не то, чтобы было тайной, но она и не собиралась афишировать его. Хамарамис знал, и Таранасу сказали прямо перед отлетом. Многочисленных советников Беседующего не проинформировали.

Гилтас не увидит ее отлет. Он провел беспокойную ночь, согласившись проглотить снотворное, лишь, когда понял, что его тревога заставляла Кериан бодрствовать и ошиваться поблизости. Позже он глубоко заснул. Снотворное было слабым, но Трусанар сказал, что все энергия Беседующего была направлена на борьбу с болезнью внутри него. И ничего не оставалось в запасе для размышлений или даже для сна.

Собрав в путешествие свой скудный багаж, она встретилась с Трусанаром. Он ждал ее снаружи палатки Беседующего.

«Я сделаю все максимально быстро», — сказала она. — «Ты должен до моего возвращения удерживать Беседующего с нами».

«Конечно, леди. Я слышал, эта людская жрица — опытная целительница».

В его тоне звучал не просто намек на задетую гордость. Он без устали трудился, чтобы помочь Гилтасу, и Кериан не желала пристыдить его. Многие ночи он провел, бодрствуя у постели своего пациента, стараясь облегчить страдания Гилтаса. У него под рукой было мало лекарств или общих удобств, и мало опыта в борьбе с обычной людской болезнью, вроде чахотки. Тем не менее, он не сдавался, со всем искусством и мужеством, как и подобало члену его древнего братства.

«Не воспринимай как обиду», — сказала она. — «Никто не смог бы лучше послужить Беседующему. Он попросил меня привести святую госпожу, чтобы снять нависшее над Инас-Вакенти проклятие, а не чтобы заменить тебя в качестве его врача. Но если она сможет...»

«Леди, если она сможет сделать так, чтобы Беседующий снова был здоров, я буду первым, благословившим ее усилия». — Это было трудное признание для гордого сильванестийца.

«Трусанар, береги его. Привяжи к постели, если понадобится, но береги его до моего возвращения».

Попрощавшись с ним, Кериан вышла за пределы возведенной в спешке эльфийской баррикады на открытую площадку, где ее ждал Орлиный Глаз. Она закрепила на седле свои немногочисленные сумки. Ее багаж состоял из набора оружия, крошечного запаса золота и стали, чтобы расчистить путь в Кхури-Хан, и немного еды для Орлиного Глаза. Хамарамис настаивал, чтобы она взяла пищу и для себя, но Кериан отказалась. С такими скудными запасами еды, она лучше поест в Кхури-Хане.

Топот копыт известил о прибытии Таранаса с Хамарамисом. Они спешили чуть поодаль, и Таранас рысцой пустился к поджидавшей их Львице. Старый Хамарамис приближался медленнее.

«Командир, я...» — начал Таранас. Его голос сорвался, ему явно было неловко. Воин-ветеран, бывший командующий королевской гвардией Квалинести, последние пять лет являлся ее заместителем в Кхуре. Они не всегда соглашались друг с другом — Львице не нужны были раболепствующие лизоблюды — но они были товарищами, сплоченными

службой своему Беседующему, связанными кошмарами и триумфами многочисленных полей сражений.

Кериан протянула руку. Таранас сердечно пожал ее обеими руками.

Прощание Хамарамиса было сухим и кратким. Затем он добавил: «Я подумал, нам нужно построить временную цитадель — место, где мы могли бы укрыться, если станет хуже. Баррикады между каменными столбами едва ли годятся для этого».

«Из чего мы построим ее?» — поинтересовался Таранас.

«Вокруг в избытке камней. Мы можем пустить их в дело».

Кериан забралась в седло. — «Хорошая идея. Помните не приближаться к круглой платформе. Невозможно сказать, как далеко эта штуковина разносит голоса. До встречи!»

Она стукнула пятками в бока Орлиного Глаза. Грифон распростер свои широкие крылья и, в два мощных прыжка, взлетел. Прежде, чем она успела повернуть его голову в сторону Кхури-Хана, внимание Кериан привлек пронзительный крик.

С дальнего конца лагеря в воздух поднялся Канан. Грифон без всадника устремился прямо к Орлиному Глазу.

«Нет, нет!» — крикнула Кериан. — «Возвращайся!»

Молодой зверь пропустил ее приказ мимо ушей, но обратил внимание на более убедительный комментарий Орлиного Глаза. Королевский грифон дважды пронзительно прокричал. Ответная трель Канана была явно несчастной. Он с поникшей головой спустился в лагерь.

Кериан направила Орлиного Глаза выше. Она бросила последний взгляд через плечо. В лагере кипела жизнь, но вокруг палатки Беседующего все было спокойно. Трусанар удостоверился, чтобы сон Беседующего ничто не нарушало.

Наверху воздух был холодным. Кериан взяла в путешествие плотный плащ. Она натянула на голову его капюшон. Ее золотистые волосы, которые она обрезала во время пребывания в оккупированном Квалинесте, отросли, но все еще не закрывали шею. Она порадовалась глубокому капюшону плаща.

Ее первой целью были южные горы, самые низкие из окружающих Инас-Вакенти. Три пика со снежными шапками, обозначавшие вход в долину, по сути, возвышались вдоль краев прохода, два с востока, и один к западу, так что ей не было необходимости уклоняться от их широких склонов. Утреннее солнце отражалось от западного пика и окрашивало золотом горный скат.

Пустынный ландшафт под ней, пока что нетронутый солнцем, разворачивался с монотонным единообразием: широко разбросанные кедры, сосны и клены; поглощавшие булыжники и заполнявшие расщелины вьюны; потоки светлого гравия с синевато-серых склонов. Казавшиеся серыми в отбрасываемой высокими горами тени каменные столбы, выглядевшие еще более таинственными, чем обычно, в обвивавших их последних клочьях тумана. Кериан страстно желала увидеть оленя или дикого козла на одиноком утесе. Парящий в потоках воздуха орел или стервятник был бы открытием.

Конечно же, она ничего из этого не увидела. Молчаливая Долина, как обычно, была лишена мира животных, но за ее полетом наблюдали глаза другого рода.

Фитерус с Фаваронасом добрались до горы Ракарис накануне поздно вечером, и начали длинное восхождение к Лестнице Дальнего Видения. Они покрыли не более трети расстояния, прежде чем выше по склону материализовалась дюжина блуждающих огоньков и поплыла в их сторону. Несмотря на яростные приказы Фитеруса, огоньки приблизились,

заставляя его парировать их по отдельности. Фаваронас держался к колдуну настолько близко, насколько только осмеливался, надеясь на его защиту. Фитерус загадочным жестом отбрасывал каждый огонек, выкрикивая непонятные для архивариуса слова. Эти действия уменьшали каждый блуждающий огонек до дымной точки, серовато-белой в темноте, которая, наконец, рассыпалась и исчезала.

К тому моменту, как был изгнан последний шар, колдун шатался от изнеможения. Он осел, но сохранил достаточно самообладания, чтобы взмахом руки отправить Фаваронаса в сон, прежде чем вырубиться. Двое провели ночь там, где упали.

Крик поднимавшегося из лагеря грифона разбудил Фаваронаса и дал ему трепетную надежду. Грифон означал, что Беседующий со своими верными воинами были неподалеку. Он поднялся на колени, щурясь от яркого неба и ища источник. Но и Фитерус проснулся. У него на плече на ремне висел сосуд из тыквы. Колдун подтянул его, открыл и сунул длинное горлышко глубоко в свой капюшон. Он пил, глотая все более и более жадно, по мере того, как жидкость приводила его в чувство. От шедшего от тыквы запаха желудок у Фаваронаса сжался. Он узнал эту вонь. Волшебник пил кровь, и не особо свежую кровь.

Подкрепившись, Фитерус встал и посмотрел в небо. Он произнес нараспев длинную фразу. Лицо Фаваронаса ощутило покалывание. Было ощущение, что волосы на его голове стали дыбом. Колдун сжал вместе ладони. Когда он снова разделил их, между ними растянулась полоска ослепительно белого огня. Фаваронас бросился ничком на землю, прикрывая голову руками. Мгновение спустя, по его ушам ударил треск грома, и волна жара опалила ему спину.

Кериан не увидела приближавшуюся молнию, но Орлиный Глаз заметил ее. Его огромные глаза хищника могли на многие мили вокруг видеть практически на триста шестьдесят градусов. Вспышка была далекой, но яркой и мощной, поднимаясь с земли слева сзади от грифона. Не дожидаясь указаний своего всадника, он заложил крутой вираж. Захваченную врасплох Кериан швырнуло в сторону. Она обхватила руками шею грифона и громко возмутилась.

Ее жалобы стихли, когда мимо них с ревом пронеслась раскаленная огненная стрела. Кериан вскрикнула, когда ее металлическое снаряжение обожгло сквозь одежду. Орлиный Глаз продолжил свой маневр, выполняя бочку через левое крыло. Хотя грифон с всадником вовремя отвернули, вспышка ослепила глаза Кериан. Проморгавшись, она увидела, что кончик левого крыла грифона был опален, и мех на его левом бедре сторел и дымился.

«Отличная работа!» — похвалила она, похлопав его по пернатой шее.

Грифон нехарактерно вздрогнул, когда она похлопала его. Наклонившись далеко вперед, она помахала рукой перед его левым глазом. Орлиный Глаз не моргнул и не подал никакого другого знака, что заметил ее движение, и Кериан поняла, что молния ослепила его с этой стороны. Его правый глаз не пострадал.

Она мягко направила его в крутой подъем. В вышине ледяные пальцы облаков прочертили новый день, но в остальном небо было чистым, нетронуто синим. Ни один из предыдущих патрулей на грифонах не сталкивался со случайными огненными стрелами над Инас-Вакенти. Не исключено, что это было одно из странных проявлений враждебной магии долины, но больше было похоже на то, что это кто-то внизу метал молнии.

Орлиный Глаз осторожно поднимался, описывая плоские широкие круги, совершенно не в своем обычном уверенном стиле. Кериан смотрела мимо бьющих крыльев, ища возможный источник смертоносной молнии. Но все, что она увидела, это лишь

проплывающие каменистые утесы.

Когда они удвоили высоту, она снова повернула голову грифона на юг. Было бессмысленно оставаться, приглашая к повторному нападению. Больше ничего не происходило, но она не прекращала оглядываться через плечо, пока они не добрались до дальней стороны гор. Преданный Орлиный Глаз неуклонно продолжал полет, наклонив голову, чтобы компенсировать потерю зрения слева. Керриан заставляла себя сохранять спокойствие, чтобы ее эмоции не возбуждали грифона. Но внутри она расвирепела не на шутку. Кто-то заплатит за эту вероломную атаку.

Она не могла знать, что ей не угрожало повторное нападение. Фаваронас осторожно оторвал свое лицо от земли и увидел, что Фитерус растянулся неподалеку. Попытка метнуть единственную молнию лишила колдуна последних сил. Грудь под его мантией вздымалась, неглубокое дыхание являлось единственным признаком жизни.

Сам Фаваронас не пострадал, хотя его голова кружилась от близости к такому огромному выбросу энергии. Склон здесь был крутым. Подняться на ноги требовало осторожности, чтобы не полететь кувырком с горы от головокружения. Тем не менее, он торопился, насколько это было возможным. Появился его шанс на спасение.

Тихие голоса заставили его обернуться к находившемуся без сознания Фитерусу. Выше по склону появились четыре духа. В присутствии Фитеруса, пока тот бодрствовал (а он никогда не спал), привидения не появлялись. А сейчас, когда он лежал холодный, эта защита пропала.

Призраки немигающими глазами пристально смотрели на Фаваронаса. На их лицах неестественно отсутствовало какое-либо выражение. Сперва они летели по воздуху, их тела исчезали в полуметре над землей, но, по мере того, как привидения материализовывались, появлялись их нижние конечности. Было невозможно сказать, мужчины это или женщины. У всех были пустые изнуренные лица в обрамлении длинных спутанных волос.

Фаваронас испуганно уставился на них, упав на спину и вызвав осыпь гравия со склона горы.

«Не причиняйте мне вреда!» — проскрежетал он, выставляя обе руки, пытаясь остановить призраков. — «Я не хотел вас обидеть. Он заставил меня прийти!»

Один из четырех духов сделал шаг вперед и сказал — по крайней мере, казалось, что слова шли от него.

Он все еще живет. Мы еще не можем потребовать его.

«Он один из вас?» — Дух ответил утвердительно. — «Кто он?»

Посмотри на него сам.

Воздух наполнился тихими голосами. Другие духи, выглядевшие менее материальными, чем первая четверка, материализовались выше и ниже Фаваронаса. Поскольку путь к бегству был заблокирован, ученый поддался любопытству и подполз к своему неподвижному тюремщику. Спутанная тряпка, что крепко стягивала капюшон вокруг горла Фитеруса, наконец, уступила его дрожащим пальцам. Он стянул капюшон, и впервые увидел лицо колдуна.

Фитерус намекал, что ему было несколько тысяч лет. Фаваронас мог бы не поверить его заявке на такой невероятно большой возраст, но руки колдуна принадлежали очень старому эльфу, с выпуклыми суставами, так что ожидал увидеть иссохшее морщинистое лицо. Не такое — лицо колдуна было гладким и без складок. Его лоб был высоким, подбородок острым, а уши ожидаемо острыми. Его бело-золотистые волосы были короткими и

вьющимися. Он выглядел эльфом в самом начале жизни.

А так ли? Когда Фаваронас посмотрел внимательнее, начали проявляться определенные странности. Уши были не совсем правильными; их заостренные кончики были слишком длинными и указывали не вверх, а назад. Нос, хотя длинный и узкий, как у большинства сильванестийцев, вокруг ноздрей был темным. То, что Фаваронас принял за бледную кожу, на самом деле было мехом из пушистых волос. Ни у одного настоящего эльфа на лице не росли подобные волосы. Это не было даже бородой, как у людей или полу-эльфов. Густые белые волосы покрывали все лицо Фитеруса ото лба до подбородка. Чтобы подтвердить увиденное глазами, Фаваронас осторожно вытянул палец и коснулся щеки колдуна. Волосы были мягкими, как бархат.

Еще более странной была тень под носом Фитеруса, оказавшаяся бледным шрамом, словно его верхняя губа была разделена надвое и снова сшита.

Фаваронас отошел, продолжая разглядывать. Чем больше он глядел, тем более странным выглядело это лицо. Язык колдуна, едва видимый сквозь слегка раскрытые губы, был темным, как кожа сандалий. Его брови, казалось, сходились на переносице, или это была игра света? Рассматриваемое в целом, лицо в некотором роде напоминало животного, словно какой-то зверь попытался преобразиться в эльфа и потерпел неудачу.

Лишь у него была сила уйти, и он покинул нас.

«Почему вы скитаетесь по миру смертных? Чего вы хотите?»

Убратся из этого места. Ты можешь помочь. Ступай в место Дальнего Видения.

Фаваронас с замиранием сердца посмотрел на склон позади четырех призраков. Расстояние и крутой угол уменьшали Лестницу Дальнего Видения до всего лишь горизонтальной полоски темного камня. — «Зачем? Что там?»

Толпа привидений исчезла, оставив лишь первую четверку. Они колыхались, словно изображение, наблюдаемое сквозь жар пустыни. Фаваронас в отчаянии повторил свои вопросы.

Завладей ключом до того, как откроется дверь.

Четверка исчезла в один миг.

«Подождите! Что это значит?» — крикнул он, ученый в нем уже принялся ломать голову над этими словами.

«Это значит», — произнес голос позади него, — «времени мало».

Когда Фаваронас повернулся на свинцовых ногах, лед поражения пронзил его. Фитерус пришел в себя и сел. Колдун поднес руку к голове, обнаружил, что его маскирующий капюшон сбился, и бросил злобный взгляд на своего пленника.

«Ну, эльфийское отродье, и что ты узнал?» — Его голос был слабым, но каждый слог сочился ненавистью.

«Ничего, хозяин. Чем больше я слышу, тем меньше я знаю!» — пробормотал архивариус.

Фитерус протянул руку, молча повелевая помочь ему подняться. Как только Фаваронас приблизился, колдун схватил его за руку и свалил с ног. Фаваронас быстро понял, что не может отодвинуться. Рука Фитеруса, сдавившая голую рукой Фаваронаса, прилипла, точно плоть срослась с плоть.

«Теперь мы единое целое. Пока моя работа не будет закончена, ты не будешь шляться или снова болтать с мертвецами».

Архивариус уставился на неестественную связь, к горлу подступила тошнота. Казалось, их кожа слилась в единое — не шла ли эта связь глубже? Не смешалась ли поганая кровь

этой твари, зовущейся Фитерусом, с его собственной?

Он отвернулся от головы в капюшоне, которая находилась чересчур близко, и с трудом поднялся на ноги, неуклюже подтягивая за собой и колдуна. Фаваронас сделал шаг, затем другой, таща за собой ослабевшего волшебника. Выступ казался столь же далеким, как солнце. Еда Фитеруса пусть и была отвратительной, но он хотя бы поел недавно. Фаваронас едва мог вспомнить, когда последний раз принимал пищу или пил.

Пока карабкался, внешне покорный, Фаваронас отвлекал себя от своего отчаяния, сосредоточившись на множестве вопросов, поднятых встречами с духами. Чего точно они хотели — покончить со своей полу-жизнью и обрести покой, или воссоединиться с миром смертных? Как им поможет присутствие здесь предателя? И каким ключом ему предлагалось завладеть?

Фаваронас был глубоко начитан, но он не был мудрецом. Все, что он знал о магии, это несколько основных понятий, почерпнутых им из древних манускриптов. В каменных свитках могли содержаться дополнительные подсказки. Дилемма заключалась в том, как внимательно их прочесть, чтобы Фитерус не догадался о его намерениях.

Его мысли продолжали блуждать, пока Фитерус не стукнул его резко по голове. — «Смотри, куда идешь!» — рявкнул колдун.

Фаваронас тупо привел их к потрескавшемуся краю ущелья. Еще пара шагов, и они бы рухнули на зубчатые камни в сотне метров вниз. Мгновение он подумывал ринуться вперед и сделать эти шаги.

«Не думай, что убив себя, ты навредишь мне», — сказал Фитерус. — «Вспомни судьбу всадника на грифоне».

Фаваронас продолжил восхождение. Итак, Фитерус думал, что всадник на грифоне мертв? Ученый лучше знал ситуацию. После того, как маг рухнул без сознания, Фаваронас видел, как грифон недолго описывал круги, а затем направился на юг. Едва эта мысль посетила его разум, как он отогнал ее прочь, наполнив голову строфами особенно тупой силванестийской эпической поэмы. Соединенный с ним подобным образом, колдун мог читать его мысли. Нет смысла все раскрывать.

* * *

Пара конных эльфов ехала между чахлыми вязами и дубами, разбросанными по восточной половине долины. Они являлись частью расширенных патрулей Беседующего, отчаянно ищущих пропитание в бесплодной местности. До сих пор они ничего не нашли. Даже деревья были бесплодными. На дубах не росли желуди; вязы не разбрасывали по бризу крылатые семена. Учитывая странный климат Инас-Вакенти, было невозможно сказать, сколько лет могло быть этим деревьям. Двух с половиной метровые деревья могли быть как молодой порослью, так и взрослыми тысячелетними растениями, навечно скованными таинственным влиянием Инас-Вакенти.

Утро было все еще свежим, когда к Таранасу прискакали фланговые, сообщив о странной находке. Не источнике еды или воды, а об эльфе.

«Живой?» — спросил Таранас.

«Похоже, да. Но вам лучше самому взглянуть. Это будет проще, чем объяснить!»

Двое всадников повели его почти на милю к югу от исходного направления движения, к

поляне с тремя высокими каменными столбами. Еще четверо конных воинов стянулись к одному из монолитов, эльфы разглядывали что-то на земле. Таранас собрался было спешиться. Солдаты посоветовали ему не приближаться слишком близко. Посоветовав им не быть такими робкими, генерал слез и протолкался между двумя лошадьми. Он увидел самую странную из множества странных картин, свидетелем которых стал за последнее время.

У основания белого монолита возвышался холм сине-зеленого песка. В нем по самый рот был погребен эльф со смуглой кожей и коротко обрезанными темными волосами. Его глаза были прикрыты, словно у покойника, но ноздри, хоть и слабо, но трепетали. Он дышал.

Еще более поразительным было то, что земляную кучу облепили живые летучие мыши. Таранас едва мог поверить своим глазам — живые создания в Инас-Вакенти! Летучие мыши совсем не реагировали на приближение эльфов. Они так плотно облепили холм, что их крылья полностью закрывали поверхность кучи. Сидевший эльф был замурован от пальцев ног до губ. Летучие мыши покрывали лишь часть, освещенную восходящим солнцем. Пока он глазел, мимо его головы с писком пролетела еще одна летучая мышь и приземлилась у нижнего края живой массы. Вновь прибывший распростер крылья и расположился ровно там, где линия солнечного света начала сползать на погребенный торс эльфа.

«Осторожнее, сэр», — сказал один из воинов, нарушая оглушительную тишину. — «Песок живой».

Что-то скользнуло по поверхности сапог Таранаса, и он посмотрел вниз. Через его ноги, точно вода, переливались струйки бирюзовой земли. Выругавшись, он стряхнул ее и отступил назад. К счастью, ползучий песок не тянулся дальше чем на несколько метров от пойманного в ловушку эльфа.

Таранас подумал, что неизвестный эльф был кагонестийцем. Судя по его виду, он жил среди людей. Если они срочно его не освободят, песок полностью погребет несчастного. Присутствие летучих мышей было столь же необъяснимо, как и все остальное, но, если выкапывать парня, тем придется раздвинуться.

Он велел воинам приступать к работе. Для добычи фуража, у них с собой были лопаты с короткими ручками и пузырьки для сбора воды, которую они могли найти. Два всадника спешились и попробовали прогнать летучих мышей криками и взмахами лопат. Летучие мыши чирикали и пищали, но оставались на месте. Они взлетели, лишь когда Таранас ткнул между ними саблей. Как только они исчезли, песок, который они укрывали, прекратил волноваться и начал со слышимым скрипом твердеть. Там, где ее касалось солнце, струящаяся почва становилась твердой, как камень. Замурованный эльф едва слышно простонал. Затвердевавший песок выдавливал из него дух.

«Вытащите его!» — крикнул Таранас. — «Торопитесь!»

Затвердевший песок был точно стекло — очень твердый, но чрезвычайно хрупкий. Когда эльфы принялись рубить его лопатами, их резали летящие осколки, но они не останавливались. Прямо у них над головами кружила стая летучих мышей, создавая ужасный шум. Вскоре эльфы очистили от затвердевшего песка торс кагонестийца. Его грудь расширилась глубоким дрожащим вдохом. Летучие мыши тотчас рассеялись. Они в считанные секунды скрылись из вида.

Воины переключили свое внимание на стекло, удерживавшее его ноги. Освободив их, двое схватили его за руки, поднимая. Оживившее почву закливание было нарушено. Сине-зеленая земля спокойно лежала у них под ногами. На всякий случай, они отнесли незнакомца на несколько метров в сторону. Таранас плеснул воды на его пепельное лицо.

Кагонестиец резко очнулся. Вырвавшись из поддерживавших его рук, он откатился в сторону и мигом очутился на ногах. Раса эльфов была ловкой и проворной, но быстрое восстановление и необычайные рефлексy этого кагонестийца поразили всех без исключения.

Он не потянулся к оружию, лишь водрузил на нос затемненные очки. Разглядывая их сквозь желтые линзы, он сказал: «Вы не призраки!»

Таранас скрестил руки. — «Нет, друг мой, а ты почти уже был».

Ее сны были наполнены небом.

В ее ушах пел сильный бриз, играя на ее обнаженных руках и ногах. Это было одновременно и приятно, и весьма зябко. Она шла по узкой мощеной дороге из мрамора, окруженная со всех сторон открытым голубым небом. Ни один из концов пути не был виден; мрамор просто сливался с небом впереди и позади. По бокам поднимались каменные монументы, каждый из которых смутно напоминал эльфа. Она развлекалась, давая имена бесформенным блокам: Эльхана, хрупко стройная, сильная, как сталь; Самар, стоящий столь непоколебимо по стойке «смирно», что его спина могла сломаться от напряжения; Портиос, худой и костлявый, слегка отвернувшийся в сторону от дороги. Легкая фигура с широко раскинутыми руками могла быть только Гилтасом. А что насчет гномьей фигуры рядом с ним? Пока она изучала его, круглый блок шевельнулся, голова в форме яйца повернулась. У нее было ее лицо.

Кериан вздрогнула и проснулась. Ее по-прежнему окружало небо, но это уже был не сон. Холодный ветер обдувал ее лицо. Она сидела, склонившись к шее Орлиного Глаза. Под ее безвольно повисшими руками проносились пустоши Кхура, их бледно-коричневый цвет в свете звезд обрел серый оттенок. После заката она подтянула ремешки седла и позволила себе вздремнуть. Орлиный Глаз фыркал и мотал головой, чувствуя, что его всадница, наконец, проснулась.

Вокруг нее громоздились облака, бело-голубые в свете звезд. Облака не часто навещали Кхур, и она тотчас заволновалась, не сбился ли Орлиный Глаз с курса. Сверившись со звездами и горизонтом прямо по курсу и позади, она убедилась в этом. Без ее бдительной руки на поводьях, сильный встречный ветер толкал Орлиного Глаза слегка на восток, в сторону Кхурского залива, бухте в виде рога на западе Кхурманского моря. Облака объяснялись близостью к морю.

Кхури-Хан раскинулся вблизи от западного побережья залива. Она сняла поводья с луки седла и повернула Орлиного Глаза на юго-запад. Крылья грифона поднимались и опадали в плавном ритме. Повреждение глаза лишь ненадолго замедлило его. Он быстро приспособился, хотя продолжал беречь раненую сторону. Они должны были добраться до Кхури-Хана задолго до полуночи. Кериан была довольна. У нее не было времени на дипломатию или сражение. Она собиралась влететь в укутанный ночью город, отыскать Са'иду и снова как можно быстрее унести прочь.

Приближалось побережье, под левым крылом Орлиного Глаза запенились белым линии обрывов. Кериан следовала береговой черте, пока не возникла раскинувшаяся рукотворная гора, бывшая Кхури-Ханом. Гилтас восхищался чужеземной красотой этого города: построенными из природного камня приземистыми башнями и окружавшей его стеной, усиленными облицовкой из плит, глазурованных в кремовые тона или сочные изначальные оттенки. У него была тяга к экзотике, хоть он и вел аскетичный образ жизни. Со своей стороны, Кериан находила этот город безвкусным и грубым. Изящный храм Элир-Саны был единственным строением, которое она находила абсолютно привлекательным.

Ее взгляд привлек темный шрам, уродовавший землю к западу от города — все, что осталось от Кхуриноста, палаточного города, целых пять лет бывшего эльфийским домом. Сгоревший и полностью разоренный, рукотворный город теперь являлся лишь полем пепла,

четко выделявшимся на фоне бледного песка пустыни.

Она направила Орлиного Глаза вниз, в самый нижний слой облаков. Как можно дольше оставаясь под их прикрытием, она будет скрыта от наблюдателей с земли и от часовых на городской стене. Когда грифон с всадником появились из облаков, они были уже глубоко внутри городских укреплений.

Кхури ил Нор, «Дворец Заходящего Солнца», нахмурившись глядел на город с вершины своего искусственного холма. Рынки, известные как *сууки*, имевшие терракотовые мостовые, розовыми заплатками выделялись на фоне темного моря крыш. В этот час все было пустынно. Храм Элир-Саны светился, точно жемчужина на фоне угольного разреза. Его купол, десяти метров в диаметре, выполненный из цельного куска бледно-голубого мрамора, вне всяких сомнений, был чудом. Никто не знал, как далекие предки кхурцев ухитрились отполировать мрамор до толщины ногтя, а затем поднять и установить на место нежный купол. Дальше по церемониальной улице располагались остальные храмы кхурских богов. Остроконечные башни святилища свирепого пустынного божества Торгана напоминали поднятые копыта. Священное пламя колыхалось на верхушках башен нескольких храмов, но ни на одной из них не было видно людей.

Повинуясь ее приказу, Орлиный Глаз распротер свои широкие крылья и бесшумно заскользил, словно спускавшийся к своей добыче филин. Окружавшую храм Элир-Саны низкую стену украшали медные колокольчики. Задние лапы грифона пронеслись в сантиметрах от них, и он приземлился внутри ограждения храма. Керриан спешила, ее голова слегка кружилась от внезапного прекращения движения после такого длинного полета. Она согнула колени и выпрямила спину, счастливая снова оказаться на твердой земле. Керриан подвела Орлиного Глаза к небольшому водоему во внутреннем дворе и дала ему напиться. Когда он закончил, она покормила его запасами еды из одной из седельных сумок. Он поймал потрошеного кролика, что она кинула ему, и одним глотком жадно проглотил его. Она бросила ему еще одного, последнего. Это было изрядно мяса для голодавших в Инас-Вакенти эльфов, чтобы пожертвовать им, но ее миссия не должна была провалиться из-за того, что Орлиный Глаз будет голоден. Свои собственные спазмы она игнорировала.

Привязав грифона к столбу у водоема, Керриан направилась к входу в храм. Едва сделав шаг, она услышала шорох и заметила движение на одном зданий за стеной. Что-то промелькнуло и скрылось в темноте. Она долго смотрела в то место. Что это было — неверный муж, бродячая кошка или шпион? Не имея возможности разглядеть что-то еще, Керриан поспешила продолжить путь.

На двери храма не было молоточка. Вместо него, на дверном косяке висел элегантный медный колокольчик. Керриан позвонила в него один раз. Звук был приятным, но тихим. Едва она собралась позвонить еще раз, как дверь распахнулась внутрь. В проеме стояла молодая служительница, держа в руке толстую свечу.

«Кто звонит в такой неурочный час?» — проворчала она.

«У меня срочное дело к вашей святой госпоже. Пожалуйста, позволь мне войти».

«Святая госпожа в этот час никого не принимает...»

Керриан положила руку на грудь служительницы и решительно, но мягко, толкнула ее вглубь дверного проема.

«У меня нет времени на манеры. На кону жизни тысяч». — Не говоря уже о жизни ее храброго, но непутевого мужа. — «В противном случае я бы не вламывалась. Подними свою

госпожу, или я сделаю это сама».

Девушка молча пристально разглядывала ее. Львица оставила свой тяжелый плащ на седле Орлиного Глаза. Служительница видела облаченную в кожу татуированную кагонестийку, чьи короткие отливавшие золотом волосы беспорядочно торчали вокруг обветренного до кирпичного цвета лица. Несмотря на затемнявшую карие глаза усталость, девушка также читала в них решимость.

«Ну ладно». — Служительница ушла. Когда она большими шагами быстро удалялась, ее белый *геп* развевался вокруг лодыжек.

Оставшись в одиночестве, Кериан старалась сдерживать свое нетерпение. Может, Элир-Сана и была кхурским божеством, но Кериан не станет оскорблять ее дом, топая взад-вперед, как бы ее ни подмывало именно так и поступить. Единственным источником света в прихожей была еще одна короткая толстая свеча. Воздух был таким, каким его и запомнила Кериан — чистым и свежим, в отличие от насыщенной ладаном атмосферы большинства храмов — и она слышала приглушенное толстыми каменными стенами то усиливающееся, то затихающее пение. Как поздно бы ни было, храм Элир-Саны не спал.

Когда она положила руку на рукоять меча, ее посетила еще одна мысль: здесь не позволялось оружие. Она расстегнула пряжку портупей и обмотала ремень вокруг ножен. Ее стремление не задеть чьи-то чувства на этом и заканчивалось. Кериан сунула меч под мышку. Она не отдаст свой клинок.

Вошли четверо жриц. Старше открывшей дверь девушки, каждая держала деревянный посох толщиной с запястье. Хотя они опирались на посохи, словно на трости, Кериан не сомневалась, что этих жриц вызывали в тех случаях, когда храму требовалась защита. Четверка не произнесла ни слова, явно собираясь вечно стоять и глазеть на нее. Она едва сдерживалась. Если Са'ида не появится скоро, она обыщет каменный особняк комнату за комнатой.

«Незаконно приносить внутрь оружие».

Кериан тотчас узнала этот низкий, слегка хриплый голос. Са'ида, верховная жрица Элир-Саны, появилась из темноты в сопровождении молодой привратницы. Суровое выражение на лице святой госпожи сменилось изумлением, едва она увидела своего позднего посетителя.

«Леди Кериансерай?» — воскликнула она. — «Винея сказала, что вошла вооруженная эльфийка. Она не сказала, что это — вы!»

«Я не представилась».

Са'ида отпустила угрюмую четверку жриц. — «Вы удивили меня. Я бы не подумала, что увижу вас снова».

«Я сама удивляюсь, святая госпожа». — Кериан бросила выразительный взгляд на служительницу. Поняв намек, Са'ида отослала Винею.

Когда кагонестийская воительница и жрица встречались в последний раз, эльфы еще жили в палаточном поселении у городской стены. Гилтас отправил Кериан выяснить, что могла знать Са'ида, предводительница почтенных жриц Элир-Саны, о предположительно мифической Долине Голубых Песков. Во дворе храма на Кериан и ее спутника, Гитантаса Амброделя, напали кхурские убийцы. Сама Са'ида узнала в этих людях последователей секты Торгана; она опознала татуировки в виде кровавого стервятника у несостоявшихся наемных убийц.

Когда они остались наедине, Кериан сделала глубокий вдох и сказала: «Прошу

прощения за вторжение, но я прибыла с жизненно важной для моего народа миссией — просить тебя отправиться со мной в Долину Голубых Песков».

Предупреждая назревавший спор, она не дала жрице времени ответить, а немедленно пустилась в пояснения о призрачной сущности этой долины, как там не живут животные, и что тысячи эльфов медленно умирают от голода.

«Это грустная история, но я не фермер», — сказала Са'ида, когда Керриан, наконец, сделала паузу.

«Ты целительница, а многие больны. У тебя есть сила святой магии. Ты можешь изгнать духов, что не дают расцвести животной жизни». — Керриан сглотнула, борясь с эмоциями. — «И ты можешь спасти Беседующего с Солнцем и Звездами».

Она описала болезнь Гилтаса и пояснила, что эльфийские целители мало что могли сделать, кроме как отсрочить неизбежную победу людского недуга. Так как Беседующий, скорее всего, подхватил болезнь в Кхуриносте, разве не долг Са'иды помочь ему справиться с ней?

Жрица покачала головой. «Я вам сочувствую, леди, и, как всегда, восхищаюсь вашей храбростью, но я не могу так надолго покинуть священные пределы храма. Я дала клятву находиться здесь».

«Тебе нужно отсутствовать лишь несколько дней». — Керриан рассказала ей, что во дворе ждал Орлиный Глаз. Он быстро доставит их туда и обратно.

«Лететь!» — Са'ида побледнела. — «Люди не должны летать!»

Львица сухо с ней согласилась. — «Но в данном случае ты должна сделать исключение. Прошу тебя».

«Не могу», — ответила Са'ида, не без сожаления. — «Мне жаль».

Керриан продолжала настаивать, используя все аргументы, которые приготовила во время длинного полета на юг, неоднократно заверяя жрицу, что Орлиный Глаз вернет ее обратно в храм как можно раньше. Но Са'ида была непреклонна. Она пояснила, что ситуация в Кхури-Хане изменчива. Даже если ей не помешает ее клятва, ее отсутствие в такое время может дать толчок еще большему насилию. Она сочувствовала затруднительному положению эльфов. Она предложила приготовить для Беседующего особое лекарство, но не полетит с Львицей в запретную долину.

Их спор был нарушен какой-то суматохой снаружи. Зазвонил колокольчик, и служительница Винея направилась открыть дверь. Едва та распахнулась внутрь, с ней пришел поток пламени, охвативший девушку. Она с криком рухнула на пол. Широко раскинув руки, Са'ида выкрикнула короткое заклинание, и пламя погасло. Когда жрица позвала на помощь, снаружи послышались громкие голоса.

Керриан ринулась закрыть дверь, но обнаружила, что проем завален грудой пылающих обломков. За ними, подсвеченные пламенем, находились несколько людей. Они метнули в нее дротики с криками «*Лэддэд!* Отродье зла! Отдайте нам чужеземку, чтобы мы могли ее убить!»

Прибыли четыре жрицы-защитницы. Они вместе с Львицей навалились на тяжелую дверь, закрыли ее и заперли. Одна из стражниц, тяжело дыша, воскликнула: «Святая госпожа, это мужчины! Мужчины в священных пределах!»

«Не просто мужчины», — мрачно сказала Са'ида. — «Последователи Торгана!»

Она приказала запечатать храм. Керриан ожидала, что женщины разбегутся закрывать двери, но этого не произошло. Они остались на месте, каждая из женщин подняла стиснутые

руки к подбородку. Их губы шевелились в безмолвном заклинании. По храму эхом пронеслись отдаленные звуки захлопывающихся дверей. Строение было без окон и имело лишь несколько входов. Множественные стуки означали больше, чем просто закрытие физических проходов.

Когда шум стих, Са'ида набросилась на Кериан. — «Ты привела их сюда!» — обвинила она.

«Ни за что! Моя миссия секретна!»

«Больше это не является тайной. Должно быть, сыновья Торгана следили за домом богини».

Верховная жрица шепотом что-то сказала своим сторонницам. Женщины ушли. Повернувшись к Кериан, Са'ида сказала: «Со дней дракона это место не было так осквернено. Ты должна немедленно покинуть нас!»

«Каждый раз, когда я прихожу в это место, на меня нападают торганские фанатики!» — парировала Кериан. Стараясь сдерживаться, она добавила, — «За кого, ты думаешь, они сражаются, за своего бога или за своего казначея?»

Верховная жрица заботилась о храме и его обитателях, но Кериан была права. Обе они знали, что за многими кхурскими предположительно религиозными волнениями стояли неракские деньги.

«Мои извинения, леди Кериансерай. Вы не при чем», — сказала Са'ида. — «Вы должны уйти прежде, чем они прорвутся сквозь возведенные нами преграды. Не найдя вас здесь, они не осмелятся и дальше осквернять этот храм». — Имея в запасе некоторое время, священники Торгана могли справиться с защитными заклинаниями. Как и определенные ордены неракских рыцарей.

«Твой зверь во внутреннем дворе». — Кериан не спрашивала, откуда Са'ида это знала, но не сомневалась, что та права. — «Я заставлю их отступить, и ты сможешь добраться до него. Твоя судьба лежит в Молчаливой Долине, не здесь. Удачи тебе и твоему народу».

Кериан полагала, что мудрый воин сам кузнец своей удачи. Если Са'ида не пойдет добровольно, Кериан притащит ее всеми правдами или неправдами. Как только святая госпожа окажется в Инас-Вакенти, как только увидит их страдания, она поймет, как сильно они нуждаются, и простит ее поспешные действия. Львица достала меч, когда Са'ида повернулась к входу. Ей потребуется тщательно выбрать момент.

Кериан досчитала до трех, и Са'ида рывком открыла дверь. Храм был окружен стеной яркого голубого пламени. Во внутреннем дворе за этим защитным барьером затаилась банда кхурцев в масках, вооруженных дубинами и кинжалами. Когда появились женщины, кхурцы подняли крик.

«Не волнуйся», — сказала Са'ида. — «Мы можем пройти сквозь барьер, а они — нет».

Не успели эти слова сорваться с ее губ, как Кериан схватила ее за запястье и бросилась сквозь мерцающую голубую стену. Прежде, чем Са'ида успела перевести дух, они оказались уже на другой стороне.

Один из торганцев атаковал дубиной. Кериан высоко парировала, сделала мах под его поднятой рукой и пронзила ему грудь. Второй человек шагнул вперед, целясь кинжалом ей в живот. Мгновение спустя, его отделенная рука, все еще сжимавшая нож, уже лежала на земле. Потрясенные быстрой гибелью своих товарищей, кхурцы отступили, но последовали за женщинами, когда Кериан направилась к своему грифону.

Са'ида прошипела: «Ты знаешь, что не можешь заставить меня! Отпусти меня!»

«Мне жаль. В долине ты все поймешь».

Запястье жрицы, казалось, превратилось в дым. Вот его сжимала рука Львицы, а в следующий миг она уже высвободилась. Прежде, чем жрица успела убежать, сзади к ней подбежал торганец с занесенным кинжалом. Кериан сделала выпад, оттолкнув женщину с пути кинжала. Ее меч поразил кхурца в горло, но необходимость оттолкнуть Са'иду сбила ее прицел. Вместо того, чтобы нанести смертельный удар, она процарапала кровавую борозду поперек его шеи. В свою очередь, он направил острие своего оружия ей в плечо.

Ее рефлексy спасли ей жизнь, но кинжал пронзил правое плечо Кериан. Кериан нанесла косоy удар по своему противнику, и голова кхурца слетела с плеч.

Во внутреннем дворе толпились более двух дюжин торганцев. Судя по факелам за стеной, еще больше их собрались на улице. Должно быть, их шпионы призвали всех верных сынов Торгана в городе.

Са'ида потрясенно сидела на земле. С пореза у нее на лбу струилась кровь. Кериан рывком подняла ее на ноги.

«Идем со мной, если хочешь жить!»

Женщина была слишком ошеломлена, чтобы ответить. Кериан пронзительно свистнула, и ей ответил громкий и еще более пронзительный крик. Следуя на этот звук, Львица заметила Орлиного Глаза в дальнем конце внутреннего двора. У его лап истерзанные и истекавшие кровью лежали четверо идиотов торганцев, пытавшихся схватить его. Поймав взгляд Кериан, он встал на задние лапы и снова наполнил воздух криком. Он галопом направился к ней, неуклюжий на земле, но слишком грозный, чтобы быть остановленным.

Он подогнул передние лапы, чтобы позволить Кериан подняться на борт Са'иду.

Жрица выдавила слабое «нет, нет».

К ним стекались торганцы. Грифон, или не грифон, они знали, каким будет наказание, если они позволят бежать своей добычей. Перед носом у Кериан пронеслась стрела. Она намотала на кулак поводья, когда через ворота в стене вошла группа людей. Они не были кхурцами. На них были западные одежды. Один был высоким и седобородым. У других были арбалеты. Неракцы!

Внезапно лучники отвернулись, и Са'ида крикнула: «Глаза!»

Предупреждение опоздало. Внутренний двор заполнился ужасной вспышкой, и в Орлиного Глаза врезалась невидимая сила, сбивая на бок и сбрасывая на мостовую его седоков. Толпа кричащих торганцев поднялась, точно черная волна, и поглотила их. Ошеломленная, ослепленная вспышкой, Кериан почувствовала, как у нее выхватили меч. Ей на голову натянули грубый джутовый мешок, а руки стянули тугие узлы. На мешок посыпались удары, и бой был окончен.

* * *

Гитантас неподвижно лежал, прижавшись щекой к холодному полу туннеля. Его разбудил приглушенный стук, и он подумал, был ли тот реальным или еще одной галлюцинацией. Бродя по туннелям, он обнаружил в себе склонность ко всяческим фантазиям. Он слышал приближающиеся шаги, стук камней, шепот, даже лязг металла по металлу. Все оказалось ненастоящим.

Некоторое время он поддерживал непрерывное горение светового шара. Каждый раз,

когда тот гас, Гитантас ударял по нему, чтобы вновь зажечь свет, но, в результате, каждый раз свечение становилось все слабее и слабее. Неизбежно, он, в конце концов, слишком сильно ударил по шару, и внешняя оболочка треснула. Какой бы неуловимый дух не содержался в нем, он вытек, струйка едва светящегося фиолетового дыма упорхнула по туннелю. Когда он скрылся, вновь сомкнулась тьма.

К тому времени Гитантасу было все равно. Шатание по бесконечной темноте высасывало его рассудок и его решительность. Когда-то ему хотелось есть и пить. Эти естественные потребности притупились. Он больше не удивлялся своей странной неспособностью видеть в этой темноте. Само время потеряло смысл. Гитантас понятия не имел, как долго находился здесь. Возможно, выхода, который он искал, и не было. Возможно, он умер, и еще не понял этого. Не так ли возникли привидения из долины? Не был ли он просто еще одним из этих духов, обреченных вечно бродить в этой темноте?

Еще один стук вызвал вибрацию камня под щекой, и отогнал прочь его отчаяние. Это не было галлюцинацией! Это было на самом деле!

Он торопливо двинулся по проходу, ища источник этого звука. Друг или враг, не имело значения. Гитантас больше не мог оставаться один в этом ужасном месте.

До его ушей донесся голос. Тот говорил на его языке! Он крикнул: «Эй! Эй, вы меня слышите?»

После долгого мгновения разрывающей сердце тишины, один из голосов ответил: «Кто это сказал? Где ты?»

Он назвал свое имя и должность. Последовал еще один промежуток тишины; затем другой голос произнес: «Это Беседующий. Как ты докажешь, что ты — Гитантас Амбродель?»

Мысль о том, что его суверен может также быть потерян в этих туннелях, не умалила чувство облегчения Гитантаса. Он так был рад не остаться одному, что едва не расплакался. Он назвал своих отца и мать, обрисовал свою службу в Квалиности и Кхуре и упомянул, каким образом оказался перенесенным в туннели огоньками Инас-Вакенти, и как был разбужен голосом Львицы.

«Где вы, Великий Беседующий?» — спросил он.

«Далеко». — Ответ пришел после долгой паузы.

Гитантас не поверил. Беседующий должен был быть рядом, так как они могли разговаривать. — «Сир, я иду к вам!» — крикнул он.

Он побежал. Каждые две дюжины шагов он снова звал Беседующего, заверяя Гилтаса, что он идет. Споткнувшись об усеивавший пол туннеля мусор, Гитантас поднялся и, не замедляя шага, ринулся дальше. Беседующий звал его, но он бежал, сломя голову, пока не упал в третий раз, и не услышал, как Беседующий сказал: «Осторожно! Я на поверхности, не под землей, и, боюсь, могу быть в нескольких милях от тебя».

Это казалось нелепым. Гитантас слышал, что горцы переговаривались через широкие долины с помощью эхо, но, несомненно, здесь было другое. Он не слышал эхо, лишь была странная задержка перед ответами Беседующего. Тем не менее, он принял во внимание слова Беседующего, и замедлил шаг, пытаясь осмотреться по сторонам и более внимательно выбирать путь.

«Где вы, сир?»

«На широкой каменной платформе в центре долины», — некоторые слова потерялись, — «Где ты?»

Опечаленный Гитантас пояснил, что не знал точно, где находился, но полагал, что в одном из туннелей под долиной.

Ведя беседу, они установили, что сейчас каждый мог слышать другого лучше, чем когда они только начинали. Похоже, Гитантас сокращал расстояние между ними. Молодой воин начал про себя считать шаги. Он насчитал пять тысяч, когда Гилтас снова заговорил, и его голос звучал намного ближе. На самом деле, Гитантас слышал, как стучали зубы его суверена.

«Воздух над этим диском и в самом деле холодный», — подтвердил Беседующий. — «Слишком холодный, чтобы быть естественным».

«Как дела у нашего народа?» — спросил Гитантас, присев на минуту отдохнуть.

«Держимся», — ответил Гилтас. Запасы еды быстро сокращались. Портиос, Эльхана и большинство воинов отбыли в Квалинести, а леди Кериансерай улетела, чтобы привести Са'иду помочь сдерживать призраков и блуждающие огоньки. Гитантас знал святую госпожу. Она помогла им с Планчетом, когда они были пойманы в Кхури-Хане после введенного ханом комендантского часа. Если бы не ее вмешательство, они были бы убиты кровожадными торганцами.

Когда Беседующий сказал Гитантасу, что тот отсутствовал уже больше недели, воин изумленно покачал головой. Не удивительно, что он чувствовал себя выжатым.

Беседующий заверил его, что с его грифоном все в порядке, хотя тот и тоскует по своему всаднику. В одном месте долины эльфы обнаружили огромную каменную платформу. Стоя в ее центре, можно было слышать все происходящее в Инас-Вакенти. Гилтас экспериментировал с этим эффектом, когда услышал, как Гитантас зовет на помощь. Он спросил, что воин обнаружил в туннелях.

«Ничего, кроме костей», — Гитантас пояснил, как обнаружение тела одного из воинов леди Кериансерай, наряду со слоем на слое высохших костей животных, привели его к заключению, что все живое, захваченное блуждающими огоньками, переносилось в эти туннели, чтобы умереть.

«Наберись храбрости, капитан», — сказал Гилтас. — «Мы вытащим тебя».

Гитантас брел вперед. Спустя какое-то время, он доложил: «Сир, я обнаружил тело».

Труп принадлежал другому эльфийскому воину, хотя Гитантас не мог опознать его в кромешной темноте. Мертвый эльф лежал лицом вверх с кинжалом в горле. Первой ужасной мыслью Гитантаса было убийство, но затем его рука наткнулась на ножны воина. Те были пусты. Клинок в горле эльфа, скорее всего, принадлежал ему же.

Гитантас, запинаясь, описал свою находку. Беседующий был потрясен, что воин мог сдаться в поисках спасения.

«Может, он был тяжело ранен, прежде чем его перенесли в этот туннель?» — предположил Гилтас.

Гитантас проверил тело, но обнаружил лишь одну рану. Но, в отличие от своего короля, молодой капитан понимал, как мог погибнуть этот эльф. Без придавшего ему сил голоса суверена, Гитантас и сам мог поддаться отчаянию.

В поясной сумке мертвого эльфа он нашел корку хлеба. Она рассыпалась в пыль у него во рту, но Гитантас все равно с трудом проглотил ее. Шевельнувшись, он наткнулся рукой на что-то твердое и острое. Характерная форма и ощущение подсказали ему, что это был кусок кремня. Возможно, заблудившийся воин пытался разжечь огонь, и выронил камень. Дезориентированный темнотой, он не смог найти его, и сдался, хотя камень лежал всего

лишь в нескольких шагах.

Надергав полоски из плаща мертвого эльфа, Гитантас ударил кремнием по застёжке кинжала. На трут посыпались яркие оранжевые искры. Он осторожно прикрывал их, пока не ожило пламя. Его триумф быстро сменился горечью. Едва слабый свет выхватил из темноты черты лица мертвого эльфа, он узнал Уллиана, совсем недолго находившегося на службе у Беседующего. Гитантас был одним из немногих, знавших о людской крови в его роду, и Уллиан был верным товарищем.

Беседующий поздравил его с приобретением света. Отбросив грусть, Гитантас порвал на полосы плащ Уллиана, а затем обмотал ими конец меча, чтобы смастерить факел. Туннели образовывали лабиринт, но, насколько он понимал, у него был шанс найти выход. Гитантас ничего не мог сделать для своих потерявшихся товарищей. Все, что он мог сделать — попытаться выжить.

Свет факела принес свежее открытие. Настенная роспись вокруг него прыгала и танцевала в мерцающем свете. Он описал Беседующему фрески. Обе стены покрывали прекрасные сцены садов и парков. Рисунки были выполнены с удивительным мастерством, придавшим им необычайное ощущение глубины. Цвета были такими яркими, что могли быть нанесены лишь днем ранее. Единственными неприятными нотками были портреты худых угловатых эльфов, выполненные в натуральную величину, вкрапленные в спокойные лесные сцены. Эльфы злобно хмурились на наблюдателя.

Беседующий выдвинул теорию, что рисунки были сделаны когда-то обитавшим в этой долине народом. Тем самым, чьи призраки все еще посещают ее.

С помощью самодельного факела, Гитантас вскоре обнаружил ответвлявшийся вправо туннель. Дойдя до перекрестка, он остановился, колеблясь, каким путем двигаться дальше. Туннели выглядели идентичными.

«На этом перекрестке есть портреты?» — спросил Беседующий. Гитантас ответил утвердительно. — «Они обращены лицом в каком-то определенном направлении?»

Гитантас покорно изучил портреты. Находившиеся в его исходном туннеле смотрели в сторону перекрестка. Находившиеся в ответвлявшемся туннеле смотрели *прочь* от перекрестка. Эта новость взволновала Беседующего.

«Тебе следует свернуть в новый туннель! Мне кажется, эти рисунки обращены лицом к чему-то важному, вроде выхода».

Не имея лучшей альтернативы, Гитантас поступил так, как предложил Беседующий. После того, как так долго был лишен общества, молодой капитан чувствовал себя чудесным образом посвежевшим, и практически непрерывно болтал, пока шел. Беседующий молча слушал, время от времени давая наводящие вопросы. Гитантас сообщил, что слой мусора на полу стал тоньше. Все меньше и меньше обломков костей хрустели под его сапогами. Затем он увидел кое-что более стоящее доклада.

«Сир, туннель впереди спускается вниз. И возле пола клубится белый туман».

Его голос приобрел глухость, словно он говорил из большой пустой комнаты. Беседующий спросил о фресках. Они пропали. Фрески закончились, когда туннель приобрел уклон вниз.

Он искал выход на поверхность, а не проход, что поведет его глубже вниз. Тем не менее, туннель затем может выровняться и начать подниматься. Гитантас сказал Беседующему, что проведет разведку впереди. Если проход продолжит опускаться через сотню шагов, он вернется назад.

Стены туннеля были из гладкого серого камня, неукрашенного какими-либо рисунками. Белый туман наполнял проход от стены до стены. Сперва клубившийся у лодыжек Гитантаса, он сгущался по мере продвижения, пока не добрался до его груди. Он был холодный и липкий, и необычайно плотный. Гитантас провел рукой сквозь него, и туман скорее заколыхался, как вода, чем разлетелся, как дымка. Становилось все холоднее. Одежда Гитантаса пропиталась влагой и обвисла. Вода каплями стекала ему с волос на спину. Дойдя до следующего разветвления туннеля, он остановился. Перекресток был очень широким, не менее семи метров в поперечнике. Гитантаса переполняло чувство тревоги. Он не видел ничего подозрительного, но ощущал поблизости опасность.

Гилтас велел ему возвращаться, но Гитантас достал кинжал и медленно двинулся вперед. Его осторожность была не напрасной. Носок его левого сапога внезапно вместо твердого камня наткнулся на открытый воздух.

В полу была огромная дыра, шириной почти в весь туннель. Он бросил в отверстие обломок кости. Его острый слух не услышал, как осколок стукнулся о дно.

Едва он развернулся, чтобы уйти, воздух вокруг него содрогнулся раз, другой. Громкий рокот прокатился по проходу.

Беседующий тоже хорошо его услышал, и потребовал объяснить, что происходит. Гитантас сказал ему, что подул ветер. Туман начал втягиваться в отверстие. Тяга была сильной. Она ворошила длинные волосы Гитантаса и высасывала влагу из его одежды. Едва весь туман исчез, ветер стих.

«Я вижу в отверстии свет!» — воскликнул Гитантас. Глубоко внутри было бледно-белое свечение. Оно показало ему гладко отполированные и лишённые украшений стены шахты.

Когда прошла минута без других происшествий, Гитантас развернулся и двинулся обратно к перекрестку.

Он понятия не имел, что могло находиться в этой глубокой дыре, но пока шел, у него в голове возник еще более тягостный вопрос. Напор воздуха наводил на мысль, что туннели были где-то не запечатаны. Когда это произошло прошлый раз, он услышал голос Беседующего. Кто знал, что скрывалось в туннелях?

Обласканные мягким светом десятка тысяч звезд, каменные свитки размякли, один за другим раскрываясь, словно экзотические цветы. Никогда прежде Фаваронас не раскладывал их все сразу. Вышколенный библиотекарь никогда не открывал книги, которые знал, что у него не будет времени прочесть, потому что даже самый тонкий пергамент неизбежно трескается при использовании. Эти свитки были еще тоньше других, несмотря на свое каменное обличье. У него не было возможности узнать, сколько раз эти камни могли размягчаться, открываться, и снова твердеть. Злоупотребление могло их уничтожить. Но Фитеруса не волновали такие тонкости. Он приказал поместить все цилиндры туда, где свет звезд мог совершить над ними свое волшебство.

Им оказалось не по силам за день подняться к Лестнице. Они находились все еще в нескольких сотнях метров по прямой от своей цели, когда Фаваронас рухнул. Так как рука колдуна по-прежнему была соединена с рукой Фаваронаса, Фитерус упал вместе с ним. Измождение архивариуса не было уловкой; он не мог дальше сделать и шага, не отдохнув. Еда и вода поддерживали бы его, но Фитерус ничего не предложил. Колдун разорвал их искусственную связь. Когда Фаваронас погрузился в сон, он был благодарен этому маленькому блаженству.

Проснувшись с наступлением ночи, Фаваронас обнаружил, что поведение колдуна сильно изменилось. Избавившись от Сахим-Хановского охотника за головами, уничтожив (как он полагал) эльфийского всадника на грифоне и добравшись до Лестницы Дальнего Видения, Фитерус стал более расслабленным, даже где-то открытым. Когда он попросил Фаваронаса почитать свитки, его голос звучал намного менее надменно, чем обычно. Фаваронас набрался мужества спросить, со всем почтением, почему Фитерус не прочтет их сам.

«Их смысл сокрыт от моих глаз очень старой и мощной защитой».

Отложив эту частичку знания, Фаваронас опустил на колени для изучения свитков. Фитерус запретил разводить огонь — ни к чему привлекать потенциально недружественное внимание — но наложил на Фаваронаса подсвечивающее заклинание, чтобы в воздухе стало достаточно светло для чтения.

Как и опасался архивариус, случайным образом подобранные цилиндры относились к разным хроникам. Ни один из них не являлся продолжением другого. В дополнение к тому, что он уже анализировал, во втором содержались записи о попытках коренных обитателей противостоять заточившим их силам. Он носил загадочное название «Десять Тысяч и Один», и чрезвычайно заинтересовал Фитеруса.

Свиток начался с середины. Обитатели долины пользовались многими методами, чтобы ловить и уничтожать патрулировавшие долину огоньки. Эти огоньки по-разному упоминались, как «ночные смотрители», «сторожа» и «бодрствующие». Множество их было поймано в сети и прочие ловушки, но это ни на что не влияло. Сколько бы не ловили блуждающих огоньков, в следующую ночь их видели не меньше. Двое жителей долины, Стабо и Мексас, были вовлечены в долгий спор о природе своих тюремщиков. Стабо утверждал, что каждую ночь создавались новые огоньки, так что пленение их было бессмысленным. Мексас считал, что их количество было фиксированным, просто не все являлись одновременно. Если поймать достаточное их число, то всего их станет меньше.

Когда стало ясно, что Фаваронас собирается подробно остановиться на многоречивом пересказе разногласий между Стабо и Мексасом, Фитерус велел, — «Избавь меня от этих бездарей», — и Фаваронас пролистал вперед.

Согласно свитку, огоньки рано или поздно хватали любого, вошедшего в Инас-Вакенти; жители обладали к ним иммунитетом, если только не пытались сбежать. Затем заметили, что исчезли животные. Звери не пытались бежать, тем не менее их число неуклонно сокращалось. Столкнувшись с угрозой голода, заключенные (как начал думать о них Фаваронас) попытались прорыть наружу туннели. Они выкопали мили проходов под синезеленой почвой, но огоньки и там тоже нашли их.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На этом свиток заканчивался. Терзаемый любопытством, Фаваронас спросил: «Так они умерли?»

«Со временем. Они не могли вечно питаться плотью друг друга».

Фаваронас отвернулся, пораженный так буднично открытым Фитерусом ужасом. Архивариус безмолвно оплакивал свою глупость, что вернулся в это место. Он находился в безопасности в компании Глантона и его воинов, за пределами зловещего влияния долины, и он отказался от этой безопасности ради надежды на могущество. Если он умудрится выжить, то покается перед Беседующим в своих преступлениях и будет молить о прощении. Какое бы его ни ждало наказание, Фаваронас примет его с радостью.

Последний свиток содержал самый короткий из трех текст — строфы стиха. Когда Фаваронас начал несовершенный перевод, колдун удивил его, полностью процитировав строки. Голова в капюшоне задралась к звездному небу, и Фитерус принялся декламировать:

*Солнца глаз потемнел. Не любит его ни одна из лун
Звезды спят, не внемля ночи. Пока
Отец, держа в длани ключ и стоя пред Дверью,
Не прочел Святой Ключ.
С Лестницы Дальнего Видения, под черным глазом солнца
Дверь отворилась. Вырвался свет
Сжигая все, истребляя все, убивая все
Раскрывая цветок, сокрушая яйцо
Вытягивая семя из пашни.
Раз сломан Святой Ключ.*

В эльфийском варианте, каждая строка имела одно и то же число слогов, что делало стихи по стандартам силванестийской поэзии довольно нескладными. Фаваронас прокомментировал их низкое качество.

Фитерус гортанно рассмеялся. — «Может, и не лучший образчик поэзии, но превосходное пророчество, эльфийское отродье».

С этими словами, он встал и велел Фаваронасу тоже подниматься. Архивариус намеревался аккуратно скрутить для транспортировки все еще мягкие свитки, но едва его пальцы коснулись одного, тот рассыпался. Трещина и постреливая, точно тающие пластины льда, все свитки распались на осколки, которые крошились все сильнее и сильнее, пока не осталась лишь тонкая белая пыль. Архивариус повернул потрясенное лицо к своему тюремщику, но Фитерус лишь пожал плечами.

«Мне не следовало произносить вслух эти слова. Теперь это имеет мало значения. Игра практически окончена».

Подсвечивающее заклинание прекратило свое действие, и Фитерус потянулся к Фаваронасу.

Отпрянув от его прикосновения, Фаваронас поспешил вверх по склону горы так быстро, как только мог.

Покрытая галькой почва хрустела у них под ногами, затрудняя продвижение. На более твердых участках земли Фаваронас замечал отчетливые отпечатки ног Фитеруса — широкие, но короткие, лишь с тремя толстыми пальцами. Клиновидные оттиски впереди каждого отпечатка пальца были оставлены его напоминавшими когти ногтями. Когда он мельком увидел ногу колдуна во время перехода через долину, то заметил четыре пальца. Теперь их было лишь три. Похоже, колдун терял эльфийскую внешность, возможно, возвращаясь к своему первоначальному виду, и понимание этого лишь сильнее подпитывало страх Фаваронаса к своему тюремщику. Никто не мог сказать, что за существом на самом деле мог оказаться Фитерус.

Они добрались до ровного участка, и Фитерус остановился. Фаваронас тотчас рухнул, решив передохнуть, сколько ему позволят. Оглядевшись по сторонам, он понял, что это был не узкий уступ, а большое открытое пространство. Было тяжело разглядеть что-либо еще. Его глаза так устали, что он никак не мог сфокусировать их в темноте. Фитерус положил конец его безмолвным размышлениям.

«Лестница Дальнего Видения», — объявил колдун. — «Здесь начинается конец твоей расы».

* * *

Британ с Джералундом взяли многообещающий след. Двое — судя по размеру и форме отпечатков их ног, эльфы — направлялись на восток, в высокие горы. Заинтересовавшись, почему двое эльфов находились, без поддержки и пешком, так далеко от своего лагеря, Британ решила проследить за ними. После дня выслеживания, они с сержантом заметили свою добычу на гребне горы. Один был эльфом средних лет, столь изможденным, что шел зигзагами, точно пьяница. Другой был полностью закутан в плотные складки рваной рясы с капюшоном.

«Пугало!»

Джералунд согласился со сделанной шепотом оценкой Британ. Кому еще понадобилось бы утруждать себя столь в высшей степени неудобной маскировкой в этом безжизненном месте?

Рыцарь с сержантом крайне осторожно преследовали свою жертву. Для ее особенного арбалета расстояние было слишком велико, так что Британ приходилось заставлять себя быть терпеливой. Ее цель не уйдет. У Пугала должна была быть основательная причина находиться здесь, возможно, он направлялся на тайную встречу с другими эльфами-повстанцами.

С наступлением ночи, лагерь их жертвы осветился бледно-зеленоватым светом. Британ, взобравшись на несколько десятков метров выше сержанта, гадала, не было ли это каким-то сигналом, но не смогла разглядеть каких-либо ответных вспышек с окрестных пиков, так что

продолжила подъем.

Не прошло и минуты, как она заметила свет, слабое рассеянное свечение на окружающих ее камнях. Британ обернулась посмотреть назад. Вверх по склону с значительной скоростью несся рой маленьких светящихся шаров. Они с Джералундом издали видели похожие огни с тех пор, как вошли в долину. Британ считала, что это лампы патрульных эльфов, но приближавшиеся к ним огни опровергали эту теорию. Каждый представлял собой зеленый, красный, голубой или желтый летающий огненный шар.

Они, издавая шипящий звук, пронеслись над головой. Британ зарядила арбалет тяжелым болтом и поднесла прицел к глазу. Огоньки были маленькими, но такими яркими, что их было легко разглядеть. Она выстрелила. Черный болт не промахнулся. Золотистый огонек упал на землю. Она направилась за своим призом.

Огонек стал гораздо тусклее, и Британ была уверена, что ранила его, чем бы он ни был. Подойдя поближе, она поняла, что на самом деле он не лежал на земле, а парил над ней в нескольких сантиметрах. Едва она заметила это, тусклый свет внезапно ярко вспыхнул и прыгнул с земли прямо ей в лицо. Опрокинувшись на спину, она, выронив арбалет, покатила вниз по склону, пока, наконец, не врезалась в чахлый куст можжевельника. Маленькая золотистая сфера, ярко светясь, проплыла прямо над головой.

Джералунд тоже не преуспел против этих огоньков. Когда они приблизились, он вытащил меч и принялся их рубить, а они уклонялись и металась вокруг него. Единственным результатом оказалась усталость. Вспотев, несмотря на холодный ночной воздух, он опустил клинок и застыл, тяжело дыша. К удивлению, огоньки тоже остановились. Он решил, что те реагировали на его движение. Когда он сражался, они роились. Когда он спокойно стоял, они затихли.

Двигаясь медленно и осторожно, он убрал меч в ножны. Одинокий оранжевый огонек покинул висевший над ним рой и бросился прямо ему в лицо. Реакция Джералунда последовала незамедлительно, и привела к неудачному результату. Он махнул рукой, чтобы отбить огонек. Едва он коснулся огненного шара, они оба исчезли в белой вспышке. Мгновение спустя, по склону горы эхом прокатился глухой гул. Остальные огоньки потухли.

Британ высвободилась из куста. Она нашла свой арбалет, не пострадавший при падении, что нельзя было сказать о ней самой. По ощущениям, она сломала ребро. Морщась от боли, она вовремя подняла взгляд, чтобы увидеть, как свет поглотил Джералунда. Британ дохромала до места, где тот раньше находился, но сержант исчез.

Эхо гула стихло. В ночи воцарилась неестественная тишина. Бросив последний тщетный взгляд по сторонам, Британ взвалила на плечо арбалет и возобновила погоню.

* * *

«Тяни! Приподнимай! Аккуратнее, аккуратнее!»

Сложив руки лодочкой ко рту, Хамарамис подбадривал тянувших за рычаги и веревки сотни эльфов, старавшихся опрокинуть гигантский каменный блок. Хамарамис выбрал один из наименее крупных камней в пределах эльфийского лагеря, но наименее крупный не означало маленький. Блок был шести метров в высоту, трех метров в ширину, и изрядных двух метров в толщину. Было несложно закрепить крюки на его верхушке. В отличие от попыток сдвинуть массивный блок.

Беседующий вернулся из продолжительного пребывания в центре таинственной платформы, и тотчас приказал Хамарамису свалить один из монолитов. Генерал всегда хотел опрокинуть какой-нибудь блок, чтобы укрепить защитную стену. Когда Беседующий объяснил, зачем он хочет сдвинуть камень, Хамарамис стал опасаться, что болезнь, поразившая тело Беседующего, начала оказывать влияние и на его разум.

«Там, на платформе, я разговаривал с Гитантасом Амброделем!»

С осторожностью потакающего помрачившемуся рассудком, Хамарамис ответил: «С его призраком, сир?»

Гилтас отмахнулся. — «Он жив, генерал, но заблудился в лабиринте туннелей под долиной. Я собираюсь проникнуть туда и найти его».

Беседующий настоял, чтобы об этом больше никому не рассказывали. Хамарамис понимал это требование секретности. Из того, о чем сообщил Гитантас, следовало, что остальные пропавшие эльфы, скорее всего, были мертвы, но, если распространятся новости о том, что Гитантас выжил, скорбящие члены семей соберутся толпой в этом месте, и помешают работе. Желание старого генерала укрепить их оборонительные сооружения будет хорошим прикрытием.

Хамарамис потребовал больше рук на веревки. Толпа зевак присоединилась, хватаясь за любое свободное место. Генерал отправил добровольца на верхушку камня, чтобы убедиться, что все веревки тянутся одинаково. Позади блока, эльфы орудовали рычагами, сделанными из чахлах деревьев долины. Они насыпали под рычаги землю, чтобы увеличить их подъемную способность.

«Еще раз. Поднимай!»

Веревки туго натянулись. Эльфы напрягались и стонали, истекая потом. Блок наклонился на несколько сантиметров вперед, проминая дерн перед собой, но никакие усилия не могли сдвинуть его дальше. Наконец, Хамарамис отдал команду остановиться. Эльфы побросали веревки и принялись потирать ноющие конечности. Старый генерал отправился посоветоваться с Беседующим.

Неестественный холод на круглой платформе ухудшил состояние Гилтаса, и первоначальная конструкция паланкина была изменена. Вместо того, чтобы сидеть прямо, Беседующий полностью откинулся назад, подложив подушки под голову и плечи, и обложившись многочисленными накидками и плащами, чтобы согреться.

«Ничего хорошего, сир», — заявил Хамарамис. — «Должно быть, он вкопан на два или три метра. Мы не сдвинем его таким образом».

Гилтас удивленно покачал головой. Должно быть, исконные жители, тщедушные и немногочисленные, воспользовались магией, чтобы воздвигнуть тысячи массивных каменных блоков. К сожалению, среди нынешних обитателей Инас-Вакенти магия была в дефиците.

Наступил и закончился закат. Хамарамис предложил сделать перерыв на ночь. Гилтас согласился. Он отпустил добровольцев и дал разрешение разобрать рычаги на дрова. Закрыв глаза, он долгую минуту тихо лежал.

«Удивительно, не правда ли?» — наконец, пробормотал он.

«Что, сир?» — спросил Хамарамис.

«Какой пустой ощущается эта долина без леди Керриансерай».

«И спокойной», — подумал старый генерал, но просто согласился со своим королем.

Пока растекались добровольцы, несколько юношей сняли закрепленные на вершине

камня веревки. Гилтас, наблюдавший за их ловким подъемом, завистливо вздохнул и попытался сесть. Хамарамис запротестовал, говоря Беседующему, что тот перенапрягается. Гилтас поднял руку, призывая к тишине. Лишь очень немногим дозволялось ругать его, с какими бы то ни было добрыми намерениями: одной была его жена, другим был Планчет.

Внимание Гилтаса привлек вспучившийся перед камнем дёрн. Он перегнулся через край паланкина, чтобы поближе рассмотреть, и для поддержки оперся рукой о глыбу.

Монолит покачнулся.

Эльфы на вершине блока протестующе закричали, подумав, что это Хамарамис пытается опрокинуть его.

«Это не мы!» — крикнул он в ответ, предположив, что они каким-то образом нарушили равновесие камня. — «Немедленно слезайте!»

С шумом, словно от гигантского водопада, камень продолжал крениться вперед, даже когда эльфы сползли вниз. Встревоженные носильщики взяли за шесты паланкина и от греха подальше унесли Беседующего. Едва его рука оторвалась от камня, движение прекратилось. Монолит замер на месте, наклонившись наполовину до земли.

Хамарамис уставился на своего короля. — «Великий Беседующий, у меня есть идея», — сказал он, и попросил Гилтаса приблизиться и снова коснуться камня.

Лицо Гилтаса озарилось пониманием. — «Ты думаешь, я это сделал?»

«Пожалуйста, сир».

Это было смехотворно. У Гилтаса не были стальных рук, наделенных сверхъестественной силой. В последнее время его легкие были так переполнены кровью, что он едва мог сделать десяток шагов, не задыхаясь. Чувствуя себя глупо, Гилтас велел носильщикам отнести себя обратно к наклоненному блоку, и надавил ладонью на камень. Тот немедленно сдвинулся с места. Он испуганно отдернул руку, и движение прекратилось. Он перевел взгляд с руки на камень, не веря своим глазам. Сдвинуть огромный монолит потребовало не больше усилий, чем открыть одну из тщательно сбалансированных дверей во дворце Квалиноста.

«Всем отойти», — велел он охрипшим голосом. Хамарамис с носильщиками отступили назад. Он положил руку на камень и слегка толкнул.

Монолит пришел в движение, словно не имел веса.

Шестиметровый блок тяжело рухнул лицевой стороной вниз. Его выдернутое из земли основание подняло в воздух облако земли. Повсюду послышались радостные крики. Все еще сидя в своем паланкине, Гилтас наклонился к упавшей плите, его плечи и голова были щедро осыпаны землей, а на лице было очень озадаченное выражение.

На том месте, где стоял монолит, зияла глубокая дыра. Хамарамис подошел к краю и заглянул внутрь. Яма была темной, глубокой и холодной. Пальцы тумана кольцами обвивали сапоги старого генерала. Он вслух подумал, под каждым ли каменным столбом скрывается вход в туннель. Один из носильщиков Беседующего задал другой вопрос: «Зачем обитателям Инас-Вакенти такие тяжелые двери?»

Первейшей заботой Хамарамиса была защита лагеря. Если все камни можно было легко двигать с помощью Беседующего, то их можно было бы использовать для создания более прочного периметра. С другой стороны, не было благоразумным открыть так много входов в туннели. Внизу могли подстергать не меньшие опасности, чем недружелюбные призраки или блуждающие огоньки наверху.

«Не волнуйтесь, генерал», — непринужденно сказал Гилтас. — «Когда мы закончим

исследовать этот туннель, я просто верну камень на место». — Носильщики с генералом изумленно уставились на него, и Беседующий рассмеялся.

Хамарамис вызвал воинов сторожить вход. Гилтас сказал генералу, что хочет, чтобы туннели начали исследовать без промедления.

«Ночью, сир?»

«Там всегда ночь».

Его логика была безупречной. Хамарамис быстро организовал эльфов соорудить конструкцию, чтобы опустить в отверстие исследователей. Вызвали искусных мастеров по дереву и изготовлению канатов. Зажгли еще факелы.

Пока продвигалась эта работа, Беседующий послал за писцом, чтобы нарисовать план туннелей. Посланный за добровольцем воин вернулся один. Писцы явно не испытывали энтузиазма к данной задаче.

Хамарамис обругал воина, что тот не выполнил приказ Беседующего. — «Я приведу писца, сир — если понадобится, на кончике меча», — прорычал старый генерал.

Гилтас остановил его. Он не хотел заставлять кого-либо рисковать собой. Хотел бы он сам войти в этот туннель. Когда-то он вполне преуспел с чернильной кисточкой. Но, конечно же, подобные приключения сейчас ему были не под силу.

Он решил направить вниз только воинов, когда из лагеря появился бежавший изо всех сил молодой эльф. Поймав их взгляд, вновь прибывший резко замедлился. Несмотря на испачканные чернилами пальцы и короткую прическу писца, вновь прибывший оказался очень молодым, и, к тому же — девушкой. Она быстро поклонилась Беседующему, Хамарамису, и даже Трусанару, только что прибывшему со своими помощниками.

«Великий Беседующий, я — Виксона Диламбро, ученик писца. Я явилась в ответ на Ваш призыв», — задыхаясь, сказала она.

«Ты — дитя!» — воскликнул Хамарамис.

«Я давала клятву писца». — Это означало, что ей было по меньшей мере восемьдесят, хотя она выглядела гораздо моложе.

Гилтас спросил: «Почему ты хочешь идти?»

«Чтобы служить вам, сир». — Он внимательно смотрел на нее, и она выпалила, — «И чтобы показать этим старым пням, что я так же хороша, как они!»

Он понимал. Его старшие писцы были из того поколения, что не пускало женщин в свою профессию. В Квалиности этот запрет на профессию был давным-давно отменен, но мало кому из женщин хватало мотивации противостоять упрямым стариканам, весьма ревностно охранявшим традиции писцов. Клятва писца в благоразумии, честности и точности была не простым звуком. Наказание за нарушение любой части кодекса было суровым, и еще большим — ущерб чести. За всю свою жизнь Гилтас знал меньше дюжины женщин-писцов.

Что-то в Виксоне тронуло Гилтаса. Возможно, ее отдаленное сходство с Керриан — она была блондинкой, но у нее было такое же как у его жены сердцевидное лицо. А скорее всего, Виксона вызвала в его памяти упрямство Керриан.

«Прекрасный пыл, юная леди. Не подведите меня».

«Не подведу, Великий Беседующий. Я не подведу!»

Хамарамис довольно кисло спросил ее, умеет ли та обращаться с оружием.

«Я сражалась против людей в пустыне».

Как и каждый эльф в долине. — «Есть у тебя какие-то навыки обращения с оружием?»

Ей пришлось признаться, что нет, но явное неодобрение генерала не могло охладить ее энтузиазм.

Исследовательскую партию должен был вести Хамарамис, и он выбрал в сопровождение трех воинов. У каждого должно было быть по два факела, один горящий, и второй про запас. В туннеле больше бы пригодились лампы, но все масло реквизировали в качестве еды. Они должны были быть вооружены только мечами, никаких луков. Генерал попытался навязать Виксоне запасной клинок, но она запротестовала, так как уже была нагружена пергаментом, чернильницей и кисточками. Он вопросительно посмотрел на Беседующего. Гилтас сделал знак убрать запасной клинок. — «Пусть берет, что хочет», — сказал он.

Наблюдая за приготовлениями, Гилтас съел принесенную Трусанаром крошечную порцию еды. Сильванестийский целитель глубоко тронул своего короля. Прибыв на рабочую площадку с обычной дозой неприятного на вкус лекарства, он также принес сюрприз: маленький горшочек *кефра*.

Гилтас пристрастился к этому кхурскому напитку во время изгнания у стен пустынной столицы. Целитель обнаружил *кефр* вместе с белым глиняным горшочком и крошечной соответствующей чашей, из которой его традиционно пили, среди багажа Беседующего, куда он был тщательно упакован Планчетом перед походом сквозь пустыню. Трусанар надеялся, что напиток поможет пробудить пропавший аппетит его короля.

Бережно держа чашу в тощих руках, Гилтас глубоко вдохнул. Его обволок резкий аромат *кефра*, а разум наполнился мыслями о потерянном друге и отсутствующей жене.

Над ямой медленно вырастала конструкция.

Когда Кериан пришла в сознание, ее волокли по узкому переулку, пальцы ее ног бились о торчащие булыжники. Ей хватило ума не сопротивляться, вместо этого воспользовавшись возможностью оценить ситуацию.

Двое мужчин держали ее под руки. По ногам ей шлепали ее пустые ножны, но она чувствовала, что спрятанный на спине потайной нож все еще на месте. Предплечье, где его порезал кинжал торганца, пульсировало. Рана была замотана грубой повязкой, и кровотечение прекратилось. От ее пленителей несло дымом костра, козлятиной и кислым молоком, запахи, обычно ассоциировавшиеся скорее с кочевниками, чем с городскими жителями Кхура.

Незаметно приподняв голову, она бросила беглый взгляд вперед. Пара кхурцев несли находившуюся без сознания Са'иду. Их сопровождали еще несколько мужчин. Лица кхурцев были скрыты шарфами и низко натянутыми широкополыми шляпами. Продвижение безмолвной процессии можно было отследить по катящемуся впереди нее звуку захлопывавшихся ставней и дверей. Местные научились исчезать, когда Сыны Торгана выходили на улицу.

Сперва она подумала, что они направляются к Храму Торгана, но окрестности сказали ей другое. Это не был Храмовый Путь, вдоль которого располагались важные святилища Кхури-Хана. Храмовый Путь представлял собой широкий мощный проспект. А это была полутемная убогая улочка с высокими домами из обожженной глины. Эти здания наводили на мысль об Арембеге, южном районе города, лабиринте тесных улочек и переулков, лишенном площадей и сууков. Арембег был отличным местом для головорезов, укрывавшихся от солдат хана и его легиона информаторов.

Схватившие ее остановились у ничем не примечательной двери в тупиковом переулке. Один из торганцев поднял свою дубинку и выстучал по двери некую последовательность. Узкая дверь приоткрылась внутрь на несколько сантиметров.

«Они у нас», — сказал торганец, и голос внутри велел им войти.

Комната была широкой. Меблировка — скудной. Традиционные короткие трехногие кхурские стулья с единственным шестом в качестве опоры для спины. Са'иду усадили на один из них, связав руки за спиной. Один из державших руки Кериан торганцев проворчал насчет неудачи, которая постигнет тех, кто плохо обращается со святой женщиной.

Подобные сомнения не терзали их в отношении Кериан. Они не побеспокоились насчет стула, а просто швырнули ее на грязный пол, лицом вниз. Коснувшись пола, она ухитрилась сделать так, чтобы ее левая рука безвольно упала на нижнюю часть спины.

«Что со зверем?» — спросил голос. Его акцент не принадлежал коренному жителю Кхура, а голос звучал громко в комнате с низким потолком.

«Он был слишком свирепым. У нас не было подходящего оружия. Он убил двоих моих людей, и подрал еще четверых. Мы набросили на него сеть и оставили там».

Кериан беззвучно возликовала. Орлиный Глаз был жив.

«Инструменты готовы?» — спросил вожак.

Кериан услышала звон металла и ворчливое замечание, что железо скоро будет достаточно горячим. Она не сомневалась, для кого были эти «инструменты», и каково было их предназначение. Сквозь щелочку век она наблюдала, как торганцы расхаживали туда-

сюда подле жаровни с раскаленными углями.

«Милорд, вы были правы, что следили за храмом», — сказал один из кхурцев. — «Откуда вы знали, что *лэддэд* вернется туда?»

«Я не знал. Но я давно подозревал, что Са'ида предатель. Меня не удивляет, что эльфы оставались с ней на связи. Она была их союзником, когда те находились здесь. Даже теперь она работает над разрушением вашего народа и ваших богов».

Ответы кхурцев сказали Кериан, что всякая щепетильность в отношении того, что они схватили жрицу, быстро угасала. Один из мужчин спросил, как следовало поступить с женщиной *лэддэд*. — «Сомневаюсь, что мы добьемся чего-либо от нее», — хладнокровно произнес чужеземец. — «Возможно, если она увидит, что придется вынести жрице, у нее появится больше желания поделиться своими знаниями».

Кхурцы занялись омерзительными предположениями на тему собственной стойкости Кериан перед лицом боли. Их злобный хохот придал ей решимости действовать. Когда достаточно из них отвернутся, она покажет им, что такое настоящая стойкость.

Чужеземец сделал резкий выговор. — «Почему эльфийка не связана?» — спросил он. Торганцы рассмеялись над его беспокойством. Они изрядно поколотили ее. Она не скоро очнется.

«Идиоты. Вы понятия не имеете, с кем имеете дело». — Он приказал ближайшему человеку связать Кериан руки и лодыжки.

Обмотанные тряпками сандалии парня направились к ней. Он нагнулся, чтобы взять ее безвольную руку. Используя его тело, чтобы скрыть движение, она вытащила свой потайной нож и погрузила в грудь человека. Тот открыл рот и рухнул на колени. Кериан зажала клинок в зубах и катапультировалась на руках и коленях. Она толкнула умиравшего человека в следующего ближайшего головореза. Прежде, чем тот успел среагировать, она уже была на ногах. Блеснул нож. Второй торганец рухнул на первого с перерезанным горлом.

Тусклое освещение комнаты не позволяло людям точно понять, что она сделала. Не поняв, что она вооружена, они решили, что та просто делает отчаянную попытку одолеть намного превосходящего противника. Лишь их чужеземного хозяина встревожило ее внезапное пробуждение. Кериан в первый раз увидела его. Тот сидел на краю длинного стола в дальнем конце комнаты. Его лицо освещала стоявшая перед ним на столе лампа. Кериан никогда не видела его прежде, но в нем легко можно было узнать неракца. Он был пожилым, лысым, с густыми темными бровями. Его тонкий плащ ничуть не скрывал доспехи и украшенную драгоценными камнями шпагу. Все это она заметила за один беглый взгляд, прежде чем тот выкрутил фитиль лампы.

«Вы что, не обыскали ее?» — рявкнул он.

Торганцы подняли дубинки и двинулись вперед. Кериан пригнулась. Она полоснула третьего кхурца поперек груди. Тот выпустил свое оружие и отшатнулся, обильно истекая кровью. Подобрав его дубинку, она парировала град ударов и снова бросилась в атаку. Еще один торганец вскрикнул, когда ее нож выпустил ему кишки, и остальные попятились назад.

Она не дала им времени собраться и швырнула дубинку в источник света. Неракец, думая, что этот удар предназначался ему, резко отпрянул. Твердая деревяшка ударила медную лампу, опрокидывая ее на пол. Масло вытекло, и по растекающемуся пятну заплясали крошечные язычки синего пламени.

«Убейте ее!» — проревел неракец. — «Чего вы ждете? Убейте ее немедленно!»

Сыновья Торгана пытались. Они были грубыми и подготовленными бойцами,

привыкшими к уличным дракам, но им было не справиться с Львицей. В комнату с ней вошли восемь кхурцев. Спустя несколько минут после того, как неракец приказал убить ее, лишь трое оставались на ногах. Тем временем, горящее масло растеклось вокруг ножки стола и зажгло ее. Замерцали слабые оранжевые языки пламени, придавая всей сцене нелепый искаженный вид.

Один из кхурцев нанес страшный удар по плечам Кериан. Она крутанулась, заставляя его отступить колющими ударами ножа, но получила подлый удар в бедро с другой стороны. Нанесший удар кхурец получил за свое безрассудство глубокий порез предплечья.

Комната наполнялась дымом. Длинный стол горел, и пламя перекинулось на пыльную драпировку стен. Неракец бежал. Тяжело кашляя, его торганские наймиты, которые еще могли двигаться, также бежали с поля боя.

Са'ида все еще лежала в кресле без сознания. Кериан перерезала веревки и понесла ее к двери. Там было идеальное место для засады, но неракец и кхурцы исчезли. Кериан задержалась у входа в узкий переулок.

Тот был пустым и темным, и чуть шире того переулка, в котором она стояла. Отсюда пожар еще не был виден, но из-под карниза сочился дым. Двухэтажное здание было покинутым. Крыша отсутствовала, и в окнах без ставней было видно небо за ними. Никто не заметит пожар, пока тот не затронет окрестные строения.

Вес жрицы оттягивал ее израненные руки. Она перекинула находившуюся без сознания женщину на другое плечо. Сделав глубокий вдох, Кериан покинула густую тень переулка и поспешила прочь от дома. Она молилась, чтобы ее не преследовал звук шагов бегущих торганцев.

Выбранный ею маршрут вел на север, в сторону, противоположную той, с которой ее принесли. Ей сопутствовала удача, пока она двигалась вверх по холму вдоль ряда домов с наглухо закрытыми ставнями. Кериан несколько раз останавливалась, чтобы послушать, нет ли погони, но за исключением лая собак, в квартале было тихо.

Узкие улочки Арембега наконец сменились широкими улицами. Кериан шла медленно, ей препятствовали находившаяся без сознания жрица, и ее собственные раны. Ей несколько раз пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание. Каждый раз она пыталась разбудить Са'иду, но женщина не приходила в себя. Кериан мечтала о фонтане с водой, чтобы привести жрицу в чувство, но в Кхури-Хане было мало общественных источников воды.

После казавшейся бесконечной прогулки она вышла к маленькому сууку. Полдюжины *сукатов* только начинали располагаться для дневной торговли. Едва они поняли, что эльфийка просит воды не для себя, а для потерявшей сознание жрицы Элир-Саны, немедленно принесли бутылку воды. Са'ида заслуживала высочайшего уважения, и *сукаты* явно склонялись к тому, чтобы считать Кериан виновной в ее нынешнем состоянии. Львица не побеспокоилась просветить их. Насколько она знала, некоторые из них были последователями Торгана. Она налила воды в сложенную ладошкой руку и плеснула Са'иде на лицо, раз за разом побуждая жрицу очнуться.

Веки Са'иды затрепетали и открылись. Она резко села, потрясенно вскрикнув.

«Успокойтесь, Святая Госпожа. Вы в безопасности». — Сказала Кериан, поднимая взгляд на окруживших их *сукатов*. Ни у кого из них не читалось на лице особо доброго выражения. — «Много чего произошло, и нам не следует оставаться здесь».

Са'ида предложила Кериан воды. Владелец бутылки был недоволен, но когда Са'ида поблагодарила его за великодушие, он не потребовал вернуть ее. В горле Кериан было сухо,

как в пустыне. Она жадно пила.

Когда Са'ида в достаточной мере пришла в себя, она благословила *сукатов* именем Элир-Саны, и две женщины покинули маленькую площадь. По различным деталям окружения Са'ида решила, что они находились более чем в двух милях от Храма Элир-Саны.

Кериан начала рассказывать о событиях, которые произошли, пока Са'ида находилась без сознания. Она не далеко продвинулась в своем повествовании прежде, чем зазвучал звон бронзовых гонгов. Столб дыма поднимался из района Арембег позади них. Его основание было окрашено красными языками пламени. Гонги созывали трудоспособных кхурцев на борьбу с огнем. Кериан поторопила жрицу ускорить шаг и закончила повествование о их пленении и бегстве. Са'ида подтвердила то, что подозревала Кериан: в Арембеге не было храма торганцев.

Дым больше не был одиноким столбом, а стал широкой завесой. Пожар распространялся. Са'ида жалела бедных людей, которые потеряют свои дома. Кериан не была такой великодушной. Это были те же самые люди, которые заперли свои двери на засовы и не сделали ничего, когда торганцы волокли двоих пленников, один из которых был святой жрицей, по их улице.

«Может, наши нападавшие и поклоняются богу пустыни, но получают свою плату из Нераки», — сказала Кериан. Она описала лысого мужчину, которого видела в пустом доме.

«Лорд Кондортал!» — воскликнула Са'ида.

Она узнала в нем официального эмиссара Ордена в Кхуре, в ранге посла.

Кериан не была удивлена. Куда бы ни шли Темные Рыцари, их всегда сопровождали заговоры и насилие. Она описала приготовленную Кондорталом для них жаровню с железом для клеймения.

«Как он смел!» — Обычно спокойное лицо жрицы вспыхнуло гневом. — «Когда Сахим-Хан узнает о этом богохульстве, он снимет чужеземцу голову с плеч!»

«Успокойтесь. Это все — часть игры. Я прежде сталкивалась с ему подобными».

«Нельзя сносить такие оскорбления!» — Настаивала Са'ида.

«В самом деле? Это учение вашей божественной целительницы или кредо Торганана?»

Са'ида пристыженно запнулась посреди своей диатрибы. Ее шаг стал неровным, и она положила руку на стену дома, чтобы обрести равновесие. Она была немолодой женщиной. Ее длинные волосы были спутаны. Многие из ленточек с вплетенными в них крошечными колокольчиками были потеряны. Ее белое платье было порвано и испачкалось. Когда их сбросили с Орлиного Глаза, она испытала сильный удар, и ощутимый синяк украсил ее лоб над левым глазом.

Восстанавливая самообладание, она извинилась за свою вспышку, и они продолжили идти. Уже спокойнее, Са'ида поблагодарила Кериан за спасение.

Кериан спросила: «Кстати, что сбросило нас с Орлиного Глаза и так надолго вырубил вас?»

«Могущественное заклинание».

«Кондортал не похож на заклинателя», — Кериан задумалась. — «У поклоняющихся Торгану есть подобная магия?»

Са'ида воскликнула: «У них нет! Должно быть, в нашем храме был неракский колдун!»

Эта возможность сильно расстроила ее. Ее все сильнее и сильнее волновала идея, что в ее городе чужеземец практикует запрещенную магию. Кериан утешила ее, предположив, что неракец со своими наймитами охотились не на Са'иду. Они в любой момент могли нанести

удар про Храму Элир-Саны. Но напали лишь тогда, когда увидели прибытие Кериан. Вероятно, у наемников Кондортала был приказ схватить любого эльфа, который покажется в Кхури-Хане.

«Им просто не повезло, что показавшимся эльфом была ты», — пробормотала Са'ида.

Когда они добрались до Храма Элир-Саны, Са'ида была изумлена, увидев растянувшихся по проспекту всадников хана в доспехах. Они окружали храм с голубым куполом словно стена сверкающей стали. Кериан хотелось ускользнуть незамеченной, но с Са'иды было достаточно прятаться. Грязная, уставшая и раненая, жрица ворвалась на площадь. Опасаясь нового предательства, эльфийка неохотно последовала за ней.

«Марак Мали, это ты? Что здесь происходит?» — спросила Са'ида.

Командир отряда, красивый молодой человек с элегантными усами, отвел взгляд от строя всадников. Потрясение отразилось на его лице.

«Святая Госпожа, вы в порядке! Хвала богине!»

Получив заверения, что Са'ида и в самом деле цела, он пояснил, что хан послал его и его людей охранять храм от будущих нападений. Ночные события не прошли незамеченными. В отличие от запуганных обитателей Арембега, жившие возле храма не закрыли глаза. Они побежали поднять по тревоге городской гарнизон. Сахим-Хан приказал отряду своих элитных всадников защитить древний храм и сокрушить торганцев, если те осмелятся показаться.

«Старый негодяй верно поступил!»

Капитан Мали предпочел пропустить мимо ушей неуважительную ремарку жрицы. Его взгляд упал на стоявшую рядом Кериан, и он спросил святую госпожу, кто это.

Кериан собиралась назвать свое имя, но Са'ида быстро ответила: «Посланник от хана *лэддэд*. Она пришла повидаться со мной».

Мали кивнул. Он знал, что здесь был *лэддэд*, увидев привязанного во дворе храма грифона. Как верный кхурец, он со своими солдатами не осквернил своим присутствием территорию храма.

«Неправильно принимать чужеземных эмиссаров без одобрения Хана, святейшая», — осторожно прокомментировал он.

«Я ведь не ждала ее», — с сарказмом ответила жрица. — «И едва я успела поприветствовать ее, как в дом богини хлынули безумные торганцы! Они уволокли нас в Арембег, но мы ухитрились бежать».

Он бросил взгляд на юг на поднимающийся в предрассветном небе черный дым. — «Да, я вижу, любимица богини».

Са'ида поблагодарила его за труды и двинулась прочь. — «Мне нужно подготовиться», — прояснила она. — «Полагаю, вы будете здесь весь день?»

«Мы останемся, пока Великий Хан не отзовет нас». — Подняв брови, он спросил, — «Подготовиться к чему, святейшая?»

«Я решила отправиться в путешествие».

Львица возликовала, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Не следовало простому гонцу испускать торжествующий крик. Вместо этого, она, подражая величавому уходу жрицы, последовала за Са'идой между рядами всадников к воротам. Жрица аккуратно закрыла за ними ворота.

Са'ида успела сделать лишь несколько шагов, когда двери храма распахнулись. Жрицы и прислужницы вывалили наружу, многие в слезах. Они окружили Са'иду, громко декламируя

свое облегчение, хвалу богине за ее безопасное возвращение, и причитая о ее кровоподтеках и помятом виде. С некоторым усилием, Са'ида восстановила порядок. Одну из прислужниц отправили принести мази и чистые повязки для раненой руки Львицы. Других распустили вернуться к их обязанностям.

Как только девушки оказались внутри храма и вне слышимости, Са'ида обратилась к жрицам. — «Благодаря милости богини — и смекалке находящейся здесь Сосиры — я вернулась к вам. Я отправляюсь вместе с Сосирой, чтобы помочь хану *лэддэд*. Приготовьте мой багаж к десятидневному путешествию, и положите инструменты для сложного лечения».

Приведенные в замешательство, жрицы послушно убыли. Кериан с Са'идой последовали за ними внутрь, пока Са'ида перевязывала ей раненую руку. Кериан спросила ее, почему та передумала.

«Старая поговорка гласит: 'Враг моего врага — мой друг'. Темный Орден и его торганские приспешники чересчур осмелели. Сахим-Хан нанесет им ответный удар, но пришло время сделать что-то и мне самой».

«И помогая нам, вы можете отвлечь неракцев от Кхура».

«Это так, но», — карие глаза Са'иды пристально смотрели на нее, — «У вашего Беседующего великая душа. Этому миру не хватает таких, как он. Его нужно спасти».

Возможно из-за усталости от долгого путешествия или внезапного избавления от напряжения после схватки с торганскими фанатиками, но облегчение Кериан было столь сильным, что она почувствовала, как слезы подступили к глазам. Она обвила руками шею женщины, и крепко обняла ее.

«Ох, леди, помните, кто мы», — сказала жрица, но ласково похлопала Кериан по плечу.

Отступив назад, Кериан прочистила горло и приняла напускной строгий вид. — «Как ты там назвала меня — Сосирой?»

Улыбка тронула губы жрицы. — «На нашем языке это означает 'Львица'».

Наступил рассвет, вечно безоблачное небо над Кхури-Ханом сменило цвет с кобальтового на лазурный с быстротой, по-прежнему удивлявшей Кериан. Пока Са'ида встречалась со своими старшими жрицами, которые будут присматривать за делами храма в ее отсутствие, Кериан направилась повидать Орлиного Глаза. Тот спал в дальнем углу двора, все еще прикованный к земле тяжелой рыболовной сетью. Почувствовал ее приближение, он проснулся. Она успокаивающе заговорила с ним, чтобы он не начал бороться с сетью и не ранил себя. Едва освободившись, он потянулся всеми конечностями, наполнил свою громадную грудь воздухом и издал крик во все горло. Многие из солдат на посту снаружи стены были бесцеремонно сброшены на землю, когда их кони стали на дыбы и попятиться. Кериан едва сдерживала смех.

За исключением поверхностных царапин и все еще ослепшего левого глаза, Орлиный Глаз выглядел в превосходной форме. Она отвела его к тому же маленькому пруду, из которого он пил по их прибытию. Пока он утолял жажду, из храма вышли четыре прислужницы. Они несли корзины и медный поднос.

«Еда для вас и вашего зверя», — сказала старшая из девушек. — «Мазь для глаза животного».

Кериан собиралась взять корзины с едой для Орлиного Глаза, но служительницы прошли мимо нее. Без малейшей опаски девушки поставили корзины прямо перед грифоном. Он наблюдал за ними с высоко поднятой свирепой головой, а затем принялся хватать куски

мяса, поглощая каждый серией больших глотков.

Кериан ела более прилично, хотя ненамного. Она жадно поела третий персик (Кхури-Хан славился своими золотыми персиками), когда одна из служительниц приблизилась к грифону со слепой стороны. В руках у не был кувшин с мазью. Кериан предупредила ее не подходить слишком близко. Служительница открыла кувшин с мазью и начала петь.

Кхурский напев был непритязательным, детской песенкой о поранившейся маленькой девочке, которой накладывали повязку. К изумлению Кериан, Орлиный Глаз позволил девушке смазать свою рану. Он даже опустил пернатую голову, чтобы ей было удобнее добраться до глаза.

«Я никогда прежде не видела, чтобы он позволял человеку так приближаться», — сказала Кериан.

«Все существа испытывают боль», — ответила девушка. — «И все существа понимают доброту».

К тому времени, как солнце вышло из-за строений и ярко осветило голубой купол храма, Са'ида была готова. Вся община Элир-Саны собралась на улице, чтобы увидеть ее отбытие. Кериан волновалась, что та попытается взять слишком много тяжелого багажа, но эти страхи оказались беспочвенными. Святая госпожа несла лишь две скромного размера тряпичные сумки.

Кериан закрепила сиденье позади седла и пристегнула к сбруе запасной ремень. Закрепив сумки женщины, она сложила ладошкой руки, чтобы помочь жрице забраться.

«Я не такая немощная», — нахмурившись, сказала Са'ида.

«Ублажите меня, Святая Госпожа. Я бы не хотела, чтобы вы сломали ногу еще до того, как мы отправимся в путь».

Жрица сделала одолжение, поставив ногу в руки Кериан и позволив эльфийке поднять ее. Орлиный Глаз повернул гибкую шею, чтобы оценить нового пассажира. Ее лицо слегка побледнело от его близкого пристального внимания, но она не отшатнулась, лишь вежливо пожелала ему доброго утра и поблагодарила за то, что несет ее на своей спине. Моргнув, он повернулся к Кериан, и она с трудом не испортила смехом величавое приветствие Са'иды.

Крепко пристегнув Са'иду, Кериан вскочила в седло и взяла поводья. Она обратилась к скоплению встревоженных женщин.

«Жизнью клянусь вам всем, я буду охранять Святую Госпожу Са'иду, и верну ее вам в целостности и сохранности».

«Мира и доброго здоровья!» — произнесла Са'ида, и женщины принялись прощаться.

Из-за увеличившегося веса, Орлиному Глазу потребовался дополнительный разбег, чтобы взмыть в воздух. Са'ида крепко обхватила Кериан вокруг талии, пока они поднимались ввысь, но, когда грифон выровнялся, она расслабилась.

«Как далеко до Долины Голубых Песков?» — крикнула она против ветра.

«Мы должны добраться до нее за несколько часов до полуночи», — прокричала в ответ Кериан.

Опасаясь еще одной магической атаки, Кериан не дала Орлиному Глазу, как обычно, набрать высоту кругами. Она направила его в крутой подъем прямо на север от Кхури-Хана. Са'ида смотрела вниз, пристально разглядывая удаляющуюся землю. Обеспокоенная Кериан спросила, в порядке ли та. Жрица подняла сияющее лицо.

«Это восхитительно!»

С воздуха город выглядел необычно плоским, подумала Са'ида, словно нарисованная

опытным картографом картина. На юге дым все еще окутывал квартал Арембег, но пламени она не видела. Должно быть, с пожаром справились. Она все еще волновалась о пострадавших и лишившихся жилья из-за пожара, но вина за эти несчастья лежала непосредственно на лорде Кондортале. Ее внимание привлек дворец, словно топаз сверкавший на вершине холма. Интересно, хорошо ли спал прошлой ночью Сахим-Хан, подумала она. Когда он получил письмо, которое она отправила ему этим утром, она не сомневалась, что он надолго лишился покоя.

* * *

Конструкция была на месте. Вращаемый восемью эльфами ворот был установлен на твердой земле поблизости от ямы. Ворот тянул веревку, которая должна была опустить исследователей в отверстие, а затем поднять их обратно. На конце веревки болтался бронзовый крюк. Первым спустится Хамарамис. Он подгонял под себя веревочную сбрую. На всякий случай, поблизости стоял отряд пеших воинов.

Виксона сидела на краю опрокинутого монолита, держась в стороне, пока ее не позовут. Ее внимание скользнуло к далеким деревьям. Там собралась привычная толпа молчаливых духов, наблюдавших за нарушителями их владений.

«Должно быть, я привыкла к привидениям. Сегодня они не выглядят такими пугающими», — прокомментировала она.

«Тогда сходи туда и поприветствуй их», — сказал Хамарамис, пристегивая бронзовый крюк к своей сбруе.

Виксона фыркнула. Похоже, она раздражала не только писцов, но и генерала. Писцов она могла понять. Им не нравилось, что секреты их мужского ремесла открывались женщине. Недовольство генерала Хамарамиса она не могла понять. Она не узурпировала какие-либо из его прав или привилегий, лишь тренировала свое тяжело доставшееся мастерство.

«Ты готов?» — спросил Гилтас. Хамарамис кивнул и подошел к дыре, волоча за собой тяжелую веревку.

Лебедка со скрипом провернулась. Хамарамис поднялся, его ноги повисли над черным отверстием. Он крепче сжал факел и кивнул.

«Опускай!»

Виксона покинула свой насест. Обняв одной рукой конструкцию для опоры, она наклонилась, чтобы следить за спуском генерала. Веревка была помечена каждые десять метров мазками белой краски. Он опустился на три отметки, тридцать метров, а затем веревка ослабла.

«Он на дне!» — крикнула она.

Хамарамис дернул веревку, подавая сигнал, что освобожден от сбруи. Ее вытянули вверх, и каждый из трех воинов по очереди спустился вниз. Виксона должна была идти последней.

«Удачи», — улыбаясь, произнес Беседующий.

Она смущаясь поблагодарила его. Ей казалось странным, что именно он проявил доброту. Беседующий являлся главой всех писцов, но не похоже было, чтобы он хоть немного был сердит на нее. Возможно, имея в женах Львицу, он привык к компетентным

женщинам.

Так как ей нужны были обе свободные руки, чтобы делать записи и рисунки, у нее не было факела. Слепой спуск сквозь чернильную тьму не был приятным. Скрип медленно вращавшейся веревки лишь добавлял зловещего ощущения. Виксона поглядела вниз между ног. Двигавшиеся огоньки означали, что воины уже исследовали туннель при помощи своих факелов. Виксона надеялась, что кто-нибудь будет ожидать ее, когда она достигнет дна.

Ее ноги коснулись твердой поверхности, но, не успев напрячь колени, Виксона растянулась на спине. Она быстро освободилась от сбруи, и обеими руками дернула за веревку, давая понять, что она на месте.

Появился горящий факел. Он осветил лицо генерала Хамарамиса. — «Ты в порядке?»

Девушка встала, морщась от жесткого приземления. — «В порядке, благодарю вас».

Он оттянул сбрую в сторону и оставил ее на полу, по-прежнему прикрепленной к крюку. Виксона изучала окружающее пространство.

Они находились в круглой комнате с единственным ведущим прочь туннелем. Виксона отметила, что этот туннель вел прямо на запад.

«Откуда ты знаешь его направление?» — спросил Хамарамис.

Она пояснила, что подъемный механизм был установлен с четырьмя опорами, выровненными по сторонам света. Отметки на веревке были сделаны с южной стороны. За время ее спуска веревка сделала шесть полных оборотов. Исходя из нынешнего положения отметок, туннель должен был вести строго на запад.

«Ты все это заметила?»

Она моргнула, удивляясь его удивлению. — «Это мой долг замечать», — просто ответила девушка.

Крик из туннеля заставил Хамарамиса выгащить меч и побежать к устью прохода. — «Держись за мной», — предупредил он. Виксона заверила его, что не горит желанием быть первой.

Они догнали троих воинов через тридцать пять метров. Виксона вслух прикинула расстояние, отчасти чтобы отвлечься от тяжело бьющегося сердца.

Воины стояли у поперечного туннеля (по словам Виксоны, шедшего с северо-востока на юго-запад). Они заметили одиночную фигуру, метнувшуюся сквозь отверстие при их приближении. Сперва захотев ринуться в погоню, они передумали и подняли тревогу.

«Правильное решение», — сказал Хамарамис. — «Слишком рискованно преследовать неизвестного. Он мог оказаться призраком».

Во время этого обмена Виксона быстро что-то писала. Она притянула факел Хамарамиса ближе к своей странице, чтобы лучше видеть, что записывает. Пламя колыхалось и потрескивало. Здесь был сквозняк, и он шел не из шахты, через которую они вошли, а из поперечного туннеля.

«Что вы думаете об этих рисунках?» — взхлеб спросила она.

Прежде чем поставить себя в неудобное положение, сказав «каких рисунках?», Хамарамис увидел их. Стены были покрыты фресками, выполненными в блеклых тонах. На стене перед ними был изображен отряд эльфийских воинов на грифонах и лошадях.

«Это Балиф», — сказала Виксона. Воины, поглощенные поиском в темноте признаков опасности, не обратили на нее внимания, но Хамарамис сделал ей знак продолжать. — «На этой картине изображен Балиф, ведущий армии Сильваноса Золотоглазого на поле Хайберии».

Она не спросила, знал ли он детали этой истории, а просто пустилась в пояснения. Некоторые кланы в западных провинциях Сильванести отказались признать Сильваносу своим сюзереном. Небольшие отряды воинов были направлены исполнить волю Беседующего, но один за другим попали в засады и были уничтожены. Беседующий Сильванос послал лорда Балифа с королевской армией подавить мятеж. Балиф разбил смутьянов. На лесной поляне, прозванной Хайберией, непокорные западные эльфы дали клятву верности вассала Беседующему со Звездами. Это сражение стало одним из величайших триумфов Балифа.

Очевидно, последующие поколения позабыли это. Хамарамис явно был поражен. — «Ты имеешь в виду, эльф дрался с эльфом?»

Она кивнула. — «Сотни погибли. В результате, западный лес был поделен на военные округа, каждый со своим собственным гарнизоном. Общество Коричневых Капюшонов, которое, как полагал Беседующий, стояло за восстанием, было безжалостно подавлено».

«Коричневые Капюшоны?»

«Лига сельских священников и диких магов. Самым знаменитым из Коричневых Капюшонов был Ведведсика».

К этому времени все воины уже слушали. Они смотрели на молодого писца с новым уважением.

«Откуда ты все это знаешь?» — спросил Хамарамис.

«Я — писец. Я читаю».

Сквозняк усилился, заставляя воинов заслонять факелы своими телами. Хамарамис обдумывал их следующий маршрут. Юго-западное крыло поперечного туннеля уведет их под лес, прочь от лагеря. Северо-восточное вело прямо к круглой каменной платформе. Хамарамис подумал, что, возможно, если система туннелей имеет центр, скорее всего его можно обнаружить под этой огромной платформой, главной характерной чертой долины.

Они колонной направились на северо-восток, бриз дул им в спины. Впереди шел Хамарамис, за ним двое воинов, затем Виксона и, наконец, замыкавший воин. Виксона продолжала считать шаги, измеряя длину туннеля, по которому они двигались. Они прошли примерно с милю, когда внезапно ветер усилился. У одного из воинов, слишком небрежно державшего свой факел, его вырвало из руки. Пылающий факел запрыгал вперед них на значительное расстояние, посылая сноп искр при каждом ударе. Наконец он ударился о стену и остановился. При его свете они увидели находившуюся на полу в затруднительном положении фигуру.

«Помогите!» — просьба была обращена на Общем языке с людским акцентом. — «Пожалуйста, помогите мне!»

Человек цеплялся за край широкой ямы. Были видны лишь его голова и руки. Эльфы подбежали к нему, и двое воинов вытащили его в безопасное место.

Это был человек средних лет, с темными волосами, одетый в коричневую кожу. Когда воины увидели его ножны и нож, они достали свое собственное оружие.

«Кто ты?» — спросил Хамарамис.

«Меня зовут Джералунд. Я охотник...»

«Как ты очутился здесь? В Инас-Вакенти нет людей».

«Я преследовал оленя по узкой расщелине в горах и попал в долину. Ее не было на моей карте. Прешлой ночью, прежде чем я смог выбраться, меня коснулись какие-то летающие огненные шары. Следующее, что я знаю, что очутился здесь, в этих пещерах».

Один из воинов освободил Джералунда от его оружия. Хамарамис подозрительно разглядывал меч человека. Это был боевой клинок. — «Ты солдат?»

«Был когда-то». — Как и большинство годных к военной службе парней на континенте.

Дальнейший обыск принес кошелек с монетами, новенькими. Стальные монеты обычно становились коричневыми через месяц-два обращения. Его же были все еще блестящими и свободными от ржавчины. А еще они были неракскими.

«Боюсь, ты должен считать себя нашим пленником, по крайней мере, пока что», — сказал Хамарамис. Человек запротестовал, но Хамарамис оборвал его. — «Беседующий решит, что делать с тобой».

Виксона, отошедшая в сторону от допроса, чтобы заглянуть в яму, позвала генерала взглянуть. Яма была чрезвычайно глубокой. Она сомневалась, что в долине хватит веревок, чтобы измерить ее глубину. Но не это заинтересовало ее.

«Уберите факела и посмотрите вниз», — сказала она. Один из воинов взял их горящие факела и отошел недалеко в сторону. В наступившей темноте глубоко-глубоко в яме была видна слабая голубоватая аура.

«И слушайте», — сказала Виксона.

Из глубокой шахты исходил медленный регулярный стук. Он во многом напоминал ритм бьющегося сердца.

Ливни тонкими завесами двигались по Инас-Вакенти. Из эльфийского лагеря в центре долины вся панорама облаков и чистого неба, солнечного света и дождя раскинулась словно величественная фреска. Серые облака быстро неслись по небу, потоки дождя перемежались столбами солнечного света, золотыми пальцами спускавшимися ласкать древние белые монолиты.

Гилтас разглядывал прекрасную перспективу, и не видел ее. Он в одиночестве сидел в своем паланкине у края огромного каменного диска, собираясь с силами. Исследователи, которых он послал в туннели, опаздывали. Повторявшиеся крики в яму не вызывали ответа. Не было недостатка в добровольцах, готовых спуститься вниз вслед за исследователями, но Гилтас запретил это. Он не желал рисковать еще жизнями.

Отсутствие Кериан было еще более горьким. У нее была привычка справляться с неравными шансами, но путешествие в одиночку в Кхури-Хан, чтобы похитить наиболее святую жрицу Кхура, могло оказаться чересчур даже для Львицы. Он собирался воспользоваться силой платформы, чтобы позвать свою жену и пропавших исследователей, как разговаривал с Гитантасом до этого. Никто из них не знал границ странного влияние долины. Если Гилтас одной рукой смог сдвинуть гигантский монолит, возможно, он сможет послать свои слова за пределы долины, где бы ни могла быть его жена. Это было единственное, что он смог придумать сделать для нее.

Столб солнечного света, на короткое время осветивший платформу, был поглощен новым шквалом. Золотистый свет, казалось, бежал по белому граниту, преследуемый по пятам дождем. У паланкина был брезентовый полог для защиты от солнца и дождя. Гилтас нашел звук дождя, барабанищего по брезенту, удивительно успокаивающим.

Он нуждался в подобных маленьких утешениях. Остальные проблемы становились все тяжелее. Запасы еды продолжали сокращаться. Он санкционировал дополнительные фуражные отряды, но те вернулись с разочаровывающе скудными результатами. Несколько бушелей трав, немного молодых листьев одуванчиков и малое количество грибов не поддержат нацию. Впервые он поставил под сомнение свое решение привести свой народ в Инас-Вакенти. Не сделал ли он гибельный выбор. Каким бы опасным ни было их существование в Кхуриности, там они имели дело с врагами, которых видели, и с которыми могли драться. В долине врагом была ситуация, осложненная армией молчаливых призраков. Эльфы заплатили высокую цену, чтобы попасть сюда. Многие умерли во время похода через пустыню, а выжившие в жаре и атаках кочевников обнаружили, что смерть все еще крадется за ними, смерть от голода.

Мог ли он выбрать другой путь? Кериан никогда не колебалась, отстаивая свою мечту вернуть родные земли. А еще Гилтас вне всяких сомнений знал, что это было им не по силам, по крайней мере, в настоящий момент. Ее второй план, завладеть Кхури-Ханом и использовать его в качестве цитадели, был абсолютно нелепым и мог привести к убийствам и страданиям ужасающих масштабов. Их основное и единственное преимущество — купленное у хана убежище — было бы потеряно. Абсолютно все повернулись бы против них.

Дождь усилился. Он не мог больше откладывать. Гилтас слишком быстро встал. Его ноги предательски подогнулись, но он навалился на посох и не упал. Капли дождя падали ему на лицо. Гилтас не обращал на них внимания и подошел к платформе. Ее гранит имел

самую лучшую полировку и самую чистую белизну изо всех, что он когда-либо видел. Сорок сантиметров возвышались над землей. Еще больше было вкопано. Гилтас мог бы вскочить на плиту одним легким прыжком. Вместо этого он с трудом взбирался на нее, словно на гору.

Когда Гилтас наконец добился успеха, он с трудом дышал. Дождь мочил ему волосы, струился по глазам и стекал по подбородку. Скорее чем помеха, дождь был приятным, почти теплым, что было странным, так как он пришел с очень высоких гор. Его эффект оказался неожиданным. Он подействовал словно тонирующий напиток, придав его мыслям свежую ясность, а его телу новую целеустремленность. Он двинулся вперед, направляясь к центру огромного круглого монумента.

Кончик его посоха поскользнулся на мокром граните, и Гилтас растянулся. Он ободрал костяшки на левой руке и получил ощутимый удар в челюсть. Ничуть не испугавшись, Гилтас снова поднялся на ноги. Дождь смыл кровь.

Когда он добрался до точного центра платформы, случилось странное. Дождь продолжал поливать его и стучать по камню, но он не издавал звука. Было необычно наблюдать дождь и совсем не слышать его. Удивившись, он хлопнул в ладони. Те тоже не издали ни звука. Гилтас стукнул толстым концом посоха по граниту. Ничего.

Неестественная тишина позволяла приблизиться другим звукам. Они стали громче, как только он сконцентрировался. Это были голоса его подданных в лагере. Слегка поворачиваясь влево-вправо, он мог делать голоса громче или тише. Он сдвигался на сантиметр туда-сюда, пока голоса не исчезли, набрал в грудь воздуха и произнес самое близкое сердцу имя.

«Кериан».

Его разрушенные легкие не позволяли громко крикнуть. Гилтас говорил обычным тоном. В бесшумной пустоте его голос прозвенел высоким чистым колоколом. — «Кериан, это Гил. Молюсь, чтобы ты услышала меня. Я жду тебя. Не сдавайся!»

С его лица закапала вода, когда он опустил голову, чтобы собрать в кулак самообладание. Когда Гилтас снова смог доверять своему голосу, он позвал потерявшихся исследователей. — «Хамарамис, это Беседующий. Возвращайся, если можешь. Ты нужен нам. Всем нужен. Возвращайся».

Луч солнечного света проскользнул по каменному диску. Он прошел над Гилтасом словно морской маяк.

«Возвращайтесь все домой. Вы нужны мне. Вы все нужны мне».

На это его запас сил был исчерпан. Его колени подогнулись, и Гилтас рухнул на омываемый дождем камень.

* * *

Низко пригнувшись к шее Орлиного Глаза, Кериан помотала головой. — «Вы слышали это?»

«Слышала что?» — спросила Са'ида.

«Этот шум».

Са'ида ничего не слышала. Она предположила, что уши Кериан заложило из-за полета. Ее собственные болезненно шелкали несколько раз, когда Орлиный Глаз поднимался выше в небо.

«Он прозвучал словно музыка или голос».

«Никто не может добраться сюда до нас, так ведь?»

Обычно, так оно и было. Но Кериан вспомнила, как далеко донесся ее голос, когда она стояла на высокой каменной платформе в центре Инас-Вакенти. Она описала Са'иде огромный диск и пояснила, как тот донес до ее ушей голоса с огромного расстояния и подобным же образом спроецировал ее собственный голос на несколько миль. Возможно то, что она слышала, было еще одним подобным дальним зовом.

Если так, заметила Са'ида, тогда почему она не услышала его тоже?

У них не было ответа, и Кериан ощутила нарастающее ощущение срочности. Под ними проплывала дикая пустыня. Пейзаж был невыразительно скучным для Львицы, и ее нетерпение делало это бесконечное однообразие еще более невыносимым.

Са'ида, со своей стороны, никогда не уставала от этого вида. Чистые пески тут и там нарушались узкими окружностями зелени, выросшей вокруг колодца или родника. Кочевники в *гебах* песочного цвета поднимали глаза к небу, когда на них промелькала тень грифона. Даже с этой высоты эльф и человек ощущали их холодную враждебность. Дети кочевников были не так недружелюбны. Они бешено неслись под пролетающим грифоном, в явном возбуждении от созерцания такого редкого зрелища. Указывая руками и подпрыгивая, дети махали парящим летунам.

Один раз они нырнули в гряды облаков, очень необычное явление над пустыней. Вокруг них струился теплый туман. В мраке справа от них нарисовалась темная фигура. Кериан немедленно отвернула Орлиного Глаза, заложив резкий вираж.

«Что...?» — Са'ида проглотила свой вопрос, когда темная фигура стала более четкой. Длинная и серая она представляла собой изящный корпус корабля, без мачт и парусов. Его изогнутый бок усеивали застекленные иллюминаторы. Внутри мерцали огоньки. Белый пар вздымался из трубы на корме. Пар подпитывал облако, делая его гуще. Туман сомкнулся позади машины, и также бесшумно, как появился, странный механизм исчез.

Они ошеломленно молчали какое-то время. Кериан покачала головой и сказала: «Должно быть, работа гномов. Я слышала, они строят странные штуковины».

Са'ида тоже слышала эти рассказы, но этот механизм выглядел столь элегантно и функционально, что она едва могла поверить, что он является творением столь эксцентричной расы.

Они резко вынырнули в солнечный свет. Кериан удивленно вскрикнула. Во время полета сквозь облако, они необъяснимо поднялись на несколько сот метров. Температура воздуха значительно снизилась. Их одежда, промокая в густом тумане, холодила до костей.

«Смотри!» — Кериан указала вперед. Сине-серые склоны Халкистских гор заполняли вид от горизонта до горизонта, и наиболее выступавшими среди них были три пика со снежными шапками, отмечавшие вход в долину. Са'ида пребывала в изумлении. Она за всю свою жизнь никогда не отдалялась больше чем на двадцать миль от Кхури-Хана. Она спросила Кериан о белых пятнах на вершинах трех пиков.

«Это настоящий снег?» — Кериан кивнула. После некоторой паузы, Са'ида спросила: «Что такое снег?»

Львица обдумала ответ. Она никогда не пыталась описать снег кому-то, для кого тот был совершенно незнаком.

«Это как дождь, только намного холоднее. Когда воздух достаточно холодный, дождь твердеет и становится снегом».

Жрица обрадовалась, как дитя этому открытию. Хотя и будучи мудрой и долго прожившей женщиной, ее образование было полностью посвящено целительству и учению ее богини. Она плотнее закуталась в тяжелый плащ и наслаждалась приключением, удивляясь даже тому, каким очень холодным был ее нос.

Несмотря на удовольствие Са'иды от путешествия, она дрожала, и Кериан передумала продолжать полет на этой высоте. Будет проще, если они войдут в Инас-Вакенти на более низком уровне. Слева от них, на северо-западе, манила квадратная выемка в морщинистой гряде. Зеленые от деревьев, ее склоны были на несколько тысяч метров ниже находившихся прямо перед ними вершин гор. Орлиный Глаз изменил курс, и они опустились. Потеплело.

«Лучше?» — спросила через плечо Кериан, и жрица в ответ похлопала ее по плечу.

Тепло было приятным, но не могло рассеять обеспокоенность Кериан. Орлиный Глаз совершил подвиг, проделав такой длинный полет практически без отдыха между путешествием туда и обратно, но ей хотелось, чтобы он летел быстрее. Она не могла отделаться от ощущения, что странный шум, который она слышала, был своеобразным зовом о помощи.

* * *

Пытаться обнаружить обещанный поисковый отряд было непростой задачей для Гитантаса. Подготовленный, как и любой воин, он взял быстрый шаг и постарался сохранять его, но голод и жажда давили ему на плечи. Однажды его факел погас, к усталости прибавилась темнота. Тем не менее, его суверен обещал спасение, и Гитантас сделает все возможное, чтобы отыскать эльфов, отправленные на его поиски.

Держась кончиками пальцев правой руки за стену туннеля, он справлялся с невыразительной темнотой. Один фактор работал на него. Пол туннеля был чист от мусора. Под его ногами был лишь твердый чистый камень. Он достаточно долгое время больше не наткнулся на тела. Гитантас был благодарен за эту милость. Мертвые ничего не могли сказать ему. Они лишь напоминали об ожидавшей его судьбе, если он не найдет помощь или выход из подземного лабиринта.

Воздух задрожал, словно от легкого бриза, и голос произнес: «Кериан».

Гитантас остановился.

«Кериан, это Гил. Молнись, чтобы ты услышала меня. Я жду тебя. Не сдавайся!»

Голос принадлежал Беседующему. Леди Кериансерай была в туннелях?

Гитантас привел в порядок блуждающие мысли. Беседующий сказал ему, что Львица была на задании, полетев в Кхури-Хан, чтобы привести жрицу Са'иду.

Беседующий продолжил, призывая Хамарамиса вернуться. Генерал собственной личной стражи Беседующего тоже отсутствовал?

Гитантас крикнул: «Сир, я иду!» — Он напрягся, чтобы услышать ответ.

«Возвращайтесь все домой. Вы нужны мне. Вы все нужны мне».

После этого, необычный резонанс исчез из воздуха. Просьбы Беседующего закончились. Гитантас стукнул кулаком в ладонь. Он был нужен своему суверену, а он блуждал наощупь в темноте. Он принялся вслух бранить себя, но внезапно замолчал, услышав новые голоса. Гитантас затаил дыхание и прислушался.

Он достаточно четко слышал голоса и шаги пяти или шести путников. Шаги одного

были тяжелее остальных, и связанный с ним голос был ниже, грубее — человек. Как здесь оказался человек?

Гитантас позвал неизвестный отряд, назвав свое имя и представившись другом. Искушенный голодом и длительным пребыванием в непроницаемой темноте, тем не менее, он собрался для финального рывка. Он продолжал звать, двигаясь по проходу. Через примерно полмили, он услышал голоса более четко, и распознал женский и мужской, как и мужской человека. Число шагов сказало ему, что там было еще несколько эльфов, которые шли молча.

Он набрал воздуха, чтобы крикнуть, но его воинский навык резко заявил о себе. Что, если они не были его товарищами? Нелепо, сказал он себе. Что другим эльфам делать в туннелях под Инас-Вакенти? И почему с ними человек?

Охваченный сомнением, он прислонился к стене туннеля. К своему удивлению, он обнаружил, что в стене были вырезаны неглубокие ниши. Ниша за его спиной была достаточно глубокой, чтобы спрятать его. Он затаился в укрытии и принялся ждать, преследуемый всеми видами страхов и неуверенностей.

* * *

«Я не понимаю, как ты можешь быть уверенной, что мы идем на юго-запад», — раздраженно сказал Хамарамис. — «Я давным-давно потерял чувство направления!»

Виксона ответила: «Это просто. Мы сделали два правых поворота, затем туннель сделал изгиб в четверть радиуса. Следовательно, мы идем примерно на 270 градусов от исходного направления, или, измеряя в другую сторону, на девяносто градусов...»

«Жалею, что ты спросил», — пробормотал Джералунд.

«Я тоже».

Лишь у Джералунда был горящий факел. Остальные погасили свои ветки, чтобы сберечь для дальнейшего использования. Пламя Джералунда проходило как раз под носом стоявшей в нише в стене фигуры. То, что он принял за скульптуру, внезапно отшатнулось от пламени, и Джералунд вскрикнул от удивления. Ему эхом вторил высокий крик Виксоны. Фигура не была статуей, она была живой!

«Уберите мечи!» — крикнул он. — «Я один из вас!»

Хамарамис застыл, неспособный поверить в увиденное. — «Гитантас!»

Генерал с капитаном бросились друг к другу, заключая в объятия, точно давно потерявшиеся братья. Гитантас узнал остальных троих воинов. Виксона представилась. Пока она записывала каждое слово, Гитантас быстро изложил свое приключение до сих пор.

«Ты находился здесь больше недели и не заметил других живых душ?» — спросил Хамарамис.

«Ни единой». — Гитантас беспомощно пожал плечами. — «Лишь мертвецов».

«Должно быть, это было ужасно», — сказала Виксона.

Свет факела играл на ее приподнятом лице. Это и в самом деле было ужасно, но глядя в теплые карие глаза, так сочувственно смотревшие на него, Гитантас не смог сдержать улыбку.

Хамарамис рассказал, как его отряд нашел Джералунда. Молодой капитан бросил на человека оценивающий взгляд, но, когда Хамарамис упомянул, что они слышали, как их

призывал Беседующий, все остальные соображения отошли на второй план.

«Так это было на самом деле! Я тоже его слышал!» — воскликнул Гитантас. — «Мы должны вернуться к нему!»

В этом они все были согласны. Проблема состояла в том, что даже с планом Виксоны отряд Хамарамиса был не в состоянии повторить свой маршрут в обратном направлении. Похоже, туннели изменились после того, как они прошли по ним. Пересечения исчезли, замеченных Виксоной рисунков на стенах больше не было.

«Странно», — заметил Гитантас. — «Со мной такого не случилось. Я просто потерялся».

Он попросил показать план. Испачканными чернилами пальцами Виксона показала на маленькой страничке путь их отряда.

«Мы попытались вернуться от глубокой ямы, где нашли Джералунда, но проход изменился», — сказала она, нахмутив бровь. Она явно считала нечестным, что туннели противоречили ее тщательно нарисованному плану.

Гитантас глядел на туннель позади Хамарамиса. — «Давайте вернемся путем, которым вы пришли», — предложил он.

Генерал запротестовал. Разве мальчик не слушал? Туннель больше не был таким, как его нарисовала Виксона.

«Тем не менее», — ответил воин, и двинулся вперед.

Хамарамис был сбит с толку его беспардонным поведением, но Виксона сказала: «Сэр, нам нужно идти за ним. Он находился здесь намного дольше нас. Он мог заметить что-то, что мы пропустили».

Забрав у Джералунда факел, Хамарамис с Виксоной последовали за Гитантасом. Воинь окружили Джералунда и замкнули шествие.

Гитантас вполголоса пояснил Хамарамису, что первые несколько дней его преследовали галлюцинации. Постепенно они исчезли, и он стал способен отличать ложные и реальные картины. Ему очень хотелось проверить, позволит ли его с трудом достигнутая острота восприятия посмотреть сквозь иллюзии, заведшие в тупик попытки спасательной партии найти обратную дорогу.

Дальше по маршруту план Виксоны показывал пересекающий туннель. Гитантас нашел его ровно там, где она пометила, что он должен быть. Он похвалил ее точность. Молодой писец покраснела. Хамарамис был сбит с толку. Его отряд возвращался, ища этот самый перекресток, и его тут не было.

Они продолжили путь. Хамарамис поздравил Гитантаса с выживанием при встрече с блуждающими огоньками. Генерал все еще считал странным, что Гитантас был жив, когда все остальные исчезнувшие эльфы, на которых они наткнулись, были мертвы. Гитантас не упомянул о своем обнаружении воина Уллиана, который, как он подозревал, покончил с собой. Он не знал, почему Уллиан очнулся здесь, и пока не доложит Беседующему, не будет заниматься догадками. Гитантас совсем не сомневался, почему он сам очнулся.

«Львица вернула меня из мертвых», — просто сказал он.

Виксона оторвалась от своих записей.

«Я слышал голос командира. Я впадал в забвение, из которого, скорее всего, никогда бы не вернулся, но услышал ее голос, и тот вытащил меня обратно».

Хамарамис никак не прокомментировал. Они прошли большую радиальную трещину в стене туннеля, расположенную точно в том месте, как указала Виксона. Она сообщила, что

следующим будет пересекающий проход с юго-востока на северо-запад. Гитантас прибавил шаг.

Джералунд, плетясь практически в самом конце группы, раздумывал, не попытаться ли бежать, но блуждать в одиночку безоружным в туннелях казалось намного более худшей судьбой, чем оставаться с эльфами. Разговор также дал ему пищу для размышлений. Почему он очнулся, когда так много других нет? Он не слышал звавших его вернуться голосов. Он просто проснулся, как после глубокого сна. Возможно, магия плавающих огней влияла на него по-другому, так как он был человеком.

Виксона издала торжествующий крик. Перекресток был точно там, где она его нарисовала.

Хамарамис едва мог поверить ее успеху. Его отряд не смог найти никаких ориентиров на карте, когда они проходили мимо них.

«Ты волшебник?»

Вопрос Виксоны был вознагражден улыбкой. — «Нет, просто упорно работающий парень, пытающийся получить свой заработок», — ответил Гитантас. — «Может быть, нехватка света помогла мне побороть видения».

Они обошли кругом яму, в которой был обнаружен Джералунд. В ней было тихо и темно. Мерный регулярный стук и слабое сияние исчезли. Гитантас указал на отпечатки ног, оставленные в пыли ранее отрядом Хамарамиса. Это был знак, подумал он, что они подобрались ближе к поверхности. Глубоко в туннелях, где он сперва очнулся, пол был покрыт толстым слоем костей. Здесь он становился тоньше, пока не показался лишь твердый камень, на котором не оставалось отпечатков ног. Здесь пол был покрыт просачивавшейся сверху пылью.

Гитантас рысцой преодолел последний перекресток и направился в юго-восточный проход. Остальные следовали за ним, пока он внезапно не остановился, заставив Хамарамиса с Виксоной воткнуться ему в спину. Он раскинул руки, чтобы они не прошли.

«Слушайте!» — прошипел он.

До их ушей донесся металлический звон. Были слышны отчетливые три удара, пауза, затем еще три.

«Это наш сигнал!» — воскликнул Хамарамис, проскакывая мимо застывшего Гитантаса. — «Беседующий зовет нас обратно!»

Воины, ведя с собой Джералунда, плотной группой держались за спиной своего командира. Гитантас устало тащился за ними по поднимающемуся туннелю. С ним осталась только Виксона.

«Не волнуйся», — заверила его она. — «Генерал Хамарамис прав. Это наш сигнал».

Гитантас кивнул. Он не сомневался в этом, другое осознание украло радость от спасения из туннелей. Остальным пропавшим эльфам не повезло, как ему. Он нес конец надежды для огромного числа семей.

Виксона взяла его за руку. — «Мы пришли, чтобы спасти тебя, но ты спас нас. Беседующий вознаградит тебя за твой поступок».

Гитантас опустил взгляд на ее руку. Хотя и испачканная чернилами, она была хорошо развита, рука сильной эльфийки. Он глубоко вдохнул и прибавил шаг.

На поверхности у опрокинутого монолита периодически налетали шквалы дождя. Солнце скрылось за западными горами, и последний свет зари погас в безоблачном небе. Зажгли факелы. В яме висело большое блюдо из ковanej бронзы. Под ним располагался

деревянный молоток. Подтягивая блюдо вверх и резко отпуская его, эльфы заставляли молот ударять по нему. Таранас находился здесь, вернувшись из долгого патрулирования. Он приказал снова ударить в гонг. Веревка дважды подняла и уронила тяжелое блюдо. Прежде, чем они смогли сделать это в третий раз, что-то в яме схватило веревку.

Исполненный надежды, но осмотрительный, Таранас приказал выдвинуться вперед лучникам. Веревка дергалась и вращалась. Голос из ямы прокричал: «Мы здесь!»

«Хамарамис?» — воскликнул Таранас.

«Да, он самый! И у нас компания!»

Таранас бегом отправил эльфов готовить лебедку. Остальные поднесли прикрытые факелы ближе к отверстию. Сбрую прикрепили ко второй веревке и опустили в шахту. Первой поднялась Виксона, вся в пыли, с покрасневшими от усталости глазами, но сияющая. Следующим появившимся был Гитантас. Как только капитан освободился от веревочной сбруи, Таранас с таким энтузиазмом хлопнул его по спине, что тот едва не растянулся.

Были подняты трое эльфийских воинов, и сбрую опустили снова, за старым генералом, как был уверен Таранас. Когда появившийся оказался не Хамарамисом, а человеком, на лице Таранаса отразился испуг. Человек не делал враждебных движений, но трое воинов из спасательного отряда быстро окружили его и убедились, чтобы его руки оказались крепко связаны.

Наконец, появился Хамарамис. Не успев еще сбросить сбрую, он спросил о Беседующем. Таранас был крайне мрачен.

«Боюсь, состояние Беседующего ухудшилось», — тихо сказал он. Он пояснил, что носильщики Гилтаса нашли его в полубессознательном состоянии в центре круглой платформы. Сейчас Беседующий снова был в палатке, охваченный лихорадкой.

«А леди Кериансерай?» — спросил Гитантас.

Хороших новостей не было в ответ на его вопрос. Львица не вернулась из своей одиночной миссии в Кхури-Хан.

«Она отправилась в одиночку?» — воскликнул Гитантас. — «Как Беседующий мог это позволить?»

Два генерала обменялись взглядами, а затем Хамарамис обратился к Гитантасу, его привычное хмурое выражение смягчилось. — «Парень, ты не послужишь нашему храброму Беседующему и его отважной даме, стоя под дождем». — Он подтолкнул Гитантаса, побуждая того двигаться.

Гитантас позволил увлечь себя. — «Я буду очень признателен, сэра, за еду и ванну».

Старый генерал заверил его, что половина его запроса может быть удовлетворена.

Са'ида спала, прижавшись к спине Кериан. Она резко вздрогнула, проснулась и начала соскальзывать вбок. Почувствовав, что падает, он отчаянно схватилась за Кериан. Это внезапное движение заставило эльфийку потерять равновесие. Кериан инстинктивно дернулась вперед, крепко обнимая пернатую шею Орлиного Глаза.

«Спокойно, святейшая! Ты в безопасности». — Страховочные ремни, обернутые вокруг талии жрицы, плотно держали ее в седле грифона.

«Прости!» — проскрежетала Са'ида. От постоянного ветра у нее пересохло в горле. — «Я подумала, что падаю».

Кериан посочувствовала. Передавая жрице фляжку с водой в кожаном чехле, она упомянула о своем первом опыте ночного полета. Она плохо затянула упряжь седла и так глубоко погрузилась в сон, что вместе с седлом оказалась висящей под летящим грифоном. Открыв глаза, она обнаружила себя вверх ногами в густой облачной гряде.

«Я подумала, что очутилась в следующей жизни!» — сказала Кериан. Когда из этого тумана стремительно показался горный пик, ее едва не отправило в вечный сон.

Жрица протянула флягу обратно. Покрывавший ее голову белый шарф сбился набок. Она расправила шарф и затянула удерживавший его узел на тыльной стороне шеи, но завитки волос по-прежнему выбивались ей на глаза. Стараясь заправить их обратно, жрица поймала себя на зависти к стриженной голове Львицы.

Они все еще были в милях от эльфийского лагеря, пологими ступеньками спускаясь в прохладном ночном воздухе. Перед ними нависала громада окружавшей Инас-Вакенти горной гряды. Са'ида вглядывалась через плечо Кериан в морщинистые вершины. Она никогда прежде не видела гор.

Внезапно она вся задрожала всем телом и резко вдохнула.

«Мне приземлиться?» — спросила Кериан, подумав, что жрице требовалась передышка от непривычного равномерного движения.

Са'ида вздрогнула сильнее. — «Это место пронизано мощью!» — выдавила она.

«Какого вида мощью?»

«Не благочестивой магией». — Это была стандартная фраза Са'иды. — «Что-то более дикое, очень старое и очень темное! Это ужасно! Какое жуткое место!»

Кериан отметила это про себя. Похоже, Гилтас понадеялся на убежище, наводненное древним темным колдовством. Она была уверена, что Са'ида поделится с ним своим впечатлением. Возможно, мнение жрицы об опасности принесет больше успеха, чем до сих пор ее собственное.

Са'ида что-то бормотала. Наклонившись ближе к уху Кериан, она сказала, уже громче: «Одна сила уравнивает другую, но обе — губительные. Здесь нескончаемое время бушует война. Обе стороны увядают, но их сила все еще могущественна». — Она обвела взором туманные горизонты, словно могла видеть собравшиеся, точно армии на поле сражения, магические силы.

«Линии размыты. Я не могу отличить одну от другой». — Она наклонилась вперед, упершись лбом в спину Кериан. — «Просто чувствую, как они разрывают мне душу».

Сочувствуя ее боли, Кериан, тем не менее, продолжала направлять Орлиного Глаза прямо к центру долины и к лагерю. Однако, когда расстояние до гор измерялось уже

несколькими сотнями метров, дрожь и жалобы жрицы уступили место чему-то более сильному. Она обеими руками стиснула плащ Кериан и резко дернула.

«Поворачивай! Поворачивай *немедленно*. Я не могу это выносить!»

Кериан тотчас направила Орлиного Глаза в широкий правый разворот. Са'ида скрючилась, ее пальцы так сильно сжали талию Кериан, что эльфийка была уверена, что останутся синяки. Дыхание жрицы стало коротким и отрывистым, словно она едва могла втянуть воздух в легкие. Ее дыхание не облегчалось, пока между ними и входом в долину не оказалась миля чистого воздуха.

«На этом месте древнее охранное заклинание. Оно очень сильное», — сказала она. Жрица не знала, кто наложил его, но была уверена, что ее богиня, Божественная Целительница, ничего не могла с ним поделать.

Кериан направила Орлиного Глаза в полет по большому неторопливому кругу, пока размышляла, как доставить жрицу в долину. Несмотря на суеверную упорную настойчивость кочевников, что это табу, ничего не мешало различным перемещениям эльфов на лошадях, пешком или на грифонах. Са'ида спросила, не испытывали ли каких-либо сложностей их мудрецы. Кериан пришлось сознаться, что ни у кого из беженцев не было такого опыта и чувствительности, как у Са'иды.

В горле Кериан словно желчь поднималось разочарование. По звездам она определила, что наступила и прошла полночь. Ее цель была видна, а каждая минута задержки заметно приближала Гилтаса к смерти. Трусанар делал все, что мог, но мало что мог он еще попробовать против этой странной людской болезни. Кериан вырвала Са'иду из лап неракских агентов и торганских фанатиков, поборолла собственное сопротивление этой женщины и перенесла их через всю Кхурскую пустыню. И они не могли войти в долину!

Са'ида тоже обдумывала сложившуюся ситуацию. Она предложила приземлиться. Магический барьер был сильным, вызывавшим физическую боль и панику, но он очень давно стоял. Возможно, его покрытие утончалось или в нем были щели. К примеру, он мог оказаться менее опасным у земли. Жрица могла сослаться на прецеденты...

Она оборвалась на полуслове, взвизгнув от удивления. Кериан направила Орлиного Глаза снижаться. Грифон опустил голову, и они стали быстро пикировать. В тридцати метрах от земли он выровнялся и мощно захлопал крыльями, пока они практически не зависли, в то время как Кериан быстро осмотрела местность. Слева она заметила каменистую полосу ровной земли между пиками, и направила туда Орлиного Глаза.

Ветер у земли свистел, заставляя хлопать их плащи. Вокруг них не было ничего, кроме каменистых утесов, разбитых валунов и куч бледного гравия. Они приземлились на большом возвышении над кронами деревьев и стояли, открытые непрерывному давлению холодного ветра. Далеко внизу под безоблачным ночным небом бледно-желтым морем раскинулась пустыня. Она протянулась от горизонта до горизонта, на запад, юг и восток. Широкие дюны, тут и там разбиваемые темными линиями сухих вад, катились к югу, в сторону Кхури-Хана.

«Мы не можем оставаться здесь», — пробормотала Са'ида, отказываясь от бесплодных попыток запахнуть плащ на сильном ветру. Кериан согласилась.

Жрица искала границу архаичного охранного заклинания. Раскинув руки ладонями наружу, она медленно двинулась вперед. Ее внимание было так сконцентрировано на этой работе, что Са'ида оступилась и неуклюже заскользила по насыпному гравию. Кериан прыгнула вперед и схватила ее сзади за плащ. Это было невежливо, но спасло Са'иду от опасного падения. Когда ее бешенное сердцебиение замедлилось, жрица наградила Кериан

признательным взглядом. Она продолжила поиск, но уже осторожнее.

Кериан точно поняла, когда Са'ида обнаружила границу, так как та резко замерла. Она с полминуты оставалась застывшей на месте, а затем вернулась обратно к Кериан, по ее лицу струились слезы.

«Принеси мне украшенную вышивкой сумку», — все еще плача сказала она.

В одной из матерчатых сумок жрицы Кериан нашла маленький мешочек, сделанный из белого муслина. Ей хватило вежливости не открывать его, но когда она поднимала мешочек, то нащупала внутри несколько мелких твердых предметов, немного более мягких кусочков и легкую субстанцию, захрустевшую под ее пальцами. Сама сумка и ее плечевой ремень были украшены тонкой вышивкой нескольких оттенков голубого, тут и там покрытой серебром. Львица не была швеей, но даже на ее необученный взгляд, работа была изумительной, индивидуальные стежки такими маленькими и изящными, что было сложно отличить один от другого. Хотя, было что-то странное в самом дизайне. Казалось, он менялся под ее взглядом. Замысловатый рисунок из цветов и серебряных листьев колыхался, словно мираж в пустыне, стежки переползали по муслину с места на место. Они образовывали слова, но на языке, который Львица не то, что не знала, но даже никогда прежде не видала. И снова рисунок изменился, серебряные нити ярко вспыхнули, хотя на них падал лишь свет звезд.

«Сосира!»

Строгий голос жрицы вывел Кериан из оцепенения. Она отдала сумку Са'иде, а затем отошла и стала у головы Орлиного Глаза. Грифон наклонился и ткнулся в нее носом, издав трель беспокойства. Она успокаивающе положила ему на шею руку.

Са'ида правой рукой прижала сумку к груди, а левую руку вытянула вверх. Сквозь шум непрерывного ветра, Кериан слышала ее монотонный напев. Он больше напоминал декламируемый набор слов, чем песню или стих. Какое-то время ничего не происходило; затем ветер внезапно стих.

В двадцати метрах от них пыль по-прежнему струилась вокруг источенного ветром валуна. Над ними облака проносились над пиками; под ними искривленные деревья клонились под изнуряющим ветром. А там, где стояли две женщины и грифон, все было спокойно. Орлиный Глаз вскинул голову и громко протрубил, ощущая неестественность происходящего.

Кериан повела его по каменистой земле, чтобы стать позади бормочущей жрицы. Была ли это игра раннего утреннего света, или и в самом деле от головы Са'иды исходило слабое свечение? Когда Кериан смотрела прямо на нее, сияние исчезало, но, когда она бросала взгляд из стороны в сторону, голову жрицы и в самом деле обволакивал тусклый ореол из светлячков.

Бормотание смолкло, но Са'ида не шевелилась. Ее глаза были крепко зажмурены.

Кериан несколько раз пришлось окликнуть ее, прежде чем жрица ответила. И ответом был вопрос насчет ветра. — «Вокруг нас ветер стих», — ответила Кериан. Разве жрица сама не чувствовала это?

«Очень хорошо. Мы можем продолжить».

Са'ида не открывала глаза и крепко прижимала сумку одной рукой к груди. Фактически вслепую, она протянула Кериан руку. Львица подвела ее к боку Орлиного Глаза и посадила на заднее сиденье. Фиксируя ее на месте, Кериан двигалась с необычайной осторожностью. Было ощущение, словно они находились внутри тонкого пузыря, и если она будет двигаться слишком быстро или резко, пузырь лопнет, позволив ветру снова разбушеваться.

Наклонившись ближе к голове Орлиного Глаза, она прошептала: «Все верно, старое чудовище. Двигаемся осторожно».

Вместо того, чтобы прыжками поднять их в воздух, Орлиный Глаз просто пробежал по всей длине уступа и перевалил через край утеса. Мощными размеренными взмахами крыльев, он остановил падение и стрелой понес их вперед.

Кериан пришлось признать, что это был самый плавный взлет, который она когда-либо чувствовала. Конечно же, ее сердце подступило к горлу, и она была очень рада, что глаза Са'иды были все еще закрыты.

«Не слишком высоко», — прошептала жрица.

Кериан держала их на высоте, лишь чтобы кончики крыльев Орлиного Глаза не касались земли при махах. Они поднялись вверх по склону до серого обратного ската гряды. Обычно, переваливая через пик, сталкиваешься с сильным сопротивлением ветра, но в их текущем защищенном состоянии, Орлиный Глаз перемахнул мягко, словно семечко одуванчика. Са'ида не просто успокоила естественный ветер, ее заклинание повлияло и на ветерок при их движении. Перья на шее грифона лежали ровно, и ни малейшее дуновение ветерка не тревожило волос Кериан.

Когда Орлиный Глаз спустился по обратной стороне гряды, Са'ида медленно раскрыла стиснутые пальцы, ослабив хватку заклинательной сумочки. Ее глаза открылись. Тотчас ветер принялся дразнить их уши и трепать одежду, естественный ветерок полета. Орлиный Глаз, почувствовав облегчение от неестественного спокойствия, тряхнул головой и довольный громко выдохнул.

Опустошенная Са'ида повисла на Кериан. Эльфийка замедлила Орлиного Глаза и направила в подъем. Когда они оставили позади проход и попали в саму долину, то уже летели в трехстах метрах над землей. Кериан спросила Са'иду, как та одолела охранное заклинание.

«Древние заклинатели сделали ошибку», — ответила жрица, ближе наклоняясь к уху Кериан, чтобы не пришлось кричать. — «Они привязали свой барьер к ветру. Пока он дует, охранное заклинание остается на месте. Мне пришлось проделать дыру в ветре, вот и все».

Если у нее и были до этого какие-то сомнения, в этот момент Кериан поняла, что она привела в Инас-Вакенти нужного субъекта. Сострадание и талант редко встречались среди знакомых Львице мудрецов, и еще реже среди людей. Гилтас будет в надежных руках.

Наступила ложная заря. До восхода солнца был еще час, да и то, солнце еще какое-то время должно было быть скрыто за высокой восточной грядой, но небо начало розоветь новым светом. Перед Са'идой открылось больше местности. Под ними сверкала извивающаяся линия Реки Львицы, и Кериан обратила внимание на немногие другие выдающиеся объекты, главным образом размещенные на редких массивах белоснежного кварца: отдельные монолиты, длинные стены с бессмысленными проемами, непонятные группы огромных камней. Не знала ли святая госпожа их предназначения?

Са'ида понятия не имела. С высоты трехсот метров, ни рифма, ни мотивы их размещения не прослеживались. Она предположила, что они могли являться фундаментами еще больших деревянных строений, сгнивших за столь долгое время. В прибрежной зоне Кхура было принято строить на каменных сваях.

Кериан покачала головой. Монолиты были слишком большими и хаотично разбросанными, чтобы являться фундаментом какого-либо здания. Иногда их разделяли сотни метров. Никакие деревянные балки не могли перекрыть такой проем.

«Похоже на то, словно боги играли в кости», — сказала Львица. Они бросали в долину огромные белые блоки, а затем оставили их на месте.

«Может, так оно и было».

Кериан оглянулась, но на морщинистом загорелом лице Са'иды не было и намека на юмор.

На земле впереди них появились несколько маленьких ярких огней. Кериан напряглась. Са'ида подумала, не те ли это блуждающие огоньки, о которых упоминала Львица. Спустя несколько беспокойных секунд, жрица почувствовала, что Кериан расслабилась.

«Это огни нашего лагеря. Держись крепче, Святая Госпожа! Мы можем прибыть как раз вовремя, чтобы обсудить завтрак!»

Са'ида не уловила этой доли иронии, но довольно скоро она все поймет. Еды в долине было столь мало, что многие эльфы скорее «обсуждали» прием пищи, чем принимали ее.

Са'ида вцепилась покрепче, когда Орлиный Глаз опустил голову и нырнул в сторону далеких костров.

* * *

Робин Неутомимый снова был в пути, но двигался с большей осторожностью. До нападения Фитеруса он мало уважал магию. Теперь он знал, что нужно быть осторожнее. Оставленный колдуном явный след также заставлял его беспокоиться. Фитерус мог быть беспечным, так как думал, что Робин мертв, а мог и вести охотника в новые ловушки. Теперь Робин знал, какими изысканными могли быть такие капканы.

После спасения эльфийскими воинами, он вернулся с ними в их лагерь, но почти тотчас незаметно ускользнул оттуда. Исследовательский отряд нашел путь из туннелей, и всеобщее возбуждение от их возвращения отлично отвлекло внимание. Хотя и благодарный генералу Таранасу и его воинам за свое спасение, Робин твердо решил вернуться к преследованию Фитеруса. Он собирался не только завершить полученное от хана задание, но и, в придачу, освободить Фаваронаса. Пленение ученого было на его совести. Он позволил себе несколько часов сна, а затем возобновил погоню.

Он надел свои желтые очки и изучал местность перед собой. Два набора отпечатков ног были четко видны, слабо светясь зеленым даже там, где пересекали камни. Следы поднимались по склону короткими запинаящимися шагами. Они были двухдневными, но Робин не спешил. День еще только начинался. Будет лучше догнать колдуна на закате дня. Фитерус будет уставшим от долгого подъема, а садящееся солнце окажется позади Робина, светя его жертве в глаза.

Когда он снова убрал очки в карман, то оказался захвачен врасплох, обнаружив, что окружен эльфами. Сперва он подумал, что это подданные Беседующего, но затем увидел, что у них нет ног — длинные спутанные волосы и лохмотья одежды, и совсем не было нижних конечностей.

Призраки.

Он не боялся мертвецов. Он бывал во многих местах и видал множество вещей, а все призраки, о которых он слышал, казались ему печальными созданиями, достойными скорее жалости, чем страха. Робин направился прямо к стоявшим на его пути. Духи не поднимали на него и руки, но, когда он поравнялся с ними, его руки и ноги начали покалывать. Это

ощущение было не из приятных. Внемя явному предупреждению, он отступил на несколько шагов.

«Отойдите», — приказал он.

Призраки никак не отреагировали, лишь молча и неподвижно стояли. Робин снова двинулся вперед. Эффект был сильнее, и заставил его попятиться назад, шипя от боли.

Шеренга духов тянулась влево и вправо, насколько он мог видеть. Он не мог обойти их. Его меч без помех проходил сквозь призраков. Он разочарованно снова убрал его в ножны.

«Я должен пройти», — сказал он, и ринулся в атаку.

Удар швырнул его на землю и едва не лишил чувств, хотя лишь и на мгновение. Когда в голове прояснилось, Робин уже не лежал на земле. Его несли. Призрачные фигуры были намного более материальны, чем когда он впервые увидел их. Четверо подняли его, а остальные струились впереди и позади. Их перемещение было бесшумным как солнечный свет. Полусформировавшиеся ноги двигались сквозь траву, совсем не колыша ее. Призраки были иллюзорными, как дым, тем не менее, их хватка была довольно крепкой.

Неестественная процессия прошла между каменными столбами, чья белая поверхность омывалась золотыми лучами утреннего солнца. Робин вытянул шею, чтобы посмотреть вперед. До сих пор он чувствовал лишь изумление. Опытный охотник, он не ощущал в этих существах опасность — огромную душераздирающую печаль, но не опасность. Когда он увидел, куда они принесли его, изумление прошло, и Робин попытался бороться.

Над землей парил белый каменный монолит. Шести метров в длину, он словно на якоре плавал в воздухе. Под ним зияла дыра. Вокруг дыры стояла толпа призраков, их пустые глаза следили за его приближением. Его конечности онемели, и у него не было сил. Попытки кричать были столь же безуспешными.

Не произнеся ни единого слова, призраки швырнули Робина в дыру. Он пролетел около трех метров, а затем жестко ударился о дно. Его голова кружилась, но он ясно увидел, как монолит опустился, запечатывая его в холодной черной земле.

* * *

При всем своем многообещающем названии, Лестница Дальнего Видения сильно разочаровала Фаваронаса. Вид был замечательным, но едва ли тем, чего он ожидал.

Сама Лестница представляла собой большое плато полукруглой формы, врезанное в склон горы Ракарис, сотню метров шириной по внешнему краю и шестьдесят метров глубиной по вершине. Его поверхность была покрыта брусчаткой в виде перемежающихся линий темно-синего сланца и кремового полевого шпата. По его левому и правому краям возвышались трехметровые обелиски. Которые тоже перемежались между темным базальтом и алебастром. Его поверхность усеивали дополнительные обелиски, и Фаваронас не видел очевидного рисунка в их размещении.

С этой выигрышной позиции, Инас-Вакенти походила на вытянутую широкую чашу, со всех сторон ограниченную крутыми горами. Правильность ее границ предполагала работу сверхъестественных сил. Граница между дном долины и горами четко просматривалась. Тут и там, время и эрозия смягчили ее линию, но в целом граница выглядела, словно нарисованная рукой некоего бога. Среди деревьев и кустов торчали монолиты, их форма и идеальная белизна напомнили архивариусу надгробия.

Огромная круглая выдающаяся деталь в центре долины озадачила Фаваронаса. Он ошибочно принял ее за озеро, но Фитерус сказал, что это — громадный диск из клиньев белого гранита. Колдун назвал его *Тимпанум*, что означало «барабан». Каково было его предназначение, он не сказал.

Фитеруса с Фаваронасом сразу же после прибытия охватило изнеможение. К сожалению, Фитерус отдыхал недолго. Он пинком разбудил Фаваронаса лишь через час или около того после восхода солнца, а затем отправил его собирать различные предметы, не утруждая себя разъяснениями их назначения. Пока Фаваронас собирал гравий и длинные ветки деревьев, он наблюдал за своим тюремщиком.

Явно из ниоткуда (так как у него не было с собой багажа), Фитерус произвел теодолит и тонкую треногу. Он установил его, тщательно выровняв с далеким Тимпанумом. Затем он перемещался с места на место, делая записи на куске пергамента небольшим кусочком угля. Он так долго занимался этим, что Фаваронас, собрав требуемое количество камней и веток, устроился в сторонке и заснул.

К счастью, он не был срочно нужен Фитерусу, и смог отдохнуть несколько часов, прежде чем колдун снова разбудил его. Подняв его, колдун общался почти доброжелательно.

«Вставай», — сказал он. — «Узри чудо, которое не видела ни одна живая душа последние четыре тысячи лет!»

Фаваронас покорно поднялся на ноги. Солнце находилось низко над западными пиками, сверкающий диск, висящий между густым слоем облаков сверху и серыми горами снизу. Его свет наполнял долину насыщенным золотистым сиянием. Прикрывая глаза от ослепительного блеска низкого солнца, Фаваронас видел, что Тимпанум в сердце долины светился отраженным солнечным светом. Несомненно, приятное зрелище, но явно не то, над чем так упорно трудился колдун, чтобы лицедреть. Тем не менее, Фитерус застыл на месте. Возможно, лишь маги могли видеть это...

Фаваронас открыл рот.

По мере того, как садилось солнце, монолиты по всей Инас-Вакенти начали светиться ярко-красным. Тысячи каменных блоков горели огненной мозаикой. Солнце опустилось еще ниже, и отраженное сияние стало столь интенсивным, что Фаваронасу пришлось прикрыть глаза рукой, и наблюдать зрелище сквозь пальцы. Его прищуренные глаза слезились, показывая финальное открытие.

Когда отдельные точки темно-красных огней слились вместе, они сформировали изображение. Не картину, не надпись, а некое подобие огромного иероглифа. Он не слишком хорошо его видел. Смотреть на массив сияющих монолитов было сродни тому, чтобы глядеть прямо на полуденное солнце. Но он получил представление о сложном переплетении волнистых линий и отдельных точек. Довольно странно, но оно напомнило ему сиванестийское нотное письмо, но из древнего искусства.

Этот эффект длился лишь несколько секунд. Солнце продолжило свое путешествие вниз, и сверкающий иероглиф погас, оставив лишь лес слабо светящихся камней. На дно долины вторглась линия сумерек, медленно погружая в тень монолиты.

«Изумительно», — выдохнул Фаваронас. — «Это случается каждый год в этот день?»

Колдун наградил его презрительным взглядом. — «За исключением облачных дней, это случается каждый закат, но можно наблюдать лишь с этой конкретной точки долины».

Фаваронасу это казалось неправдоподобным, учитывая его знания о движении небесных тел на протяжении года, но следующие слова Фитеруса объяснили противоречие: не

обошлось без магии.

«Сияющий знак», — сказал колдун, — «не естественного происхождения, и ни один смертный разум не может запомнить его подробности. Я должен сделать его отпечаток, когда он появится. Это ключ к моему поиску».

В памяти Фаваронаса эхом отозвались слова привидения: «*Завладей ключом до того, как откроется дверь*».

Фитерус дал ему новые инструкции. Он хотел разжечь небольшие костры в определенных точках Лестницы. Фаваронас понесся собирать трут. Он сделал несколько ходок, сваливая пригоршни сухих листьев и хвороста на блок высотой по пояс из темно-синего базальта. Наверху этого блока была неглубокая выемка. Пока Фаваронас бегал и носил, Фитерус из недр своей массивной мантии извлек крошечные пузырьки и небольшие замшевые мешочки. Он разместил их наверху каменного блока, а затем добавил большую блестящую монету и маленький брелок на цепочке. Фаваронас ухитрился пройти достаточно близко, чтобы идентифицировать монету как кхурский *бигон*, кусочек серебра, чье имя переводилось как «батон хлеба». На брелоке и цепочке была тусклая черная патина, и архивариус сделал вывод, что они тоже должны были быть серебряными. Брелок напоминал четвероногое животное, возможно, кошку.

Когда Фаваронас разжег огонь, Фитерус приказал ему найти воды. Желудок Фаваронаса выбрал этот момент, чтобы издать громкое ворчание. Он не мог вспомнить, когда ел в последний раз.

«Поделиться с тобой своим пайком, эльфийское отродье?»

Фаваронас отвел взгляд от насмешливого голоса и пустого капюшона и отправился на поиски воды.

Во время подъема они не проходили никаких ручьев. Ему придется подняться выше. Сильно сопя, он поднялся по крутому склону позади Лестницы. Солнце село, и нараставшая темнота все сильнее затрудняла его поиски. Он шарил среди колючего кустарника и заглядывал под каменные выступы. Все, что он обнаружил, лишь клочки жесткого лишайника.

Сделав паузу, чтобы передохнуть, он посмотрел вниз на Лестницу. Мысль о побеге была соблазнительной, но он не мог набраться храбрости. Фитерус был не в лучшей физической форме, чем он, и, скорее всего, не смог бы поймать его пешком. Но колдун мог швырнуть в него молнию, или ослепить его, или парализовать. Фаваронас содрогнулся от нарисованных его воображением возможностей. Если бы на его месте был воин, он мог бы воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы бежать или убить своего тюремщика. Фаваронас же не был воином.

Не только страх удерживал его. Будучи измученным и обессиленным, он цеплялся за слабую надежду, что мог бы расстроить злодейские интриги Фитеруса. Возможно, он смог бы еще послужить своему народу.

Какая-то сила дернула его за подол мантии, выводя из равновесия и заставляя лихорадочно махать руками, чтобы не упасть. Невидимая рука Фитеруса манила. Фаваронас поспешил обратно вниз по склону горы, и сообщил о своей неудаче в поисках воды.

«Жаль. Придется использовать запасы питьевой».

В горле у Фаваронаса ужасно пересохло, но он благоразумно промолчал.

Колдун толк порошок в углублении наверху базальтового блока. Потускневшее серебряное ожерелье и *бигон* Фитерус положил в неглубокую кастрюлю. В эту же кастрюлю

он налил жидкости из глиняной бутылочки. Серебряные изделия зашипели и покрылись пузырьками, ужасной вонью наполняя вечерний воздух. Какой-то купорос. Фаваронас стал с подветренной от него стороны.

Содержимое их единственной бутылки с водой отправилось в горшочек. Фитерус всыпал в него смешанные им порошки, а затем добавил шипящее зловонное содержимое неглубокой кастрюли. Купорос полностью растворил серебряную монету и ожерелье.

Поднялся легкий бриз, и пламя заколыхалось. Резкий приказ Фитеруса заставил Фаваронаса поспешно подкинуть еще дров.

Следом Фитерус извлек пергамент, один очень длинный цельный лист. — «Поставь этот горшочек на огонь», — сказал он. — «Поддерживай огонь средней интенсивности. И следи за тем, что делаешь! Прольешь этот горшочек, и тотчас умрешь!»

Фаваронас осторожно поместил горшочек рядом с костром. Едкая смесь продолжала вращаться, словно помешиваемая невидимой рукой. Ее ядовитые испарения заставили Фаваронаса закашляться. Фитерус указал на него пальцем, и архивариус с ужасом почувствовал, как его губы снова запечатались. Он принялся быстро вдыхать и выдыхать через нос и попятился к дальнему краю платформы, но Фитерус с ним не закончил. Палец снова указал, и ноги Фаваронаса сплывали в лодыжках. Как и с его ртом, не было никаких внешних стыков. Его лодыжки были соединены вместе, словно он с такими и родился. Застигнутый врасплох, он потерял равновесие и упал.

Свиток оказался достаточно длинным, чтобы протянуться от края до края Лестницы. Разворачивая его, Фитерус воспользовался собранными Фаваронасом камнями и ветками деревьев. С некоторым промежутком, вдоль всей длины пергамента он установил длинные и тонкие ветки, подперев каждую кучкой камней. Он поднял пергамент, повернул его на бок и вплеп в естественные вилки из веток. С помощью клочков ткани от своей мантии и коротких веток, он смастерил самодельную кисточку и погрузил ее в медленно кипящую на костре жидкость. Он размазал жидкость по вертикальному листу пергамента, покрывая лишь обращенную к долине сторону. Затем он устроился у угасающего костра.

«Теперь поглядим, что мы увидим».

Взмахом руки он закрыл и запечатал веки Фаваронаса. Это был новый ужас. Слепший, лишенный рта, обездвиженный, Фаваронас кричал вопреки своей собственной плоти, пока больше не мог уже кричать.

Солнце омывало город мягким золотистым теплом. Деревья раскинули свои тенистые сени над широкими улицами и узкими дорожками. Над деревьями высились башни и другие здания, не состязаясь с ними, а сосуществуя в тесной гармонии. Теплый камень выгодно подчеркивал зеленую листву, в точности соответствующую зеленому медному покрытию крыш башен. По внешним углам города поднимались четыре особенно высокие башни. Арки кристаллических мостов, тонких, словно тесьма, соединяли все четыре башни и сверкающей короной окружали город.

С высокой точки обзора верхней террасы дворца Квалиност казался нереальным в своей безмятежности и неопишуемой красоте. Гилтас в одиночестве стоял на террасе, глядя на город, которым правил. Его переполняло такое умиротворение, что он чувствовал, что его сердце готово взорваться от несказанной радости. Он бы с удовольствием остался здесь навсегда, впитывая этот вид. Однажды он прочел, что, когда императоры старого Эргота скончались, их тела с помощью магии были обращены в каменные статуи. Возможно, когда его собственная жизнь подойдет к концу, он мог бы стать статуей, и быть помещен здесь, вечно обозревая город и его жителей.

Улыбаясь, он бранил себя за такие нездоровые мысли. Обязанностью Беседующего было жить. Как бы сильно он не хотел задержаться, государственные дела не могли ждать. Он задержался еще лишь на минуту, впитывая синеву неба и бесконечное разнообразие зелени деревьев, глубоко вдыхая доносимые ветром ароматы жасмина и цветения апельсиновых деревьев. Наконец, он неохотно отвернулся, его пальцы протянулись в последний раз коснуться гладкого дерева балконных перил.

Во дворце кипела деятельность. Слуги быстро передвигались по боковым проходам, неся еду и питье, тюки белья, горшки с живыми цветами. В главных проходах стояли на страже солдаты королевской гвардии, в то время как всевозможные личности бродили по элегантным залам. Ежедневная аудиенция у Беседующего скоро начнется, и ищущие благосклонности уже занимали места.

Из приморских провинций прибыли одетые в парусиновые штаны моряки со скрученными картами. Они хотели королевской поддержки в торговых путешествиях в дальние земли. Парочка эмиссаров из Торбардина и троица из Эргота стояли в личном конклаве. Двое гномов не были родственниками друг другу, тем не менее выглядели зеркальным отражением: у каждого густая рыжая борода, нос картошкой и зеленые глаза. Эрготцы сохраняли имперский заносчивый вид, хотя их империя давно закатилась. Соламнийские рыцари, широкоплечие и вечно серьезные, неспешно беседовали с пышно одетыми торговцами из Палантаса.

Гилтас кивал и улыбался каждому, но мало кто приветствовал его в ответ. Он привык к этому. Для всего мира он был дураком и мечтателем, Королем Марионеткой, за чьи нити дергал префект Палтайнон. Якобы советник Беседующего, Палтайнон был поставлен нерацскими рыцарями как настоящая власть в Квалиности. Сперва та легкость, с которой все приняли роль Гилтаса как слабака, беспокоила его. Он знал, что невысказанной причиной того, что большинство верили, что он простофиля, являлось то, что он не был чистокровным эльфом. Его отец, доблестный Танис, был наполовину человеком. Хотя родословная Гилтаса в остальном была безупречна, многие считали, что его явная покладистая натура досталась

ему от человеческой испорченной крови.

Он отложил свое беспокойство. Король Марионетка был маскарадом, необходимостью, если он хотел сохранить свой народ. Однажды мир узнает правду. Однажды они увидят его истинную сущность. Совсем другой Гилтас поведет эльфов Квалиности к миру, свободе и процветанию.

Реакция чужеземцев больше не беспокоила его. Однако, когда несколько важных сенаторов прошли мимо него, не сказав ни слова, он возмутился. Когда его давний телохранитель и слуга Планчет прошествовал мимо, даже не удостоив кивка, возмущение переросло в гнев. Он обернулся и окликнул Планчета, но его преданный друг даже не обернулся.

«Он тебя не слышит».

Кто-то стоял в тени одной из поддерживавших высокий потолок колонн. Он шагнул на свет, оказавшись эльфом выше среднего роста. У него были русые волосы и изящные высокие уши, типичные для старейших семейств Сильванести. Гилтас был захвачен врасплох. Никто из Сильваноста очень долгое время не появлялся при его дворе. Еще необычнее было то, что посетитель был одет удивительно старомодно, словно воин из одного из сильванестийских эпосов. На нем была ленточная кираса, отдельные наплечники и кольчужный килт вместо кожаных штанов. Руки были закрыты короткими замшевыми перчатками. Его глаза были приковывающего внимания оттенка голубого. Гилтас никогда не видал у эльфа, даже у сильванестийца, таких ясных глаз.

«Кто вы?»

Незнакомец сделал глубокий поклон. — «Приветствую, Великий Беседующий. Меня зовут Балиф, Повелитель Талас-бека и Первый Воин Дома Защитников».

«У вас древнее имя, милорд. Я полагал, оно давно уже не в чести у сильванестийцев».

Лорд Балиф улыбнулся. — «Так и есть».

Гилтас указал на толпу позади себя. — «Что здесь происходит? Почему меня игнорируют?»

«Они не игнорируют вас. Они вас не видят и не слышат».

Гилтас спросил причину этого. Было наложено какое-то заклятие, чтобы сделать его невидимым? Он хотел, чтобы это немедленно прекратилось, и был восстановлен должный порядок. Балиф пожал плечами.

«Я не могу изменить случившегося. Я пришел проводить тебя. Я просил об этой привилегии, и она была дарована».

«Проводить меня куда? Говорите понятнее, сэр!»

Выдающиеся глаза омрачились грустью. — «Я — Балиф, правая рука Беседующего Сильваноса. Ты понимаешь? Я тот, кто расширил королевство, принеся штандарт Сильваноса к великим северным горам, сражался...»

Смех Гилтаса прервал его. — «Потребуется не просто античные доспехи и необычный акцент, чтобы убедить меня в таком вздоре. Что случилось, почему Кит-Канан не пришел?» — пошутил Гилтас.

«Он не может», — ответ был крайне серьезен. — «Вы встретите его, если пожелаете. Он эльф среди эльфов».

Это было чересчур. Гилтас отмахнулся от безумца и направился прочь. — «Играй свои игры с кем-нибудь другим. Мне нужно заботиться о королевстве».

«Нет, не нужно».

Улыбка на лице Гилтаса замерла, и он оглянулся. — «Что ты сказал?»

«Этого королевства больше нет. Пока мы беседуем, вы лежите, умирая, на соломенной постели в Долине Молчания».

Несмотря на эти возмутительные слова, Гилтас не рассмеялся. Спокойная уверенность в голосе незнакомца заставила его задуматься. Но дворец вокруг него был материален, его волос касался слабый ветерок при прохождении придворных, и он цеплялся за реальность, которую видел.

«Если вы — Балиф, почему так хорошо выглядите? Герой Сильваноса был поражен ужасным проклятием и умер в изгнании».

«Моя смертная жизнь давно закончилась. Моя внешность такая, какой я ее выбрал, так же, как и ваша. Сейчас вы выглядите полным сил и здоровья, но на самом деле, вы практически кожа и кости, и едва можете дышать, ваши легкие сильно испорчены».

Отрицая все это, Гилтас снова собрался отвернуться, но Балиф взял его за руку. С мягким, но непреклонным давлением, рука Гилтаса была поднята к его собственному горлу. Бившийся там пульс, и в самом деле, было очень медленным, очень затрудненным.

«Ваша жизнь угасает. Когда это случится, вы сможете проследовать со мной в следующий мир».

«А если я откажусь?»

«Тогда вы будете вечно странствовать по этой земле, еще одна неуспокоенная душа в Долине Молчания».

Гилтас вспомнил ужасающее одиночество, которое он ощущал в призраках долины. Это воспоминание пришло вместе со всеми остальными. Его любимый город, дворец, все эти люди — они не были плодом магии, а лишь созданными им самим иллюзиями. Его город был стерт с лица Кринна. Одинокое и смертельно болезненное, его сознание отыскивало несколько последних мгновений мира перед тем, как поддаться смерти.

«Не так я ожидал умереть», — прошептал он.

«Так редко бывает. Пойдем».

Гилтас уклонился от протянутой руки Балифа, но проследовал за сильванестийцем в тронный зал. Свободный от посетителей, зал был не больше, чем эхом в его сознании, слабой копией того, что было утеряно навсегда. Балиф запрокинул голову, оценивая огромные размеры зала и колонны из золота и полированного кристалла, что поднимались к сводчатому потолку, раскрашенному в тона летнего неба.

«Как красиво», — сказал он, как и все, прежде незнакомые с великолепием Квалиноста.

«Было». — Слезы смочили щеки Гилтаса. — «Могу я кое-что спросить?»

«Можете спросить. А я могу не отвечать».

«Почему ваша судьба такая тайна? Вы были среди величайших эльфов эпохи. Почему вас отправили в забвение?»

Статный сильванестиец наградил его таким пристальным взглядом, что Гилтас подумал, что мог обидеть его.

«Вы отправляетесь в путешествие в неизвестность, и это единственный терзающий вас вопрос?» — произнес Балиф.

Гилтас смущенно пожал плечами. — «Мне всегда это было интересно».

Балиф поведал историю своего возвышения, своего падения и о своей жизни после того падения. Многие из этого соответствовало слухам и предположениям, в которые был посвящен Беседующий с Солнцем и Звездами, но причина и финальные последствия

изгнания Балифа потрясли его до глубины души. Он отвел взгляд, на пол, колонны, куда угодно, лишь бы не на тень древнего героя.

«Мне жаль тебя», — сказал он.

«Как только ты покидаешь мир смертных, жизненные заботы становятся всего лишь суетой и абсолютно неважны. Так было со мной, так будет и с тобой. Пойдем, осталось мало времени».

Трон Квалиности стоял на помосте, омываемый золотистым светом. Его позолоченная спинка, вырезанная в форме солнца, отражала свет с болезненной яркостью. Балиф протянул руку к пустому креслу.

«Вот ваш портал, Беседующий с Солнцем и Звездами. Вам нужно всего лишь воспользоваться им, и все ваши заботы закончатся».

Все его заботы закончатся. Это одновременно утешало и ужасало. Гилтас не хотел умирать, не хотел покидать Кериансерай. И так много осталось несделанного. Храбрый страдающий народ нуждался в его предводительстве. Но он был так болен. Иллюзия или нет, ощущение свободного дыхания было пьянящим. Он ощущал себя молодым и здоровым, как и следовало. Все, что ему нужно было сделать, это сесть на свой трон и борьба закончится.

Звук голосов тянул его ближе к помосту. Голоса шли от сияющего трона, говоря все разом, но не в унисон. Этот звук напоминал рокот океанских волн, ритмично и успокаивающе поднимаясь и опускаясь. Скоро он станет частью этого звука, его собственный голос вольется в этот хор мертвецов.

Следопыт.

Он остановился. Этот голос пришел не из трона. Он неуверенно бросил взгляд на Балифа. Сильванестиец вглядывался в дальний конец иллюзорного зала. Там не было видно совсем ничего. Изображение зала приемов просто таяло в темноте.

Гилтас Следопыт, вернись!

Голос был незнакомым, но сильно тянул его. Его нога, поднятая, чтобы шагнуть на помост трона, снова опустилась на пол.

«Идем», — торопила тень Балифа. — «Присоединяйся к нам».

Он хотел, хотел стать единым с такими величайшими эльфами прошлого, как Кит-Канан, Балиф, Сильванос, Сильверан, и с теми, кто был очень дорог его сердцу — его отцом и его матерью, которая погибла вместе с Квалиносом, чтобы спасти всех их. Это счастливое воссоединение требовало от него сделать единственный шаг на помост и сесть на свой трон.

Гилтас Следопыт, именем богини, я приказываю тебе! Вернись!

С понимающей улыбкой, Балиф сказал: «Ступай с богами Великий Беседующий. Больше ты меня не увидишь».

Тело сильванестийца побледнело до полупрозрачного силуэта, а затем исчезло. Все вокруг Гилтаса, напоминавшее красоту Квалиноста, также растворилось, становясь сбивающим с толку беспорядочным нагромождением серого и коричневого, прежде чем постепенно превратиться в лоскутную крышу его палатки в Инас-Вакенти. Над ним плавало лицо женщины-человека. Завитки белых волос обрамляли сморщенное обеспокоенностью лицо.

Губы женщины шевелились, но он не мог разобрать слов. Делая дрожащий вдох, он прохрипел: «Что?»

Женщина резко скрылась из его поля зрения, и ее место занял кто-то, кого Гилтас знал. Кериан, обветренная и загорелая, стала на колени у его постели и взяла его лицо в свои руки.

«Кто тебе сказал, что ты можешь умирать?» — прерывисто произнесла она. В ее глазах блеснули слезы, и Гилтас забеспокоился. Львица никогда не плакала на публике.

«Не плачь, любовь моя», — проскрежетал он. — «Я встретил Балифа. Он поведал мне свою правдивую историю».

Она обозвала его дураком, и он улыбнулся, довольный, что развеселил ее.

Этот глубоко личный момент нарушило возвращение женщины-человека. Он положила ему на лоб влажную тряпку. Кериан представила ее как Са'иду, верховную жрицу Храма Элир-Саны.

«Она спасла тебе жизнь», — добавила Кериан.

Он чувствовал странную противоречивость от того, что был спасен. В руках у него была вечная слава Квалиноста. А теперь у него была лишь стерильная безысходность Молчаливой Долины.

Нет, не только это. Он взял Кериан за руку. Его собственная была холодной, но ее была теплая как солнышко.

«Ты слышала, как я звал тебя?» — спросил он. — «Я воспользовался каменной платформой».

«Конечно. Я прибыла так быстро, как только могла», — ответила она, улыбаясь.

Его глаза закрылись, и Кериан посмотрела на Са'иду. Жрица сжимала кулон, который носила на шее. Обычно, этот амулет из золота и сапфира был скрыт у нее под мантией, но сейчас она крепко держала его в правой руке. Глаз Элир-Саны, символ богини-целительницы.

«Он будет отдыхать. Его душа едва не отбыла, но он вернулся». — Са'ида рассматривала истощенное тело Беседующего. Эльфы от природы были стройными, более грациозной расой по сравнению с людьми, но Беседующий с Солнцем и Звездами выглядел не больше, чем скелетом под тяжелыми одеялами. Во сне он выглядел еще хуже, чем многие виденные ей трупы. Она покачала головой. — «Чахотка — отвратительная болезнь среди моего народа. У вашего же она омерзительна».

Кериан отвернулась. Реакция Са'иды заставила ее взглянуть на Гилтаса новыми глазами. Милосердная Э'ли, они прибыли как раз вовремя!

В палатке Беседующего было много народу. Кериан кивнула Трусанару, и он ответил на этот жест взглядом разгорающегося облегчения. Повернувшись, он оттеснил остальных на более уважительное расстояние. Атмосфера отчаянной неопределенности сменилась осторожным оптимизмом.

Кериан коснулась лица своего мужа. Оно сильно вспотело, но было заметно холоднее, чем когда она прибыла. Са'ида мягко но настойчиво оттянула ее от спящего мужа. Они вышли из тесноты палатки на прохладный утренний воздух.

«Он исцелился?» — спросила Кериан.

Верховная жрица потеряла руки, неуклюже сгибая пальцы, словно они причиняли ей боль. — «Это не было исцелением, леди. Беседующий был на краю пропасти; я проводила его обратно домой, вот и все».

Она пояснила, что Беседующему потребуется курс лечения. Его исцеление будет долгим и сложным процессом. Чахотка была глубоко сидевшим недугом. Требовалось уничтожить корень и ветви, иначе она вернется.

«Ты сказала ему?» — спросила Са'ида.

Кериан, все еще переваривавшая сказанное жрицей, растерялась. — «Сказала кому?»

Что?»

«О ребенке, которого носишь».

Львица была потрясена, и Са'ида сразу поняла, что та не знала о своем собственном положении. Жрица извинилась, что так прямо преподнесла эту новость.

«Откуда ты знаешь?» — хрипло спросила Кериан.

Са'ида пожала плечами. — «Я — верховная жрица Элир-Саны».

Кериан на дрожащих ногах подошла к ближайшему бревну и села. Ребенок! Ее разум отказывался признавать очевидное, но она знала, что Са'ида не стала бы вводить ее в заблуждение по такому важному факту.

Рука жрицы легла на ее плечо. — «Не выгляди такой напуганной», — дружелюбно сказала она. — «Это наиболее естественная вещь в мире».

Естественная для кого-то, но для Львицы? Основы ее мироустройства закачались под ногами, и Кериан не знала, как справиться с этим.

«Материнство», — произнесла она, и это слово прозвучало для нее более странно, чем все, повстречавшееся ей в Инас-Вакенти.

* * *

Снаружи кольца каменных столбов и костров, лагерь внимательно изучали недружелюбные глаза. Свесив черный язык, зверь, бывший принцем Шоббатом, притаился под небольшим деревом. Его живот сводило от голода. До того, как прийти в долину, он охотился на кроликов и белок. В долине же не было ничего. Он был уверен, что *улэددэд* должна была быть еда. Проникнуть внутрь будет не так легко. Органы чувств *лэددэд* были намного острее, чем у людей, но и его тоже, к тому же, он стал намного незаметнее, чем когда был человеком.

Он не долго спорил с собой. Его пустой желудок брал верх над любыми сомнениями. Приподнявшись на лапах, он припустил между редкими деревьями. Было очень раннее утро, и высокие горы затеняли долину, но он держался низин, чтобы не рисковать, демонстрируя эльфийским глазам свой силуэт. К несчастью, он не смог найти легкого доступа. Окружавшие эльфийский лагерь укрепления равномерно патрулировались.

У перекрывавшей проем между двумя высокими монолитами баррикады лениво опирались на свои копыта пара дежуривших эльфов. Их внимание в лучшем случае было рассеянным. С тех пор, как Беседующий встретился с блуждающими огоньками несколько ночей назад, призраки Инас-Вакенти больше не появлялись. Зловещая тишина по-прежнему окутывала долину, но отсутствие привидений сильно поспособствовало снижению эльфийских страхов. Для гражданских добровольцев караульная служба стала рутинной. Самой трудной частью работы было не заснуть.

Один из часовых распрямылся и сдвинул шлем со лба назад.

«Ты видел это?» — спросил он.

Его товарищ ничего не видел, кроме своих собственных пониклых век. — «Что?» — пробормотал он.

Первый часовой указал на овражек примерно в тридцати метрах от них. — «Оно вошло туда», — сказал он. — «Выглядело как собака. Большая собака!»

Последовал спор. Оба эльфа знали, что в Инас-Вакенти не было собак, но первый

продолжал настаивать, что не ошибался. Чем-бы оно ни было, он что-то видел. Спор разгорался, но он оставался непреклонен. Он отправился отыскать капитана ночной стражи и доложить о виденном.

Зверь заметил уход часового. Остался лишь один эльф, и барьер в этом месте был лишь высотой по грудь, сложенный из отдельных камней. Он не смел надеяться на шанс, лучше этого. Припав животом к земле, он крался вперед. Вскоре он оказался достаточно близко, чтобы слышать потрескивание костров и ощущать запах горящего дерева. Еще он чувствовал запах *лэддэд*. В отличие от едкого запаха немых людей, аромат *лэддэд* словно стог сена благоухал сухой травой. Подобрал длинные ноги, Шоббат прыгнул.

Он ударил часового *лэддэд* в спину, и они вдвоем упали. Челюсти Шоббата сомкнулись на горле *лэддэд*. Как легко было бы разорвать эльфа на части. Часть его жаждала попробовать вкуса горячей крови, но в нем оставалось еще достаточно человеческой сущности, чтобы сопротивляться подобной жестокости. Он продолжал держать, пока *лэддэд* не потерял сознание от недостатка воздуха.

Спеша, Шоббат держался теней, избегая костров и патрулировавших лагерь групп бдительных *лэддэд*. Его острых нюх уловил аромат копченого мяса. Он последовал за соблазнительным запахом. Один раз он едва не наткнулся на нескольких конных воинов. Всадники не заметили его, в отличие от их коней. Передняя пара попятилась и забила подкованными копытами. Шоббат поспешно скрылся в глубокой тени между двумя большими палатками. Всадники успокоили своих скакунов и продолжили путь.

Нос Шоббата наконец привел его к круглой палатке с конической крышей. Ее охраняла пара вооруженных копьями *лэддэд*, прогуливавшихся в противоположных направлениях. Было просто пройти мимо них. Он подождал, пока они встретились и двинулись дальше, а затем рванул к палатке. Он сунул нос под ткань и протиснулся под ней.

Внутри палатка была темной и полной аппетитных запахов. Над ним висели пять козих окороков. Шоббат сорвал один, и немедленно с жадностью съел. Когда он попятился, чтобы стянуть второй, то увидел, что остались лишь три, а не четыре. Мгновенно насторожившись, он лег на живот. Хотя он всматривался и вслушивался на пределе своих звериных чувств, Шоббат не обнаружил никого внутри палатки. Возможно, он изначально неверно посчитал. Мясо было твердым и сухим, почти как дерево, но для голодного желудка Шоббата это была божественная амброзия. Он стянул второй окорок, чтобы съесть его. Шоббат собирался взять с собой последние два. Пока он ел, он поднял взгляд.

Оставался лишь один окорок.

Он похолодел. Он мог обсчитаться один раз, но не два. Мясо исчезло, хотя он стоял прямо под ним. Не отрывая глаз от последнего висевшего окорока, он попятился, пока не наткнулся на стенку палатки. Воздух вокруг окорока задрожал. Туда-сюда засновали крошечные искорки света. Они сосредоточились на козьей ноге, окружили ее слабым пурпурным ореолом. Свет погас. Когда он исчез, то же самое было и с мясом.

Тот же самый феномен начал кружиться вокруг недоеденного окорока на земле. Не желая позволить своему обеду исчезнуть, Шоббат прыгнул на кусок мяса. Схватив его зубами, он принялся энергично трясти. Искрящаяся аура рассеялась, оставив в покое его еду. К несчастью, его шумные движения привлекли внимание стражников. Они вбежали внутрь, у одного был факел в руке. Увидев его стоящим посреди палатки, со свисавшим в зубах недоеденным козьим окороком, они позвали на помощь. Шоббат галопом пронесся мимо них, расталкивая.

Снаружи он тотчас оказался в кольце воинов. Если бы они были конными, он бы погиб под копытами их коней. Так как они были пешими, то смог проскользнуть между ними и спастись.

Позади него поднялся шум и крик. Мимо его головы просвистела запоздалая стрела. Шоббат прижал уши и побежал изо всех сил. Грохот копыт слева направил его в противоположную сторону, в скопление палаток. Он прокладывал путь между ними, оставляя позади хаос и получая удары инструментами из рук перепуганных *лэддэд*. Один отважный юноша попытался преградить ему путь с заряженным арбалетом. Шоббат, все еще крепко сжимавший в зубах козий окорок, перепрыгнул через голову юноши, оставив того в бессильном изумлении глядеть ему вслед.

Он завернул за угол и выскочил на широкую улицу, выбрав ее, так как она не была освещена кострами. Он быстро понял свою ошибку. Несколько *лэддэд* стояли снаружи очень большой лоскутной палатки. Шоббат врезался в них до того, как понял, что они были там. Было довольно удивительно оказаться лицом к лицу с генералом Хамарамисом, командующим армией хана *лэддэд*, и Кериансерай, воительницей и женой хана, но личность другой женщины в этой группе была еще более поразительной. Са'ида, верховная жрица Элир-Саны.

Впервые став зверем, Шоббат направился в Храм Элир-Саны в поисках помощи, чтобы вернуться к своему истинному виду. Вместо этого, верховная жрица прогнала его. Забыв про голод, Шоббат выронил козий окорок, обнажил желтые клыки и зарычал на Са'иду.

Кериан и остальные воины обнажили мечи. Крики и топот бегущих ног подсказали Шоббату, что преследовавшая его от палатки с провизией толпа тоже прибыла.

«Стойте!» — Голос Са'иды перекрыл гам, заставляя всех замолчать. — «Это не обычный зверь. Он здесь такой же чужак, как и мы». — К всеобщему изумлению, она назвала имя Шоббата.

Шоббата сотрясала ярость. Он бы убил жалкую женщину за то, что она отказалась ему помочь, но лес обнаженных клинков перед ним и рассерженная толпа позади вносили свои поправки.

«Не... убивайте... меня!», — проскрежетал он, опуская голову.

Со стороны *лэддэд* послышались возгласы изумления, и Са'ида сказала: «На нем проклятие могущественного колдуна».

«Фэй'трус!» — прошипел Шоббат, энергично кивая головой. — «Убить Фэй'трус!»

Лэддэд перед ним зашептались между собой, и двое отделились, а Кериансерай двинулась к нему, не убирая меча, и его внимание сосредоточилось на ней. — «Ты — наш враг», — сказала она ему. — «Ты причинил неопишуемые страдания своими интригами!»

Она подошла с одной стороны, и он сместился, чтобы держать ее в поле зрения. — «Моя страна... моя корона!»

«Сейчас!» — крикнула она.

Двое покинувших группу эльфов сделали круг, чтобы обойти его с флангов. Они бросились на него с обеих сторон. Позади него была толпа. Ему некуда было бежать, кроме как вперед.

Он рванул, но не к Кериансерай, а к изменнице жрице. За сговор с чужеземцами против своего собственного принца он сделает из ее глаз амулеты.

Са'ида спокойно стояла, ожидая его нападения. В последний момент она подняла руки и произнесла единственное слово. Шоббат застыл в прыжке, словно завязнув в янтаре. Она

развела руки, и его швырнуло в небо, словно снаряд из катапульты.

Он летел кувырком по воздуху. Когда Шоббат, наконец, приземлился в сухой овраг, песок отчасти смягчил падение, но, тем не менее, от удара у него вышибло дух. Он несколько долгих минут лежал, задыхаясь, признательный, что вообще остался жив при таком полете.

Лагерь *лэддэд* был далеким свечением на южном горизонте. Вмешивающаяся не в свои дела Са'ида отбросила его на несколько миль вглубь долины. Она не дала *лэддэд* разорвать его на кусочки, но лишила его козьего окорока и сбила с пути. В ближайшее время Шоббат подберет должное наказание.

Утренний ветерок донес до его носа новый запах. Слабый и зловонный, этот аромат был ему знаком, когда он был еще человеком. Он принадлежал Фитерусу. Колдун прошел этой дорогой.

Бросив последний сердитый взгляд на поднимавшееся пятно дыма костра, обозначавшее эльфийский лагерь, Шоббат рысцой скрылся среди монолитов.

В прохладные предрассветные часы трое эльфов пришли к палатке Беседующего, выбранные Гилтасом для критического задания.

Благодаря помощи Са'иды, его состояние улучшилось. Хотя он все еще был мраморно-бледным и слабым, его лихорадка прекратилась. Способный принимать немного еды, он окреп и впервые за несколько дней покинул свою постель. Трое, которых он вызвал — Кериан, Таранас и Гитантас — обнаружили его сидящим в походном кресле, служившем ему тронem.

Еще кое-кто очень сильно хотел, чтобы его включили в эту группу. Встретившись с Беседующим частным образом накануне вечером, писец Виксона спорила о полезности ее картографических навыков. Гилтас оценил ее энтузиазм и вполне серьезно выслушал страстные доводы, но ему не трудно было догадаться о ее истинной мотивации. С момента из возвращения из туннелей, она практически не покидала Гитантаса, приносила ему еду и питье, заботилась о его слабых ранах. Молодой капитан, занятый своими обязанностями и заботой о грифоне, уделял ей мало внимания, но для Гилтаса была очевидна привязанность к нему Виксоны. Тем не менее, картограф в данном задании не требовался.

Голос Гилтаса был все еще довольно сиплым. Кериан, Гитантас и Таранас напрягались, чтобы расслышать каждое слово на фоне суеты в других концах большой палатки.

«Мы знаем, что колдун Фитерус находится в Инас-Вакенти. Он должен быть найден и обезврежен».

Не было похоже на Беседующего смягчать слова. Кериан, уверенная, что это Фитерус швырнул ослепившую Орлиного Глаза молнию, сказала прямо: «Ты имеешь в виду, убить его».

«Я имею в виду, он должен быть обезврежен. Если он может быть выведен из игры любым другим способом невредимым, этого достаточно». — Гилтас покашлял, чтобы прочистить горло. — «Делайте, что должны, чтобы защитить свой народ».

Каждый из них по-своему понял его инструкции. Кериан лично для себя решила заполучить голову колдуна. Гитантас, сражавшийся в Кхури-Хане с монстрами Фитеруса, предположил, что Беседующий хочет, чтобы тот предстал перед лицом королевского правосудия. Таранас, не сталкивавшийся лично с Фитерусом, последует за Львицей. Он спросил, что делать с тем человеком, которого нашел в туннелях Хамарамис.

Кериан опознала в Джералунде одного из захваченных Портиосом неракских солдат, взятых в Бианост, как часть уловки, чтобы освободить город от бандитов. Испытывавший облегчение от того, что его узнали, Джералунд отбросил свой вид «простого охотника», но отказался сообщить, зачем находился в долине. Он помог освободить Кериан от бандитов в Бианосте, планировавших казнить ее, но его молчание о цели пребывания в Инас-Вакенти вызывало беспокойство.

Она посоветовала держать его под стражей. — «Он честный человек, для человека, но мы не знаем его намерения и не можем рисковать, позволив ему бежать».

Гилтас был того же мнения. — «Скорее всего, он вражеский шпион или разведчик, неважно, как на это смотреть. Скорее всего, тысячи ему подобных прочесывают все углы и закоулки между Корталом и Оплотом в поисках нас».

Таранас с Гитантасом попрощались с Беседующим, подобрали свое снаряжение и ушли.

Кериан задержалась, чтобы сказать «до свидания» наедине.

«Я думала, святая госпожа вылечит тебя к этому времени», — сказала она, нахмурившись, когда его снова скрутил кашель.

«Инфекция глубоко засела. Но не волнуйся, сердце мое, я буду здесь, когда ты вернешься». — Он коснулся кончиками двух пальцев ее пока еще плоского живота. — «Вы оба».

Она положила свою руку поверх его. — «Ты рад этому?»

«Это лучшие новости за все время с прибытия в Инас-Вакенти. А ты рада этому?»

Он знал, как она была глубоко потрясена откровением жрицы, как трудно для нее было представить, что у нее будет ребенок. Выражение лица Кериан отражало терзавшие ее сомнения, и он постарался успокоить ее.

«Не бойся».

«Я не боюсь!» — Настойчиво заявила она. — «Ну, не особо».

Кериан наклонилась и поцеловала его в лоб. Едва она отошла от него, Трусанар поспешил через всю палатку, готовый подставить руку, если потребуется поддержка. После короткой аудиенции, Гилтас был отправлен на несколько часов в постель.

Кериан нагнала остальных, когда те направлялись из лагеря. Они путешествовали пешком. Ни Кериан, ни Гитантас не хотели рисковать, делая своих грифонов мишенями для еще одной молнии, а все лошади требовались для кавалерии. Да и в любом случае, практичнее будет выследить неуловимого Фитеруса пешком. Скрытность была важнее скорости. Их лучшим шансом победить колдуна было захватить его врасплох.

Троица направилась в сторону расцветающего неба. У Львицы было общее представление, где им следовало начать поиски, основываясь на источнике брошенной в нее молнии, и она взяла ровный темп, который они могли поддерживать на протяжении всего дня. Они удалились от раскинувшегося лагеря, ходьба разогнала утреннюю прохладу. Они сняли легкие плащи.

Засовывая плащ в свой небольшой ранец, Кериан задумчиво посмотрела на Гитантаса. — «У тебя есть поклонница», — сказала она. Он ответил пустым взглядом. — «Писец. Виксона».

«Она не мой тип», — отрубил он.

Кериан фыркнула. — «А какой тип твой?»

Вместо того, чтобы отшутиться, молодой капитан глубоко вдохнул и выпалил: «Командир, вы спасли мне жизнь в этих туннелях».

Неоднозначное высказывание сбilo ее с толку. Кериан не присутствовала, когда он рассказывал Беседующему полную историю их приключений в туннелях. Она знала ее лишь в общих чертах. Гитантас пояснил, как звук ее голоса вернул его из неминуемой гибели, разбудил его, когда так много других так и не открыли снова глаза.

Она пожала плечами. — «Беседующий говорит, что мой голос на поле боя может срезать небольшие деревья. Но никто еще не сравнивал меня с божественным хором».

Он продолжал настаивать, что это ему не привиделось, что он лежал бы мертвым в том туннеле, если бы не услышал ее голос. Она собиралась снова пошутить, но что-то в выражении его лица остановило ее. Она увидела не простое упрямство. Когда его глаза ускользнули от ее вопрошающего взгляда, а лицо покраснело, сообразительная Львица уже знала все, что требовалось.

«Виксона умная девушка. Непусти ее. Будь благодарен за этот предоставленный

шанс».

«Говорите как генерал», — кисло ответил Гитантас.

«Говорю как тот, у кого больше любви, чем он заслуживает».

Ушедший вперед Таранас вернулся и присоединился к ним. Лицо Гитантаса было все еще красным, и Таранас спросил, все ли в порядке.

«Кажется, у меня есть поклонница».

После этого непонятного заявления, Гитантас перевел разговор на здоровье своего грифона. Кериан исподтишка наблюдавшая за ним, пока они с Таранасом беседовали, наконец кивнула. Не впервые ей пришлось столкнуться с влюбленным до безумия молодым офицером, и она знала, что со временем Гитантас будет в порядке.

Солнечный диск поднимался над горами впереди. Львица ускорила шаг в сторону тенистых пиков.

* * *

И снова пинок разбудил Фаваронаса. Он был погружен в глубокий сон без сновидений, но поднялся без протеста. Удивительно, как быстро привыкаешь к подобному обращению, как трогательно признательным можно быть за возможность пользоваться ногами, глазами и ртом.

«Поднимайся вверх по склону», — сказал ему Фитерус. — «Не спускайся, пока я не скажу, что можешь».

Фитерус создал забор из пергамента высотой по грудь, вставленный в оправу из веток деревьев, и образующий дугу позади центрального пьедестала в дальнем конце уступа. Он раскрасил пергамент прозрачной жидкостью, которую сделал из серебра, смешанного с другими ингредиентами. Помощь Фаваронаса не требовалась. Фитерусу пришлось самому проделать эту работу, и каждый дюйм свитка должен был быть увлажнен. Теперь Фаваронас должен был оставить угасающий костер и убраться с Лестницы. Малейшая случайная тень могла разрушить усилия колдуна.

Место, куда прогнали Фаваронаса, было узкой каменной пирамидой в нескольких метрах над лестницей. Оно пока еще находилось в глубокой тени. Он дрожал, крепко обнимая себя руками. Западные горы были позолочены солнечным светом. Небо сменило свой цвет с темного индиго на бледно-голубое, по нему плыли редкие высокие сухие облака. Фитерус стоял на вершине пьедестала, подняв вверх руки. Рукава его мантии соскользнули вниз, обнажив узкие запястья и предплечья, густо покрытые рыжевато-коричневыми волосами. Фаваронас отвернулся. Как и у всех чистокровных эльфов, у него не было волос на теле, и это зрелище было для него отталкивающим. Фитерус произнес нараспев короткое заклинание, а затем скрестил руки на груди и наклонился в сторону долины.

Солнце выглянуло из-за горы у него за спиной. Когда показалась половина его диска, золотистый свет упал на скопление монолитов. Они непрерывно светились, пока солнце преодолеvalo пик. Фитерус кричал, в торопливой последовательности швыряя в небо древне-сильванестийские слова. Фаваронасу пришлось отвести глаза от блеска монолитов, так что он устался на пергамент. Он не заметил каких-либо изменений в длинном рулоне, но Фитерус продолжал свой призыв, пока монументы полностью не погасли. Затем он слез с пьедестала и коротким жестом велел Фаваронасу тоже спускаться.

Подойдя ближе к пергаменту, Фаваронас увидел образовавшиеся на его чистой поверхности черные полосы. Они напоминали следы от ожога, и он чувствовал исходящее от свитка слабое тепло. В то время, пока он разглядывал пергамент, рассеянные штрихи стали более резкими и более различимыми.

«Не касайся его!» — рывкнул Фитерус, и Фаваронас, и не собиравшийся прикоснуться к свитку, поспешно попятился.

Колдун боком шел вдоль всей длины пергаamenta, изучая потемневшие отметины. Он прижимал свою оборванную мантию к телу, чтобы ткань не коснулась свитка. Хотя лицо Фитеруса было скрыто под глубоким капюшоном мантии, его неровное дыхание и восклицания, пока он рассматривал подвергшийся метаморфозе свиток, выдавали его удовлетворение.

«Что это значит?» — тихим почтительным голосом спросил Фаваронас.

«Пока не могу сказать. Результат требует изучения».

«Но для чего это, хозяин?»

«Ты называешь себя ученым! Ты ничего не знаешь, как и весь ваш вид!» — Фитерус сделал широкий жест, по-прежнему остерегаясь касаться пергаamenta. — «Это тайна Инас-Вакенти, свидетельство Потерянных. Когда я расшифрую его, то смогу овладеть огромной мощью этого места!»

«Мощью, оставленной драконьими камнями?»

Едва эти слова сорвались с его губ, как он пожалел о том, что сказал. Фитерус с неожиданным проворством надвинулся на него. Взмах руки опрокинул архивариуса на спину.

«Что ты знаешь о таких вещах?» — прошипел Фитерус.

«Только легенды, которые знает каждый эльф, о Яме, хозяин», — пробормотал Фаваронас. — «О Яме Немис-Осам».

Капюшон изучал его несколько трепетных секунд, а затем отвернулся. — «Ты ничего не знаешь. И тебе не нужно думать. Лишь делай, что я скажу».

Фитерус отвернулся и начал скручивать длинный свиток. Удивляясь, что все еще владеет своими конечностями и органами чувств, Фаваронас сел. Он отчаянно хотел молить колдуна отпустить его. Каменные свитки обратились в пыль. Фаваронас уже не нужен был, чтобы прочесть их. Фитерус получил то, что хотел, свой ключ к секретам долины. Зачем ему мог понадобиться Фаваронас? Какую возможную угрозу мог представлять один истощенный голодный библиотекарь? Незачем и никакую. Может быть, если он попросит должным образом, с достаточным раболепным почтением, может, Фитерус позволит ему уйти.

«Я не позволю тебе уйти», — сказал Фитерус, и рассмеялся при виде выражения лица Фаваронаса. — «Едва ли нужно быть ясновидцем, чтобы разгадать твои мысли. Они написаны у тебя на лице. У меня для тебя есть одно последнее применение, эльфийское отродье. Каждое доброе заклинание требует подопытный объект. Ты будешь первым, ощутившим эффект моего нового могущества, первым, кто будет уничтожен. Так я узнаю, что преуспел».

Свежий ужас охватил Фаваронаса. До этого момента он говорил себе, что Фитерус отпустит его, когда он станет бесполезным. Эту успокоительную фантазию больше нельзя было поддерживать. Он был помечен для уничтожения. Больше нечего было терять.

Фаваронас повернулся и побежал.

Фитерус наблюдал, все эмоции были скрыты под удушливыми складками его мантии.

Он подождал, пока Фаваронас оказался в нескольких метрах от края Лестницы, а затем поднял руку. Ноги Фаваронаса прилипли друг к другу, сплавившись лодыжками, и он покатился. Когда он остановился у низкого каменного холмика, то обнаружил, что его рот запечатан.

Скрип гравия под ногами подсказал ему о приближении Фитеруса. Даже с двадцати метров голос колдуна доносился с поразительной ясностью.

«Не будь таким нетерпеливым встретиться со своей судьбой, эльфийское отродье. Тебе не дано изменить свой жребий».

Из глаз Фаваронаса текли слезы. Фитерус оставил ему зрение, и он с малодушным ужасом наблюдал, как его палач медленно приближался.

«Было бы легко дать тебе умереть здесь, лежа на животе. Но твоя смерть может послужить высшей цели. Хотел бы я поменять вас местами с Беседующим с Солнцем и Звездами, но вряд ли он попадет в мои руки. Ты единственное эльфийское отродье, которое есть у меня, так что придется тебе».

Небрежный взмах руки освободил ноги Фаваронаса, и ему было велено встать. — «Убери камни и ветки, которые держали свиток. Подготовь костер. Я не успокоюсь, пока не проникну в смысл ключа».

Так все и было сделано. Фитерус сидел со свитком на коленях. Он разматывал часть, изучал ее, а затем проматывал, чтобы внимательно прочесть следующий раздел. У них не было воды, и Фитерус не отведывал свою омерзительную пищу. Он просто сидел и изучал свиток. Фаваронас собирал дерево для большого костра. Он осторожно разжег его вблизи переднего края уступа, чтобы дым и пламя было легче разглядеть из долины, и заложил в костер зеленые и сбитые ветром гнилые ветки, чтобы дым был гуще. Если Фитерус и догадается об уловке своего пленника, то ничего с этим не поделает.

Обычно Фитерус избегал прямого солнечного света, держась тени, словно какое-то гигантское насекомое, но не сегодня. Он оставался на месте, согнувшись над пергаментом, пока солнце поднималось выше, омывая Лестницу жаром. Фаваронас часто слышал его мычание и бормотание, а время от времени тот раздражался приступами энергии, выкрикивая неразборчивые фразы, а затем вновь впадал в более приглушенное невнятное бормотание. Для Фаваронаса все они были лишены смысла. Слова напоминали эльфийские, но были напигованы непонятными фразами и искажены жутким варварским акцентом. Фаваронас не мог сказать, читал ли Фитерус дурно звучащий материал со свитка или просто говорил сам с собой. Откровенно говоря, ему уже было все равно. Его жажда знания и решимость остановить Фитеруса умерли под непринужденной жестокостью колдуна. Все, что он хотел, это лишь бежать и предупредить свой народ. Возможно, Беседующий смог бы послать своих воинов победить колдуна. Может быть, уже было слишком поздно. Из всего, что знал Фаваронас, Фитерус мог в данный момент произносить свое последнее заклинание.

Пока боролся, чтобы выдернуть сухостой из узкой каменной расщелины, Фаваронас пытался вспомнить стихи, которые декламировал Фитерус из древнего свитка. У него была превосходная память, натренированная десятилетиями практики. Он прекратил попытки выдернуть кусок дерева и закрыл глаза, позволяя словам снова эхом зазвучать в своей памяти.

*Глаз солнца темнеет. Луна его не любит.
Звезды спят, и ночь не отвечает. Пока*

*Отец не берет в руку ключ, стоя перед Дверью
И не читает Святой Ключ.*

Не означала ли первая строка, что высвобождение мощи долины должно было случиться после заката?

*С Лестницы Дальнего Видения под темным глазом солнца
Дверь открылась. Появился Свет*

«Темный глаз солнца» звучало как затмение, но в ближайшие месяцы не ожидалось никаких затмений.

Сжигая все, истребляя все, убивая всех

Фаваронас вздрогнул. Это несомненно звучало как цель Фитеруса.

*Раскрывая цветок, треская яйцо
Вытягивая из земли семя.
Если сломан Святой Ключ.*

Еще непонятнее. Если Святой Ключ был «сломан» (что бы это ни означало), была ли жизнь восстановлена или уничтожена навсегда?

Хотя Фаваронас и не знал этого, его теория насчет долины перекликалась с теорией Беседующего: это было месторасположение Ямы Немис-Осама, где были похоронены пять драконьих камней, содержавших сущность пяти злых драконов. Позднее камни выкопали, но Фаваронас считал логичным, что их мощь могла заразить местность, где они лежали.

Путь обратно к костру был долгим. Каждый удар пяток отдавался взрывом. Фитерус прекратил бормотать. Он сидел молча, опустив подбородок на грудь. Шаг Фаваронаса замедлился, становясь более скрытным. Если Фитерус заснул, у него мог появиться шанс удрать. Он описал широкую дугу вокруг неподвижного колдуна и гадал, как тихо отделаться от дров, которые держал в руках.

«Положи их в костер».

Фаваронас дернулся, от удивления выронив несколько поленьев. Он поднял их и положил всю вязанку рядом с костром.

«Падай», — обыденно сказал Фитерус, и Фаваронас перестал чувствовать ноги. Он рухнул на спину. Его ноги не были сплавлены вместе, но были парализованы. Неспособный сесть, он перекатился на живот и принялся ползти по каменному уступу. Фитерус тихо рассмеялся.

«Береги силы. Еще до следующего заката ты увидишь величайшее высвобождение мощи со времен Катаклизма. Ты не захочешь пропустить это. Как королевский архивариус Квалинесты, ты же, несомненно, захочешь стать непосредственным очевидцем окончательного уничтожения эльфийской расы?»

Паралич в ногах Фаваронаса поднимался вверх. Его живот онемел. С последним отчаянным усилием он перекатился на спину, чтобы увидеть яркое небо перед тем, как все померкло.

«Видите дым?»

Кериан с Таранасом расположились на короткий привал, прислонившись к низкому монолиту. Вопрос Гитантаса заставил их вскочить. Он возвращался, наполнив водой из ближайшего ручья их фляжки. Все трое, прикрывая рукой глаза, смотрели высоко вверх по склону горы.

«Это наша цель», — заявила Кериан.

Таранас был настроен скептически. — «Откуда ты знаешь? Кто угодно мог развести этот костер».

«Фитерус думает, что убил посланного ханом охотника за головами», — сказала она. Таранас рассказал ей, как его патруль спас Робина из магической ловушки Фитеруса. — «Он, наконец, приступил к тому, зачем пришел туда, так что не волнуется, найдут или нет его воины Беседующего».

Ее логика была хорошей, но не безупречной. Гитантас предположил, что у обнаруженного ими в туннелях неракского солдата могли иметься товарищи, и этот костер мог быть делом их рук. Уверенность Львицы была непоколебима. Неракец был профессиональным воином; если у него были товарищи, они бы не были так беспечны с костром.

Это убедило Гитантаса. Он жаждал поторопиться как можно быстрее, но Кериан настаивала на осторожности.

«Ты только что сказала, он мог приступить к тому, зачем пришел туда!» — запротестовал Гитантас. — «Нам нужно остановить его!»

«Так и сделаем, но не изнуряя себя. Сохраняемый всю ночь постоянный шаг приведет нас к источнику дыма завтра к полудню».

Для таких голодных и уставших, как они, перспектива ночного марша была не из приятных, но Таранас с Гитантасом не возражали. Что должно быть сделано, будет сделано.

Кериан взвалила спальный мешок на плечи. — «Я пойду впереди». — Она зашагала между чахлыми деревьями и каменными столбами.

Дым был маяком, ясно видимым со всей долины. Крадущийся сквозь подлесок принц Шоббат пришел к тому же выводу, что и Кериан: лишь Фитерус мог быть достаточно самонадеянным, чтобы костром объявить о своем присутствии. С тех пор, как волшебная рука жрицы швырнула его на несколько миль практически в нужном направлении, принц следовал впереди экспедиции *лэддэд*. Он знал, что они были недалеко позади него, сперва учуяв, а потом и услышав их. Он также определил переполненный лагерь *лэддэд*, еще дальше, и чувствовал аромат сосен и кедров, лозы и шалфея вокруг себя. Было довольно головокружительно обладать чувствами зверя.

Он пустился рысью, желая первым добраться до Фитеруса. Если Кериансерай поймает колдуна, Шоббат никогда не сможет вытащить из него необходимое контрзаклинание, чтобы вернуть себе прежний вид. Он проведет остаток своей жалкой жизни в качестве зверя. Не такую судьбу обещал ему Оракул Дерева.

Он размышлял, как убедить Фитеруса освободить его от заклятия. Колдун привык к жизни в Кхури-Хане. Его временное пребывание в этой безжизненной долине, скорее всего, заставило его еще сильнее желать восстановить свое положение. Шоббат мог бы предложить

ему место при дворе, собственное имение и любое количество денег — как только Шоббат займет свое место хана. Если же это не убедит колдуна, Шоббат будет рвать его на части, кусок за куском, пока тот не согласится.

Его губы искривились в рыке. Возможно, ему следует начать с того, чтобы рвать на части, и в Бездну попытки купить помощь колдуна. Зачем раздавать сокровища и привилегии ненадежному магу? Намного лучшими стимулами были боль и страх. Он оставит целой лишь часть Фитеруса, достаточную, чтобы снять проклятие, а затем разорвет его на кусочки.

Еще одна пара глаз наблюдала поднимавшийся со склона горы Ракарис дым. Они были в разводах слез. Британ Эверайд карабкалась вверх по восточному склону, к югу от широкого уступа, с которого шел дым. Оценив высоты над этим уступом, она осторожно проделала путь по более высокой гряде к выступавшей над Лестницей скале в форме лодки. Усталость, продолжительная боль от сломанного ребра и постоянное присутствие наступавших на пятки призраков долины туманили ее разум и затрудняли шаг, пока, наконец, она не совершила критическую оплошность. Британ поставила ногу на потрескавшуюся сланцевую плиту и перенесла на нее полный вес, не убедившись сперва в ее устойчивости. Узкая плита вдруг сместилась, отправляя ее ногами вперед на сотню метров вниз по склону горы.

Ее падение закончилось лишь когда левый сапог угодил в щель между пнем дуба и валуном с острыми кромками. Ее тело пролетело мимо, пока его импульс не был погашен резким рывком, вызвавшим щелчок в лодыжке. Боль была жуткой. Из горла вырвался резкий вскрик, и она сунула кулак в рот. Вне всяких сомнений, она выдала себя, и ждала неизбежных криков обнаружения и града эльфийских стрел, которые продырявят ее измученное тело.

Ничего не произошло. В муках, с ободренным и кровоточащим лицом, она осторожно высвободила сломанную лодыжку и легла на спину, тяжело дыша и глядя в небо. Сквозь слезы она видела поднимавшийся из углубления в склоне горы под ней густой столб дыма. Ветра почти не было. Дым поднимался прямо как стрела. Идеальные условия для ее арбалета, если она все еще была в состоянии обращаться с ним. Ее лодыжка немилосердно пульсировала. Она распухла внутри сапога. Британ не могла ступить на нее, но, если она хотела закончить свою миссию, ей нужно было двигаться. Ближайшим местом, обеспечивавшим точный выстрел по уступу внизу, был выступ в форме лодки, к которому она направлялась. И он находился все еще в ста метрах вверх по склону.

Британ перевернулась на живот. Раз она не могла идти, то поползет.

В шести метрах вверх по каменистому склону, ее раненая нога зацепилась за корень дерева, и она от боли потеряла сознание. Придя в себя на холодном воздухе через несколько минут, она сделала неровный вдох, погрузила пальцы в каменистую землю и возобновила мучительное продвижение. Лорд Бернонд Эверайд до последнего вдоха выполнял бы свою миссию. Его дочь не могла поступить по-другому.

Приготовления были долгими и непонятными. Вернув Беседующего от края гибели, Са'ида уединилась в палатке на краю лагеря. Она оставалась там два дня, никого не видя, ни с кем не разговаривая, и игнорируя оставляемую снаружи палатки пищу и воду. Они не могли растрачивать еду, поэтому утром и вечером нетронутые пищу и воду забирали и распределяли где-то еще.

На исходе второго дня жрица, наконец, нарушила молчание, попросив воды. Стоявший на страже снаружи ее палатки воин принес чашку, а вместе с ней привел старого генерала.

Полог палатки приоткрылся на несколько дюймов. Из темноты Са'ида сказала: «Мне нужно больше воды, чем эта чашка. Намного больше».

Она сообщила свои требования Хамарамису. Его брови поднялись, но он согласился, не споря. Жрица-человек вернула Беседующего с Солнцем и Звездами из объятий смерти и обещала освободить его от ужасной болезни. Если ей нужна была вода, то она получит воду.

Из ближайшего ручья была наполнена и выставлена у палатки жрицы пестрая коллекция ведер, кувшинов и горшков. Спустя несколько часов после наступления темноты Са'ида попросила Хамарамиса позвать Беседующего. Она по-прежнему не покидала своего убежища.

Беседующий прибыл в своем паланкине. Он проспал большую часть дня. С молитвами жрицы и собственной силой воли Гилтаса, он прибыл, сидя в деревянном кресле вместо того, чтобы лежать, обложенным подушками. Большая часть остатков его армии и великое множество обычных эльфов уже были там в молчаливом ожидании. Са'ида стояла снаружи своей палатки, спиной к толпе, склонив голову. Прибыли носильщики, но они не опустили паланкин на холодную землю. Хамарамис возвестил о присутствии Беседующего.

«Ты привел меня на самое большое кладбище в мире, Великий Беседующий», — прошептала Са'ида.

«Это наш дом. Или станет им. Ты можешь помочь нам?»

Она повернулась к нему лицом. Стоявшие в толпе ближе всего, раскрыли рты при виде перемены в ее внешности. Полная сил женщина-человек пятидесяти лет с типичным темным кхурским лицом, Са'ида, казалось, съежилась. Ее лицо стало землистого цвета, губы посинели, точно от холода. В своем белом платье она сама казалась бледным призраком. Она выглядела почти столь же больной, как Гилтас.

«В своем служении богине, я общалась со множеством духов: мирными и беспокойными, завывающими безумцами и невозмутимо спокойными. Но я никогда не встречала подобных обитающим в этой долине. Они набились в этом месте, точно селедки в бочках в суухах. Ряд за рядом мертвых душ, очень старых и очень разгневанных».

Ее шатало. Гилтас послал за стулом. Пока несли стул, Хамарамис поддерживал ее. Са'ида с благодарностью села. Несмотря на страстное желание услышать, что еще она скажет, Гилтас волновался за ее состояние. Но она отклонила его предложение пищи и воды.

«Здесь как минимум четыре слоя захваченных душ».

«Четыре?» — Гилтас был удивлен. — «Мы думали, два — зверолюди и блуждающие огоньки».

Она покачала головой. — «Глубоко в первозданной ткани этой земли заключены души древней колонии твоей расы». — Скривившись от боли, она прижала руку ко лбу. — «Еще

глубже, голоса столь старые и внушающие страх, что я не осмеливаюсь пытаться говорить с ними». — Она направила на Гилтаса пылающий взор. — «Здесь не место живым, Великий Беседующий».

Среди стоявших ближе всего в толпе поднялся шепот. Он распространялся по мере того, как слова жрицы передавались стоявшим дальше.

«У нас нет выбора», — ответил ей Гилтас, повышая голос. Толпа снова притихла. — «Все остальные королевства отвергли нас. Мы должны выстоять здесь или умереть».

Са'ида подняла обе руки, чтобы помассировать лоб. — «Тогда, несмотря на мои дурные предчувствия, я попытаюсь помочь вам».

Вздых облегчения Гилтаса был почти не слышен. Он улыбнулся.

«Защити нас от этих плавающих огоньков, святая госпожа. Те, кого они касаются, переносятся в туннели глубоко под долиной, и больше не просыпаются».

«Это можно сделать».

«Наша следующая насущная необходимость — это еда. Здесь должно быть позволено жить животным и произрастать съедобным растениям».

«Ох, это потребует вступить в битву с великой силой. На это место наложено могущественное заклинание. Жизнь строжайше сдерживается».

«Кем?» — спросил Хамарамис.

Она выдавила усталую улыбку. — «Заклинания не подписываются, как поэмы. Здешняя магия столь древняя, что все предательские отпечатки его происхождения давно стерлись. Я лишь могу сказать вам, что это была работа волшебников *лэддэд*, огромного числа их, действовавших сообща».

Из толпы раздались восклицания. Их выживанию мешала магия, наложенная их собственной расой? Ирония была весьма горькой.

Гилтас попросил Са'иду сперва приложить усилия, чтобы контролировать блуждающие огоньки. Эльфы смогли бы поработать над тем, чтобы долина расцвела, если бы были свободны от страха быть унесенными.

Он ожидал, что она даст ему список ингредиентов, необходимых для осуществления его просьбы или, может быть, скажет, что ей надо отдохнуть и собраться с силами, прежде чем приступить к этой задаче, но она не сделала ни того, ни другого. Она немедленно приступила к работе.

Поднявшись, Са'ида сняла свое ожерелье и держала за цепочку так, чтобы Глаз Элир-Саны свободно болтался на конце. Она подошла к первому из сосудов с водой, прошептала заклинание, а затем окунула амулет в воду.

«Вылейте освященную воду на землю вокруг лагеря, аккуратно образуя непрерывную линию без зазоров. Это создаст барьер, который охранные огни не смогут пересечь». — Она двинулась к следующему кувшину, добавляя, — «Оставьте немного для своих солдат. Когда их будут преследовать, пусть бросят несколько капель в огоньки. Любой огонек, на который попадет единственная капелька, исчезнет навсегда».

Гражданские подняли одобрительный гул, подхваченный воинами. Гилтас восхвалил Са'иду за ее усилия.

«Не благодари меня пока, Великий Беседующий. Без этих огоньков, действующих как стража, духи Потерянных могут набраться смелости действовать так, как никогда прежде». — Он спросил, что она имела в виду. — «Я не знаю», — устало и раздраженно ответила Са'ида. — «Просто будьте начеку. Любой хороший целитель скажет тебе, что

иногда лекарство может оказаться хуже, чем болезнь».

Если ее предупреждение и вызвало какую-либо обеспокоенность среди эльфов, они это никак не показали. Едва сосуд обрабатывался, его немедленно подхватывали жадные руки. Хамарамис наложил руки на несколько дюжин маленьких горшков, которые могли нести его всадники, патрулируя снаружи лагеря. Толпа рассеялась, оставив выжатую жрицу наедине с Беседующим с Солнцем и Звездами. Гилтас снова надавил на нее, чтобы она поела, говоря, что они с радостью отдадут ей самое лучшее, что у них есть.

Зная, сколь скудными были их запасы еды, Са'ида заверила его, что довольствуется обычной пайкой.

«В таком случае, вы отобедаете по-королевски», — сказал он, в его печальных глазах на мгновение блеснул огонек.

Она проницательно кивнула. Она достаточно хорошо понимала этого короля, чтобы знать, что он не будет пировать, пока его подданные голодают. Носильщики унесли его паланкин. Са'ида последовала за ними. Ее сопровождали несколько слуг Беседующего, вежливо подстраиваясь под ее медленный шаг.

К тому моменту, когда группа достигла палатки Беседующего, стол был накрыт: чай с шиповником, жареный горох, козий сыр и *каменты*. Последнее было кхурским национальным блюдом в виде батонов из прессованных оливок и ореховой массы. Включающее два эльфийских элемента и два кхурских блюда, меню было дипломатичным, хотя и аскетичным. Маленький столик освещался двумя свечами, изящные линии серебряного и золотого подсвечников лишь подчеркивали их скромное окружение.

Как только налили чай, Гилтас отпустил слуг. — «Ваше прибытие стало благословением, святая госпожа, в особенности для меня», — произнес он, прихлебывая чай. — «Что побудило вас покинуть свой священный храм?»

Са'ида рассказала о своем приключении с Кериан и торганцами. Он уже слышал эту историю от Кериан, но с интересом выслушал впечатления жрицы. Он выразил сожаление, что фанатики выбрали для нападения верховную жрицу из-за присутствия его супруги. Са'ида заверила его, что не винит Львицу.

«За этим стояли неракцы», — сказала она. — «Когда я поняла это, то знала, что лучшим способом нанести ответный удар будет обеспечение выживания их наиболее стойкого врага».

Гилтас откусил кусочек *каменты*, крайне неторопливо жуя его. — «Я не враг никому, скорее мишень для всех».

«Вы притворяетесь, Великий Беседующий».

«Ничуть. Я был бы счастлив провести всю свою жизнь в своей собственной стране и никогда не сражаться, но мир не позволил бы этого».

Са'ида отхлебнула чай. Крепкая вещь. Шиповник произрастал в Квалиносте, высушивался, пока не становился маленьким и твердым, как галька, а затем упаковывался в опилки. Жрица нашла аромат непередаваемо грустным, эссенция цветов, выращенных в почве исчезнувшего города.

«Эта долина — ловушка», — очень тихо сказала она.

«Я не верю этому». — Несмотря на теплый свет свечей, лицо Беседующего было бледным и твердым, как мраморный бюст. — «Судьба привела нас сюда. Мы преодолели страшные трудности и выжили, для чего? Чтобы сгинуть в этой тайной пустоши? Нет. Я верю, что мы заставим ее расцвести, как наши собственные города когда-то».

Меня тему, Са'ида сказала, — «Я кое-что знаю о колдуне Фитерусе, который может заинтересовать тебя». — Она вновь наполнила обе чашки. — «Он появился в Кхуре лишь с падением Сильванести».

«Полагаю, он долгое время служил Куру».

«Он прибыл в Кхури-Хан через порт Балифор на корабле, полном беженцев *лэддэд*. В течение двух недель все беженцы были мертвы, благодаря Фитерусу».

«Что случилось с ними?»

«Одно из множества недоразумений, полуправд и лжи, поддерживавшихся Фитерусом», — сказала она, кивая. — «Сказали, что они умерли от мора. Великий Хан призвал моих целителей позаботиться о них, чтобы они не заразили весь город». — Ее темные глаза оторвались от изучения чая и вбуравились в его собственные. — «Жертвы мора, сир, находились в бреду, но они не были больны. Они были заколдованы».

Ее намек был очевиден. Фитерус вызвал смерть полного корабля сильванестийцев, лишь чтобы скрыть причину своего отбытия с эльфийской родины.

«Он проложил себе путь к доверию хана, выполняя различные неприятные поручения. Сахим-Хан вознаграждал его сокровищами и свободой творить колдовство, пока это не угрожало трону или безопасности Кхура».

«Держу пари, Сахиму пришлось пожалеть о своей толерантности. Кто такой этот Фитерус?»

Верховная жрица пыталась выяснить. Его присутствие вызывало сбой в духовной гармонии города, худший со времен великой драконицы. Она не преуспела. — «Поиск его в духовном измерении напоминал заглядывание в открытое отверстие темной ночью. Это не был просто покров скрытности, вокруг него была реальная *пустота*, которую я не смогла понять. Все, что я смогла обнаружить, это что он очень стар, он пришел в Кхур из Сильванести, и у него нет лояльности ни к кому, кроме себя».

Она отодвинула чайную чашку. Пища вернула немного румянца на ее лице. — «Я полагаю, он был пленником в Сильванести. Его корабль прибыл из Куриноста, на северном побережье, местонахождения большой тюрьмы. Многие из тех беженцев на корабле были осужденными. В суматохе, вызванной победой минотавров, полагаю, некий контингент заключенных бежал из тюрьмы Беседующего, захватил лодку и добрался до Кхура».

«И среди них была гадюка».

«Точно».

Гилтас знал эту крепость в Куриносте. Это была возведенная на вершине из твердого гранита большая цитадель двадцатиметровой высоты. С трех сторон находились обрывавшиеся в море голые утесы. Крепость соединялась с сушей единственной мощеной дорогой, легко контролируемой неподвижным дозором всадников на грифонах. В Сильванести практически не было мелких преступлений, и сосланные сюда не были обычными преступниками, а диссидентами, ведущими подрывную деятельность, и, очевидно, одним колдуном-мерзавцем. Их держали там без суда, часто десятилетиями.

«Я молюсь своей богине, чтобы ваш охотничий отряд нашел его», — сказала он. — «Здесь есть сила, которой не должен владеть никто из смертных. Если Фитерус добьется ее, все мы можем сгинуть — люди, *лэддэд*, все».

На этом трапеза была окончена. Они оба слишком устали, чтобы поддерживать вежливый разговор. Са'ида попросила разрешение удалиться, и Гилтас отпустил ее.

Остатки обеда убрали. Каждый кусочек и каждую крошку бережно сохранили для

следующего приема пищи.

Прибыл Варанас, он и его товарищи-писцы были готовы записывать под диктовку Беседующего, но Гилтас взмахом руки отослал их, заявив, что слишком устал. Когда Хамарамис пришел доложить, что заговоренную воду распределили по всему лагерю, он обнаружил Беседующего в постели, но принесенные им новости были приятными. Хотя множество блуждающих огоньков дрейфовали снаружи невидимого барьера, ни один не проник внутрь.

«А наши друзья, призраки?» — спросил Гилтас.

«Как всегда, Великий Беседующий, они здесь. Они наблюдают, но не приближаются».

«Хорошо». — Это слово было произнесено на выдохе, когда веки Беседующего закрылись.

Хамарамис удалился на цыпочках. Обедая со священником-человеком, Беседующий съел свою первую хоть сколь-нибудь значительную еду за последние две недели.

* * *

Двадцать конных эльфов галопом мчались сквозь ночь. Они патрулировали в нескольких милях к югу от лагеря, неся дежурство в поисках угроз и хоть какой-нибудь еды. Ближе к полуночи они заметили мерцание света в особенно плотной группе монолитов. Куча блуждающих огоньков появились широкой линией, летя в сторону воинов с необычайной быстротой.

У эльфов были два небольших горшочка с благословленной Са'идой водой. Воины встали в круг, лицом наружу. Двое несших горшочки с водой всадников расположились на противоположных сторонах круга. Один из них был командиром патруля. Он держал сосуд из необожженной глины на луке своего седла. Огоньки надвигались, и он велел своим воинам держать строй, подсчитывая приближавшиеся блуждающие огоньки: двадцать. Ровно двадцать огоньков и двадцать эльфов. Цвета огоньков не повторялись. Многие были оттенков белого или золотистого, но в стае мерцали и зеленые, и синие, и красные.

Огоньки образовали кольцо вокруг воинов. Кони и всадники нервно ерзали, когда молчаливые часовые пролетали мимо.

«Приготовиться», — произнес командир.

Он окунул в воду самодельную кисточку. В первую попытку воин промахнулся, но со второго раза он намочил ярко-зеленую сферу, когда та пролетал мимо носа его коня. Результат последовал незамедлительно. Шар света выпустил сноп искр. Его цвет сменился на темно-красный, как у готового вот-вот погаснуть уголька костра. Медленно опускаясь, блуждающий огонек ударился о землю, прокатился немного и пропал.

Патруль разразился одобрительными возгласами. За спиной командира, его заместитель опрыскал их мучителей особым напитком Са'иды. Золотистый шар выпал из строя, брызжа и искря, и исчез.

Покончили еще с тремя, и эти потери, казалось, сбили с толку остальных. Они ринулись вверх, сталкиваясь друг с другом в стремительных вспышках разноцветных огней. Командир и его заместитель привстали в стременах и махнули кисточками в упрямые огоньки. Еще четыре погибли, и оставшиеся сдались. Они унеслись прочь, словно мелкие рыбешки, метнувшиеся в стороны от брошенного в их бассейн камня, отступили за линию каменных

столбов и оставались там, быстро пульсируя.

Эльфы воодушевились. Впервые они одолели блуждающие огоньки. Многие из них знали бывших в первой экспедиции Львицы эльфов, нашедших безмолвную смерть в одиночестве в туннелях из-за этих скачущих огней. Они, наконец, были отмщены.

Их командир не был удовлетворен тем, что оставшиеся спрятались за монолитами. Он хотел уничтожить их. У него с заместителем оставалось по половине горшочка с водой, и он собирался продолжить бой. Приказав остальному патрулю держаться на безопасном расстоянии, они вдвоем медленно поехали в сторону монолитов. Странное дело, двое ветеранов крадущихся к своим врагам с ничем более летальным, чем несколькими чашками воды и парой соломенных кисточек. Но эффективность препарата жрицы-человека была бесспорной.

Эльфы разделились, обходя с двух сторон тонкий каменный столб. Блуждающие огоньки сбились в кучу, летая плотными кругами. Они держались так далеко от эльфов, как только могли внутри скопления камней — лишь в двух метрах, легчайшая из целей. Командир мрачно улыбнулся. Как там кендеры говорят? «Не сложнее, чем стащить у одноглазого торговца».

Он привстал в стременах и метнул капли в скопление огоньков. Пять или шесть немедленно испарились. Остальные отреагировали странным образом. Вместо того, чтобы броситься в последнюю безрассудную атаку на своих мучителей, они еще теснее сбились в кучу и нырнули в землю. С громким треском, как от падения тяжелых камней, огоньки протиснулись в почву. Прделанное ими отверстие некоторое время светилось аурой, а затем все снова погрузилось в темноту.

Командир с заместителем обменялись удивленными взглядами. Они подъехали ближе, и заместитель спешил, чтобы обследовать отверстие. Метровой ширины, оно было пробурено строго вниз сквозь слои сине-зеленой почвы. Края были горячими и гладкими на ощупь, но из отверстия шел холодный спертый воздух. Очевидно, огоньки пробили один из множества туннелей.

Воин лег на землю у края отверстия и послал странное приветствие: «Есть здесь кто-нибудь?»

«Да! Продолжайте звать! Я иду!»

Эльф резко отпрянул и вскочил на ноги. Его командир велел ему продолжать кричать в отверстие, а затем позвал остальной патруль. Они все столпились в роце белых камней, обнажив оружие. Незвестный в туннеле приблизился к отверстию и издал возглас облегчения от того, что нашелся. Командир потребовал, чтобы тот назвал себя.

«Меня зовут Робин. Я кагонестийский охотник за головами. Несколько дней назад я повстречал вашего генерала Таранаса. Он может ручаться за меня».

Они вытащили его, и тот сердечно поблагодарил. Поведанная им история была странной — схваченный лично призраками долины, он был брошен, со всем оружием и снаряжением, вниз. Прямо перед тем, как Робин услышал зов воина, на него налетели спасавшиеся бегством шары.

«Я подумал, что обречен! Но они пролетели прямо сквозь меня, безвредно как солнечный свет», — закончил свой рассказ Робин.

Командир описал, как его патруль одолел охранные огоньки, и их отчаянный способ бегства.

Робин принял от всадников бурдюк с водой, но не их предложение ехать с ними.

Смертоносные стычки не разубедили его продолжать изначальную миссию, схватить колдуна Фитеруса. Он водрузил на нос пару желтых очков.

«Передайте наилучшие пожелания генералу Таранасу», — сказал он и двинулся прочь.

Воины несколько секунд сидели, уставившись друг на друга. Если бы не отверстие в земле, все произошедшее могло показаться коллективной галлюцинацией. Один из воинов, солдат из западного Квалинести, слышал о Робине Неутомимом. Кагонестиец по происхождению, этот охотник за головами почти всю свою жизнь провел среди людей, что объясняло его чужеземный акцент и странную внешность. Говорили, что за всю карьеру он никогда не упускал свою добычу. Некоторых он не возвращал живыми, но не сбежал никто.

Командир развернул своего коня обратно в сторону лагеря. Несмотря на встречу с охотником за головами, настоящей историей ночи был успех освященной Са'идой воды. Нужно было рассказать генералу Хамарамису, как хорошо она сработала. Всадники последовали за своим предводителем прочь от роши монолитов.

Вода имела тот же успех в лагере. Даже после того, как жидкость впиталась в землю, барьер сохранялся. Блуждающие огоньки приближались к лагерю, достигали нарисованной в почве линии, и останавливались. Они метались вверх-вниз, влево-вправо, но не могли продвинуться ни на дюйм. Все радовались, а дети принялись развлекаться. Стоя в безопасности внутри линии, они швыряли в блуждающие огоньки камни и комки грязи. Огоньки не были легкой мишенью, ловко уклоняясь от снарядов, но, когда удачливый ребенок попадал, блуждающие огоньки суматошно отлетали.

Хамарамиса привлекли громкие одобрительные крики детей. К их разочарованию, он велел прекратить развлечение. Никто не знал, как долго будет работать заклинание, строго сказал он, и не было смысла восстанавливать против себя огоньки. Однако, он не мог быть везде и сразу, и по всему лагерю продолжали дразнить и оскорблять блуждающие огоньки.

По мере наступления ночи, прибывало все больше и больше огоньков. К полуночи, уже сотни дрейфовали вокруг лагеря за пределами невидимого барьера. Прошел слух, и эльфы поднялись ото сна, чтобы наблюдать за этим зрелищем. Огоньки представляли все цвета радуги, от темно-фиолетового до бледно-зеленого и огненно-красного. Самыми распространенными были оттенки белого, тяготевшие к самым крупным из блуждающих огоньков. Огоньки отступили и плыли вдоль барьера, словно стайки ярких рыбок. Иногда парочка разгонялась до слепой скорости и гонялась друг за другом в небе по все более и более тугой спирали. На вершине спирали парочка сталкивалась, и лишь один выживал. Другой исчезал.

Шум в лагере поднял Са'иду. Щурясь от света факелов, она вышла из палатки. Праздничная атмосфера не порадовала ее. Надев плащ, она остановила первого попавшегося воина и потребовала, чтобы ее доставили к Хамарамису. Старый генерал был на восточной стороне лагеря, останавливая еще одну группу детей от швыряния камней в огоньки.

«Это нужно прекратить!» — сказала Са'ида, спеша к нему. — «Это очень опасно!»

Его взгляд был полон глубокого разочарования. — «Мы стараемся остановить это. Дети...»

«Дело не в детях! Огоньки скапливаются по какой-то причине. Они пытаются одолеть наложенное вокруг лагеря заклятие!»

«Что мы можем сделать?»

Са'ида отбросила с лица прядь волос. — «Осталась еще освященная вода?»

Ей принесли прибереженные для ночных патрулей три глиняных горшочка. Она

попросила принести ей больше воды для благословения. Хамарамис отдал приказ, а затем сопровождал жрицу и две дюжины воинов к опрокинутому Беседующим монолиту.

Большинство отозвавшихся на призыв Хамарамиса рассеялись по лагерю в поисках воды, но три эльфа, думая сэкономить время, взяли ведра и ринулись к ручью. К несчастью, он находился за пределами охранной зоны. Праздничная атмосфера в лагере заставила их забыть о весьма реальной опасности, которую ночью представляли собой блуждающие огоньки. Стоя на вершукше опрокинутого монолита, Са'ида увидела грозившую им опасность и прокричала предупреждение, но эти трое уже шагнули за барьер, и на них налетел рой из дюжин огоньков. Все трое мгновенно исчезли, не успев даже вскрикнуть. Потрясенная шумная толпа притихла.

«Никому не пересекать линию!» — проревел Хамарамис. Ему не нужно было повторять этот приказ.

Са'ида послала за соломенными вениками. Их принесли, и две дюжины воинов приготовились. Ветераны, бронзовые от беспощадного кхурского солнца, с боевыми шрамами, они чувствовали себя слегка нелепо, стоя перед врагом, вооружившись лишь вениками. Са'ида донесла до них всю серьезность задачи. Опрокинутый монолит был практически на краю лагеря и, следовательно, близко к защитному барьеру. Все воины погрузили веники в воду и сделали им махи по широкой дуге, отправляя капли в скопившиеся в нескольких метрах блуждающие огоньки.

Первый залп накрыл дюжину огоньков. Они исчезли в снопе искр. Остальные прекратили движение, абсолютно неподвижно зависнув в воздухе. Многие издавали слабый гул.

Са'ида велела воинам продолжать попытки, а неподвижные огоньки были легкими целями. Они гибли во множестве. Принесли еще воды. Са'иде передавали ведра и кувшины, чтобы получить благословение Элир-Саны. Пока она трудилась, исходивший от блуждающих огоньков шум усилился. Все гудели, и звук стал столь громким, что отвлек жрицу. Ей пришлось заново начать свое волшебство.

Солдаты продолжали брызгать водой в огоньки. Самые крупные, самые яркие огоньки прекратили гудеть. Первый, затем еще горстка, а затем уже дюжины ярко светясь устремились в ночное небо. Когда они поднялись на несколько сот метров, к ним присоединились оставшиеся огоньки, и все сборище рвануло вверх, пока не исчезло среди звезд.

Эльфийский лагерь накрыла ошеломительная абсолютная тишина. Затем одиночный голос прокричал, — «Да здравствует Са'ида! Да здравствует верховная жрица!» — Тысячи подхватили этот крик.

В мокром платье (один из горшочков с водой расплескался) и выглядевшая скорее уставшей чем героической, Са'ида была как и все удивлена отбытием огоньков.

«Все они ушли?» — спросил Хамарамис.

Она кивнула. Обладая особым чутьем на такие вещи, жрица знала, что ни единого блуждающего огонька не осталось в Инас-Вакенти.

Группа эльфов подняла шум у подножья опрокинутого монолита. Это были родственники тех троих, которые исчезли, пытаясь добраться до ручья, и они хотели, чтобы туннели немедленно прочесали в поисках их пропавших любимых. Конструкция все еще стояла над отверстием у основания монолита, и несмотря на все усилия стражи оттянуть его, брат одного из вновь исчезнувших эльфов цеплялся за нее и яростно кричал вниз в

отверстие.

Хамарамис попытался отреагировать на требования этих эльфов, когда охранявшие периметр лагеря часовые подняли тревогу.

Пришли призраки.

Са'ида уселась на другом краю монолита. Она с похвальной ловкостью вскочила и поспешила к хамарамисову краю плиты. Глядя на запад, она увидела ряды бледных полупрозрачных привидений, появившихся из-за покрова деревьев и других монолитов. Духов было не больше, чем обычно, но они с неторопливой решимостью направлялись прямо к лагерю.

«Я боялась этого», — прошептала Са'ида. Она протянула руки вниз стоявшим у монолита воинам. Двое солдат помогли ей спуститься. — «Генерал, без стражи, эти духи вольны бродить где угодно. Их притягивают живые. Они будут ходить среди нас, вызывая панику, уныние, даже безумие, если мы допустим это».

Хамарамис побледнел. — «Допустим это? Что мы можем сделать? Еще воды?..»

«Мертвые вне благословения богини».

«Тогда что?» — спросил он.

Любимица Элир-Саны ответила на его гнев испуга коротко и с пугающим спокойствием. Когда она закончила объяснять, что следовало делать, старый генерал разослал всадников по всему лагерю передать ее слова. Все должны были укрыться в своих палатках, закрыть пологи и никого не впускать. Мертвецы не могли войти в закрытый для них дом, если их не пригласят. Во всяком случае, это была господствующая теория. Са'ида не могла быть уверена, что это сработает с тонкими палатками и населявшими «Прибежище Проклятых», как называлась в текстах ее богини Инас-Вакенти, духами.

«Надолго?» — спросил генерал.

«До рассвета. Молюсь, чтобы свет нового дня изгнал духов, по крайней мере, пока снова не наступит ночь».

Хамарамис настаивал, что она должна провести эту ночь среди домашних Беседующего. Ее уединенная палатка была слишком на виду. Она приняла приглашение и посоветовала поспешить. Передовые элементы призрачной орды были на полпути к лагерю.

Стороны палатки Беседующего раскатали вниз. Лишь основной дверной полог оставался открытым, и последние домашние Беседующего торопились попасть внутрь. Хамарамис задержался, наблюдая, как эльфы спешат в убежище. Воины отводили коней в стойла. Родители подхватывали припозднившихся детей. В считанные минуты многочисленные тропинки лагеря опустели.

Старый генерал придержал тяжелый гобелен, служивший дверным пологом палатки Беседующего и сделал приглашающий жест Са'иде, пропуская ее вперед.

«Что конкретно будут они делать?» — спросил он.

«Что всегда делают призраки. Являться нам».

В восточной части долины было мало монолитов, и пустоту заполняла густая листва. Это была не сочная здоровая зелень, а масса колючих ползучих растений, трубочной лозы и кустов барбариса. Покров земли представлял собой спутанный клубок, гарантировавший постоянное спотыкание. Кусты были высотой по голову, с ветками толщиной с запястье эльфа, и усеяны сантиметровыми шипами. Кериан с товарищами пришлось прорубать себе дорогу. Очень скоро руки и лица были в царапинах.

Как-то после полуночи Кериан остановилась перевести дыхание. Ее мысли вернулись к мужу. Его недуг делал сон крепким, но беспокойным, мучая его лихорадкой, потом и кошмарами. Оглянувшись через плечо в сторону далекого лагеря, она еще больше чем обычно желала ему приятных снов.

Один за другим, ее спутники прекратили свой труд и последовали примеру Кериан, пристально вглядываясь сквозь освещаемый светом звезд пейзаж в сторону тех, кого они оставили позади. За время их путешествия на восток, местность медленно поднялась, и лагерь под ними был в пределах четкой видимости. На таком расстоянии костры еле виднелись.

Пока трое эльфов смотрели, внезапно в лагере взметнулся к небу огромный столб света. Этот столб распадался на множество мчавшихся по спирали в ночное небо, сталкиваясь друг с другом, блуждающих огоньков, омывавших монолиты безумным радужным сиянием. Высоко в небе, огоньки резко погасли, вновь оставляя долину укутанной в темноту.

Трое эльфов молча обменялись испуганными взглядами.

«Что это было?» — спросил Гитантас.

«Должно быть, огоньки напали на лагерь».

Таранас в ужасе посмотрел на Кериан. Опасаясь худшего, он прошептал: «Беседующий?»

Она заверила их обоих. Связь между мужем и женой была столь сильной, что она вне всяких сомнений знала, что Гилтас по-прежнему жив. Но случилось что-то экстраординарное, и она была так же уверена, что он находился в центре этого.

Больше никакие представления не тревожили ночь, так что Кериан снова повернулась лицом на восток.

«Все в порядке», — сказала она. — «Что бы то ни было, все в порядке».

Перед ними высился серый массив гор. Густая растительность серьезно затрудняла их продвижение. Беспокойство придало им энергии, и они с новыми силами принялись расчищать путь сквозь кустарник. Лианы и барбарис уступили место шалфею, и каждый взмах мечей наполнял воздух его тяжелым ароматом. Запах не был приятным. Это похоже на проклятую долину, горько думала Кериан, извратить пряный травяной аромат до тошнотворной вони.

Густая листва резко закончилась, и все трое эльфов с благодарностью выбрались на открытое место, глубоко вдыхая свежий воздух. Местность перед ними была усеяна чахлыми соснами и обыкновенными серыми валунами вместо привычных снежно-белых монолитов. В небе тонкие облака начали закрывать звезды над горой Ракарис.

Они задержались, чтобы почистить клинки. Едва Кериан сунула свой в ножны, как заметила кого-то, наблюдавшего за ними, сидя на ближайшем валуне. Она не видела, как тот

появился. Когда Керриан поднимала взгляд в облачное небо, его там не было. Когда она снова опустила взгляд, он уже был. Встревоженная, она громко окликнула. Гитантас наполовину извлек меч из ножен, но Таранас положил руку на эфес, останавливая его.

«Робин», — позвал Таранас. — «Керриан, это тот охотник за головами, которого мы освободили из ловушки Фитеруса».

Робин соскользнул с валуна и подошел. В его очках отражался свет звезд. Он с махом руки поклонился Львице. — «Леди Керриансерай», — официально произнес Робин.

«Достаточно Керриан. Таранас рассказал мне, как нашел тебя». — Оценивая его поворотом головы, она добавила, — «У тебя могущественный друг».

Он сделал грубый комментарий насчет хана, который она пропустила мимо ушей. Робин был жив, потому что стая летучих мышей прикрывала от солнца зыбучий песок, притормаживая его смертоносное действие, пока патруль Таранаса не откопал его. Если Робин понятия не имел, кто послал в безжизненную Инас-Вакенти тех летучих мышей, она не обязана была просвещать его. Керриан спросила, зачем он здесь.

«Мы преследуем одну и ту же цель. Мне пришло в голову, что нам следует объединить усилия».

Львица какое-то время молча изучала его. Он был профессионалом, и его способности могли оказаться полезными в их поисках Фитеруса. Но она не доверяла его мотивации. Робин ускользнул от эльфов Таранаса практически сразу, как они вернулись в лагерь. Он не хотел, чтобы они помогли тогда, почему же хочет помощи сейчас? В своей обычной непосредственности, она задала ему этот самый вопрос. Он ответил прямоотой на прямооту.

«Как вы собираетесь поступить с колдуном?» — спросил Робин.

Ее глаза сузились. — «Я собираюсь заполучить его голову до того, как он сможет причинить больше бед».

«Мой контракт требует вернуть его в Кхури-Хан живым». — Она начала было спорить, но он поднял руку. — «В контракт можно внести изменения».

Сахим-Хан больше заплатил бы за живую жертву, чтобы наказать ее. Но две встречи со смертью за несколько дней поколебали стойкую решимость Робина. Он рассказал им о нападении духов, что он мог бы вечно блуждать в этих туннелях, если бы не его заколдованные очки. Они не только могли найти след живого существа, но и позволяли ему видеть в абсолютной темноте. Как бы то ни было, он два дня находился в подземной ловушке, и все это время напряженно размышлял. Робин пришел к выводу, что может либо отыскать Фитеруса, либо выжить в Инас-Вакенти. Для выполнения обеих этих задач требовалось больше одного эльфа, не важно, сколь тренированного, действующего самого по себе.

«Я согласен, что этот маг слишком опасен, чтобы брать его живым», — закончил Робин. — «Все, что я прошу, это исчерпывающих доказательств, которые я смогу предъявить Сахим-Хану, что Фитерус в самом деле мертв».

«Два уха и хвост тебя устроят», — с невольной иронией ответила Керриан.

Два эльфа, оба кагонестийцы, хотя столь разные, пожали руки, и Львица нашла свой маленький отряд значительно усилившимся.

Теперь, когда они выбрались из густого подлеска, она захотела провести быструю рекогносцировку. Продираясь сквозь заросли, они потеряли след. Робин предложил снова отыскать его, так как из всей группы был самым отдохнувшим. Остальные трое устроили привал, разделив бутылку с водой. Им не пришлось долго ждать. Охотник за головами

вернулся и заявил, что обнаружил след.

«Фитеруса?» — спросила Кериан.

Он покачал головой. — «Нет, эльфа, которого он захватил и заставил помогать ему. Я везде узнаю отпечатки рваных сандалий Фаваронаса».

Кериан поперхнулась водой. — «Фаваронас? Он здесь и живой?»

«Два дня назад был, когда были оставлены отпечатки». — Робин был удивлен, что Львица знала Фаваронаса. Он считал Фаваронаса странствующим ученым.

«Он архивариус Беседующего! Вопрос в том, откуда ты знаешь его?»

Робин сказал, что они повстречались несколько недель назад возле ручья у входа в долину. Какое-то время ученый и охотник за головами путешествовали вместе, а когда Фитерус оставил Робина умирать в душащих объятиях песка, он похитил Фаваронаса. По некоторым признакам Робин заключил, что Фаваронас делал все, что мог, чтобы задержать продвижение колдуна к горе Ракарис, хотя и должен был думать, что Робин мертв, и надежда на помощь была призрачной.

Кериан резко прервала разговор, велев Робину вести их. Когда они добрались до оставленных Фаваронасом следов, она ускорила шаг. Гигантас завязал разговор с Робинком, страстно желая сравнить их впечатления от туннелей. Они вдвоем шли впереди, а Таранас с Кериан держались близко позади. Львица упомянула ту роль, которую сыграл Фаваронас во время ее первой экспедиции в Инас-Вакенти. Она думала, что он пропал вместе с остатками ее несчастливой отряда после ее отбытия из долины. Новости Робина удивили ее. Выносливые закаленные в битвах ветераны погибли, а неопытный любящий комфорт библиотекарь выжил.

Причуды судьбы.

* * *

Столпившись в своих импровизированных укрытиях, эльфы в ужасающей тишине слышали медленные приглушенные шаги снаружи. Лампы погасили, чтобы не привлекать внимание. Некоторые эльфы, более храбрые или более любопытные, чем их товарищи, выглядывали сквозь небольшие прорехи в ткани и созерцали удивительное зрелище. Между палатками шествовали мертвецы, освещаемые лишь светом звезд.

Призраки были костлявыми и одеты в простые сорочки или кильты. Их лица были зеленовато-бледными, с темными провалами на месте глаз. Они шли мерной поступью, медленно вращая головами вправо-влево, как будто что-то искали. Стоя снаружи крепко запертых от них пологов палаток, некоторые рыдали и стонали, заламывая руки. Другие грозили кулаками в ночное небо или царапались в палатки призрачными руками. Некоторые ползли, скребя руками в землю, чтобы продвигаться вперед. Хотя эльфы и слышали топот многочисленных ног и шорох ползущих, никто из духов не оставлял отпечатков в пыли.

Время от времени один из призраков издавал громкий вопль, словно получившая смертельный удар жертва. Эти леденящие кровь крики заставляли эльфов отпрянуть от смотровых отверстий к центру укрытий, где они утешающе цеплялись друг за друга. Нация, выстоявшая против ярости кхурских кочевников, была парализована армией призраков.

Привидения описывали круг за кругом. Как и надеялась жрица, они не могли войти в закрытые палатки, но не прекращали своих попыток. Скопление живых душ притягивало их,

как пир притягивает голодающих.

Несчастные случаи были. Несколько палаток рухнули, когда перепуганные их обитатели сбили удерживающие шесты. К тому моменту, когда палатки были вновь установлены, призраки уже оказались внутри. Они тянулись своими серыми руками, их ледяное прикосновение веяло могильным холодом. Некоторые из эльфов выбегали из упавших укрытий, лишь чтобы оказаться лицом к лицу с еще большим числом духов снаружи. Другие, скованные ужасом, просто в страхе сидели, пока вокруг них собиралась все более и более плотная толпа призраков, рыдая, завывая, протягивая руки в мольбе.

Вблизи призраки обретали странную внешность. Несмотря на характерные для чистокровных эльфов изогнутые вверх остроконечные уши, у некоторых были густые пучки волос на лицах и руках. У других было лишь по три или четыре пальца на руках, либо уши необычной формы — даже не округлые, как у людей, а треугольные, и наверху голов, как у собак или кошек. Длинные заостренные зубы обрамляли свисавшие черные языки. Эльфы, бросившие вызов оккупантам палками, камнями и подручными предметами, быстро пожалели о своей храбрости. Получившие отпор призраки, казалось, становились сильнее и осязаемее, и отвечали насилием на насилие. Пытавшиеся защитить дом и семью эльфы оказывались похороненными под толпой неистовствовавших смеявшихся привидений. Ни один из эльфов не мог вынести подобной пытки. Счастливики лишались чувств. Остальные сходили с ума.

В палатке Беседующего все тесно сгрудились вокруг своего короля. Огонь в центре ярко пылал. Гилтас велел развести его повыше, чтобы они не оказались в темноте. Воздух разорвал ужасный крик. Не вой призрака, этот звук вырвался из живого горла, заставив вскочить Хамарамиса и остальных воинов, хватаясь за рукояти мечей или луки.

«От этой угрозы оружие не защитит», — произнес Гилтас. Внешне спокойный, он тоже находил практически невыносимыми страдания своего народа. Свою собственную физическую боль он сносил с молчаливой стойкостью. Боль нации разрывала ему сердце.

Один молодой воин шагнул к закрывавшему проем тяжелому гобелену. Са'ида предупредила его не открывать полог. Эльф повернулся к ней лицом, так крепко сжимая рукоять меча, что побелели костяшки пальцев.

«Чего они хотят?» — крикнул он.

«Чего все мы хотим. Жить».

«Но они мертвы!»

Жрица кивнула. — «Они не знают этого. Или знают, но борются с этой правдой».

Повинуясь молчаливой просьбе Беседующего, молодой эльф вернулся к огню. Остальные собрались вокруг Са'иды послушать, что она знала о призраках. Это, сказала она, души, пойманные в ловушку в мире смертных магией, могущественным проклятием или своими собственными нерастраченными желаниями. Столь многочисленный легион призраков в Инас-Вакенти говорил о большом конфликте в прошлом. Изгнанные сюда были заключены под столь сильный магический надзор, что даже их душам не позволили уйти. Как и Гилтас до нее, жрица ощущала исходившее от них одиночество. Будучи более него настроенной на такие вещи, она пошла дальше, пояснив, что за прошедшие века одиночество духов переросло в ужасную ярость, жажду быть отмщенными за свои страдания. Она поежилась и потеряла ладони, словно от холода.

«Может быть, они теперь отбудут, когда их хозяева, блуждающие огоньки, исчезли?» — предположил Гилтас.

Вопль заставил их всех вздрогнуть. Что-то тяжелое ударилось в брезентовую стену палатки и отскочило. Сопровождавшее это действие сопение медленно стихло.

Варанас уронил свое сломанное стило, которое он разломил надвое при звуке этого вопля. — «Я это не вынесу!» — сказал он. — «Леди, это будет продолжаться всю ночь?»

«Мотивы мертвых едва ли понятны живым», — ответила Са'ида. Она повторила, что надеется, что восход солнца разгонит призраков.

«Тогда, за рассвет», — произнес Хамарамис, залпом выпивая глоток крепкого *флака*. Беседующий с Са'идой повторили тост, салютуя своими маленькими чашками с *кефром*.

Красноватое зарево осветило одну сторону огромной палатки, и воздух наполнился запахом горящего брезента. Воины, слуги и писцы тотчас вскочили на ноги. Они не могли позволить сгореть лагерю вокруг них!

Гилтас поднялся, тяжело опираясь на свой посох. — «Леди?» — произнес он, предлагая руку.

Верховная жрица не могла потерять лицо перед *лэддэд*. Пусть они и были изгнаны и унижены, но их цивилизация насчитывала тысячелетия. Беседующий, молодой совершеннолетний по стандартам их расы, скорее всего, видел больше лет, чем большинство живших пожилых кхурцев. Его глаза, затуманенные мукой, смотрели на нее с непреклонной решимостью.

С огромным достоинством, Са'ида приняла его тонкую руку.

Он улыбнулся. — «Вот. Что бы со мной ни случилось, у меня под рукой будет целитель».

Пожар утих. К тому моменту, как медленно передвигавшийся Гилтас прошел сквозь дверь, все было практически кончено. Соседняя палатка, принадлежавшая знатному силванестийскому клану Киндробел, обратилась в пепел. Проходы со всех сторон уничтоженной палатки были заполнены бледными привидениями. Их внимание медленно переключилось на стоявшего в открытом дверном проеме своей палатки Гилтаса.

Он шагнул наружу. Ветерок разносил тлеющую золу. Са'ида отогнала от лица жалящие угольки. Гилтас сделал глубокий вдох.

«Призраки Инас-Вакенти, слушайте меня! Вам нет дела до нас. Убирайтесь! Оставьте нас в покое!»

Призраки медленно двинулись вперед, направляясь к нему.

«Не думаю, что они слушают», — прошептала Са'ида.

«Они очень хорошо меня слышат». — Он повысил голос. — «Удерживавшая вас в плену сила исчезла. Разве вы не чувствуете это? Вы можете отправляться на давно заслуженный покой!»

Сухой вздох наполнил воздух, словно сотни голосов шептали разом.

«Я не понимаю вас», — терпеливо сказал им Гилтас.

Несмотря на его внешнее спокойствие, Са'ида, державшая руку Гилтаса, чувствовала, как бешено бился его пульс. Следопыт хорошо притворялся, но он был напуган. Как и она. Она никогда прежде не бывала среди такого множества духов. От исходившей от этого унылого сборища страстной отчаянной жажды жизни у нее перехватило дыхание. Волны холода окатывали Са'иду ледяным душем. Ее магическое обучение заставляло ее ощущать их сильнее, чем эльфов, но также и помогало ей справляться с ними. А еще, она испытывала отчаянное первобытное желание бежать.

«Ты делаешь больно моей руке», — прошептал Гилтас. Смутьившись, она ослабила

хватку.

Стоявший позади них Хамарамис предложил Беседующему вернуться внутрь. Надвигавшиеся духи были уже в считанных метрах.

«Они меня не запрут. Либо они должны уйти, либо мы». — Прилив его древней силы, силы его знаменитых предков, распрямил спину Гилтасу, и он крикнул, — «А мы не уходим!» — Он повернулся и ткнул пальцем в ближайших призраков. — «Вы мертвы! Ваше время в этом мире давно вышло. Уходите! Возвращайтесь в царство мира и вечного покоя!»

К всеобщему удивлению, включая самого Гилтаса, приближавшиеся привидения заколебались. Их шепот стих. Гилтас повернулся к духам слева от него и повторил команду. Ползучее приближение прекратилось.

Са'ида больше не следила за призраками, ее внимание было приковано к ее пациенту. Какую мощь она ощущала от этого голодного больного скелета! Она пылала в нем, словно не погаснувший, несмотря на его многочисленные болезни, маяк.

«Я — Беседующий с Солнцем и Звездами. Я знаю причиненную вам огромную несправедливость. Вы были заключены здесь давным-давно моими предками. Я не знаю, какие преступления вы совершили, и меня это не волнует. Я освобождаю вас от любой виновности. Вы слишком долго ходили по миру смертных. Пришло время вам уйти».

От собравшихся духов хлынула волна столь сильной печали, что Са'ида почувствовала, как слезы щиплют ей глаза. Они не рыдали и не стонали, но их скорбь была очевидной для чувствительной жрицы.

«Ваши цепи разбиты. Дверь открыта. Ничто не удерживает вас здесь, кроме древней боли и гнева. Отпустите их. Прекратите бороться. Неумолимый ток времени унесет вас. Вам нужно лишь отбросить свою ненависть, и идти».

Ночь сгустилась, когда погасли последние угольки сгоревшей палатки. И все же, верховной жрице и столпившимся в дверях палатки Беседующего эльфам было очевидно, что ряды призраков редуют. Несколько духов полностью исчезли. Другие были столь размытыми, что едва видны.

Гилтас глубоко вздохнул. Рука, которую держала Са'ида, задрожала. — «Я устал», — заявил он, все еще обращаясь к духам. — «Но не могу отдохнуть, пока не узнаю, что мой народ в безопасности. То, что у вас было, исчезло, но теперь никто не может причинить вам вред, и вы не должны причинять вред в ответ. Прощайте. Гилтас, сын Таниса и Лораланталасы, говорит вам прощайте. Хорошего отдыха».

Они ушли. Один за другим, скорбные духи растворялись, пока не осталась лишь темнота. Когда все до единого исчезло, Гилтас сам прекратил бороться. Хамарамис подоспел вовремя, чтобы помочь Са'иде подхватить его, когда колени Гилтаса подогнулись. Двое воинов подняли его.

«Подождите», — приказал он охрипшим от речи голосом. — «Генерал, обследуйте лагерь на повреждения и потери».

Хамарамис проследил, как его отнесли обратно в палатку. Старый генерал пытался осмыслить то, свидетелем чего только что был. Он многое повидал за свою долгую жизнь — ужасные вещи, как уничтожение Квалиноста, удивительные вещи, как когда Беседующий глухой ночью вел свой народ вдоль пустынной горы прочь от кровожадных кочевников. Соппротивление Беседующего свирепым кочевникам снаружи Инас-Вакенти вызывало у Хамарамиса удивление и благоговение. Но все бледнело в сравнении с событиями этой ночи. Он вел по лагерю отряд воинов. Они не обнаружили ни одного оставшегося призрака,

и все равно, он не мог осознать сотворенное его сувереном. Лишь силой слова, Беседующий изгнал сотни злобных духов из земли, по которой они бродили веками.

Никто из них не мог с уверенностью сказать, что духи не вернуться, но сердцем Хамарамис верил, что Гилтас Следопыт изгнал призраков навсегда.

* * *

Фаваронас также стал свидетелем отбытия блуждающих огоньков. Лежа на боку, все еще парализованный ниже пояса, он пытался найти облегчение от постоянного ужаса во сне, когда вспышка заставила его открыть глаза. Огромный фонтан света, закручивавшийся вверх и прочь от эльфийского лагеря, напомнил ему гномьи фейерверки, виденные им однажды в Зарадене. Он смотрел в изумлении, пока Фитерус не стал перед ним, заслоняя обзор.

«Здесь есть кто-то другой. Сторожей разогнали», — сказал колдун.

Фаваронас почувствовал, как в сердце шевельнулась надежда. У Беседующего была магическая поддержка! Возможно, все не было потеряно. Если новый маг был достаточно могущественным, чтобы прогнать из долины огоньки, он мог быть и достаточно сильным, чтобы опередить Фитеруса.

Колдун долго пристально вглядывался в сторону теперь уже темной долины. Он тихо неприятно рассмеялся и сказал, — «Когда я закончу, это зрелище покажется детской забавой».

Хотя Фаваронас наблюдал за небом, больше ничего не случилось. Стараясь сохранять искру надежды, он позволил усталости овладеть им.

Надежда была недолгой. Когда он снова проснулся, небо было бледно-серым от зарождавшейся зари, и разочарование холодило его несомненно сильнее прохладного камня под ним. Кто бы ни прогнал огоньки, он не пришел одолеть Фитеруса. Колдун все еще был здесь, Фаваронас все еще был парализован, и весьма вероятно, что это был последний день в его жизни. Если Фитерус добьется своего, это будет последний день, который вообще увидит вся его раса.

Взметнув руки к небу, Фитерус воскликнул на том же сокращенном древнем языке, что использовался в каменных свитках. Фаваронас старался расшифровать эти аббревиатуры и архаичные склонения и перевести слова на современный эльфийский. Но понимание слов не означало, что он мог постичь их предназначение.

«Проснись земля, проснись небо, проснись солнце! Давно погребенные древние тени, проснитесь! Явитесь и затмите солнце!» — крикнул колдун, а затем воззвал к этим теням и «забытым глазам» выполнить его приказ.

Небо посветлело до бледно-розового. До сих пор команды колдуна казались безрезультатными. Его шумная речь длилась долгое время, пока солнце не взошло из-за пиков позади них. Когда свет коснулся внешнего края Лестницы, Фитерус повернулся лицом к взошедшему солнцу. Как всегда, он был закутан во множество слоев гнилой ткани, и Фаваронас удивлялся, как он может носить ее. Под капюшоном должно было быть душно.

Его призывы на старом языке уступили место напеву. Лишь восемь повторявшихся снова и снова слов, но Фаваронас не мог расшифровать их. Слова не были эльфийскими любой из эпох, как и аббревиатурой с каменных свитков. Они звучали грубее любого из эльфийских языков. В старых хрониках были ссылки на *Кевим*, язык богов, и Фаваронас

гадал, не его ли он слышал.

Напев был безжалостным. Голос Фитеруса поднимался вверх по звуковому регистру, а затем опускался. Он перемежал свое заклинание восемью громкими хлопками, а затем возвращался к возрастающему и опускающемуся напеву. Это длилось так долго, что Фаваронас думал, что закричит. Слова били по нему, буравили череп. Он был уверен, что никогда не забудет их, равно как и был уверен, что никогда не сможет воспроизвести их. Он обхватил голову руками, пытаясь отгородиться от этого звука и пощадить свои пострадавшие уши. Это не помогло. Слова продолжали градом камней обрушиваться на него.

Толчок сотряс землю, затем другой. Фитерус поднимал руки во время напева, а затем ронял их в короткий промежуток тишины. В хлопающей тяжелой мантии, он напоминал пытающуюся взлететь какую-то невероятно неуклюжую птицу. В одной точке напева он топал правой ногой, заставляя гору вибрировать подобно гонгу, в который ударил молот. Удары его пятки вызывали осыпь камней по склону горы.

Фаваронас поднял взгляд. Он открыл рот.

Над центром долины возникла темная масса. Она высоко парила над Тимпанумом. Видимая даже с такого расстояния, она должна была быть гигантской. С каждой сменой напева из восьми слов, масса вырастала. Вскоре она затемнила значительную часть долины под ней. С нарастающим ужасом Фаваронас понял намерения колдуна. Стих в каменном свитке говорил о «черном глазе солнца». В отсутствие природного затмения, Фитерус заслонит солнце темной тучей своего собственного творения.

Тогда и только тогда он решил не ждать той ужасной судьбы, которую планировал для него Фитерус. Цепляясь за каменистую землю, нащупывая опору для рук, он тянул себя вперед. Его продвижение было жалко медленным, но это было продвижение. Все, что ему было нужно, это добраться до переднего края плато в пятидесяти метрах от него и перекатиться. Его мучения наконец закончатся. Пока полз, Фаваронас пытался примириться с содеянным им.

Тщеславие было корнем всех его неприятностей. Ему следовало отправиться с Глантоном и теми воинами, когда они покидали долину. Вместо этого, он выбрал исследование тайн, которых ни один смертный не должен был знать. Фитерус все еще мычал свое заклинание, но Фаваронас не слышал его. Вместо этого, он слышал звавший его по имени голос Глантона. Воин долго искал, прежде чем предположить, что Фаваронас потерялся в пустыне и ускакать без него. Если бы он мог изменить один единственный момент в своей жизни, Фаваронас бы никогда не спрятался от Глантона. Он бы остался с воинами и отправился обратно в Кхуриност.

Его путь пролег мимо Фитеруса, но колдун не обратил на него внимания. Оборванная мантия Фитеруса была вся в следах пота. Из подошвы его ноги текла кровь, пока он продолжал топать по земле. Мимолетное видение лица колдуна внутри капюшона заставило Фаваронаса быстро отвести взгляд. Глаза Фитеруса казались темными дырами на его чужеродно выглядевшем лице.

Покрывавшая поверхность Лестницы брусчатка была неровной, потрепанной за столетия непогодой до грубой шагренево́й структуры. Геб Фаваронаса был порван на груди в дюжине мест. За ним тянулся кровавый след. Кончики пальцев были окровавлены, несколько ногтей оторваны. Когда накопилось изрядно травм, он замер, положив голову на холодный камень.

Голос Фитеруса словно гром отдавался эхом.

Шевелись, бесполезное создание, подстегнул он себя, и дрожащие руки вытянулись, чтобы преодолеть очередной метр камня.

Эльфийский лагерь, лишь недавно освобожденный от угрозы призраков и блуждающих огоньков, вновь охватила паника, когда утреннее небо заполнило бурлящее черное облако. Большинство эльфов сразу же побежали, ища укрытия во внешнем кольце монолитов. Когда облако разрослось до размеров каменной платформы под ним, на лагерь обрушился ветер. Воздух стремился к облаку, валя палатки и поглощая по дороге мелкие предметы. Чашки, кувшины с водой и инструменты, кувыркаясь, неслись к далекой платформе.

Это зрелище привело в замешательство Гилтаса и его советников. Стоя с ними снаружи палатки Беседующего, Са'ида была встревожена данным представлением. Она сказала, что никто в долине, кроме Фитеруса, не обладал магическими способностями, чтобы пробудить подобные силы.

Гилтас обменялся с Хамарамисом обеспокоенными взглядами. Должно быть, охотничий отряд Кериан потерпел неудачу в попытке положить конец деятельности колдуна. Тем не менее, Гилтас отказывался терять надежду. Львица могла еще одержать победу.

Перекрикивая ветер, старый генерал спросил Са'иду, не может ли она остановить происходящее. Ее ответ был недвусмысленным. Круживший над платформой черный вихрь был вне ее способностей. На самом деле, столь грубое высвобождение магической энергии заметно причиняло ей страдания. Походный стул, кувыркаясь, пронесся мимо, едва не задев ее. Гилтас втянул ее глубже под защиту большой палатки, кивнув своим советникам последовать за ними.

«Вы можете замедлить его или каким-либо образом вмешаться?» — спросил он. Даже с грудой палатки за спиной, хоть как-то ослаблявшей ветер, Гилтасу приходилось до предела повышать хриплый голос, чтобы быть услышанным сквозь завывавшую бурю.

На пепельном лице Са'иды читалось мало уверенности, но она сказала, что попробует. Она удалилась от группы на несколько шагов. Доставая из-под платья Глаз Элир-Саны, она сжала его руками и склонила голову. Когда она развела руки, амулет повис в соединявшей ее руки полоске голубоватого света. Ее губы шевелились в беззвучном заклинании, лоб прорезали морщины сосредоточенности. Полоска света стала толще и ярче, и Са'ида швырнула ее в небо. Подхваченная ветром, та полетела по наполненному обломками воздуху, уменьшаясь с расстоянием. Когда она достигла облака, вспыхнул свет, и ветер ослаб, но лишь на мгновение. Буря возобновилась с прежней силой.

Са'ида присоединилась к группе. Она выглядела еще более больной, чем прежде. — «Это чудовищное колдовство, Великий Беседующий! Я не знаю, что пытается высвободить Фитерус, но вы должны увести свой народ. Держитесь как можно дальше от этого...» — Ее голос слабел. Наконец, он полностью умолк, и Са'ида слабо махнула рукой в сторону огромного облака.

Пока войны поддерживали потерявшую сознание жрицу, Гилтас отдал приказ: «Генерал! Всем бежать. Неважно, куда, как можно дальше прочь от каменного диска. Скажите им бросить все, и бежать. Бегите, генерал!»

Хамарамис взял у помощника поводья своего коня и предложил животное Беседующему. Гилтас покачал головой. — «Я остаюсь».

Генерал разразился протестами. Он категорически отказывался покидать Гилтаса.

Когда страх за своего суверена довел его до угрозы унести Беседующего против его воли, гневное выражение лица Гилтаса разом погасило вспышку.

«Сир», — крикнул он, — «пожалуйста, простите меня! Мне никогда не следовало так говорить, но вы не можете ожидать, что я...»

«Могу и жду, генерал. Возьмите леди Са'иду и идите. Я не буду повторять».

Как только Хамарамис забрался в седло, жрицу усадили перед ним. Одной рукой держа ее, а другой поводья нервничавшего коня, он уставился на своего короля. На его худом морщинистом лице боролись страх и беспокойство.

«Это всего лишь ветер», — сказал Гилтас, выдавив улыбку.

С неослабевающей мукой, Хамарамис отвернул голову коня и поскакал прочь.

Паланкин всегда был неподалеку от Гилтаса. Он уселся в плетеное кресло и приказал носильщикам бежать. Они не шелохнулись. Не споря и не жалуясь, они, опустив головы, просто сидели на земле возле паланкина. Каждый крепко зажал в руке мантию Беседующего.

Не только эльфы в лагере боролись с ветром. Отряду Кериан также пришлось иметь с ним дело. Воздух стремился вниз с горы Ракарис в долину, неуклонный, как водопад. Львица знала, что такой постоянный ветер должен был быть неестественным, и была уверена, что это работа Фитеруса. Когда над центром Инас-Вакенти появилось темное облако, она со своими товарищами по крайней мере знала траекторию ветра, если не его причину.

Двое более молодых эльфов шли впереди, а Кериан с Таранасом держались в нескольких метрах позади. Склон горы, по которому они поднимались, все еще омывался утренним солнцем, но центр долины был в столь густой тени, словно наступили сумерки. Столб пыли и обломков, словно подхваченных торнадо, медленно поднимался от земли к центру облака. Это зрелище вызвало у застывшего на месте молодого Гитантаса крик боли. Остальные продолжали движение, и когда Кериан поравнялась с ним, она грубо велела ему поступить так же.

«Командир, там наш народ!» — запротестовал он.

«Я знаю».

«Там Беседующий!»

Она больно схватила его за руку и толкнула вперед. — «Я знаю!» — рывкнула она, даже не оборачиваясь на лагерь. — «Единственный способ, как мы можем им помочь, это продолжать идти!»

Они прибавили шаг, чтобы нагнать остальных. Таранас был ближе всего; Робин в нескольких метрах впереди него. Когда Львица с Гитантасом поравнялись с Таранасом, коричневая молния метнулась из треплющихся ветром кустов справа от них и ударила Робина прямо в грудь. Охотник за головами резко опрокинулся на землю. Яростный ветер скрывал любые предательские звуки. Нападение полностью застало их всех врасплох. Гитантас закричал. Все трое достали мечи и побежали Робину на помощь.

Он катался, схватив пушистого зверя за шею. Он ухитрился удерживать его от своего горла и каким-то образом прекратить кувырки, оказавшись сверху. Высвободив левую руку, он придавил предплечьем нижнюю челюсть твари. Тот корчился, стараясь сбросить Робина. Тот придавил зверю коленом ребра.

Покрывая расстояние бегом, Таранас узнал напавшего на Робина. — «Это тот зверь, которого изгнала жрица!» — воскликнул он.

«Шоббат?» — Кериан была в ярости. Она хотела убить эту тварь, когда та появилась в их лагере. Вышвырнув чудовище, Са'ида лишь отсрочила неизбежное, и вдобавок подвергла

риску жизнь Робина.

«Убейте его!» — крикнула она.

Несмотря на ветер, Шоббат без проблем расслышал приказ Львицы. Он прыгнул на Робина, чтобы охотник за головами не привел *лэддэд* к Фитерусу. Если *лэддэд* схватят колдуна, Шоббат мог никогда не освободиться от своего ада из меха и клыков. Крик Львицы заставил его бороться еще упорнее, и у него было важное преимущество перед своим врагом. Вся ловкость и сила его звериного облика соединялись с умом человеческого мозга. Он открыл рот, выпустив тунику охотника за головами, сложил переднюю лапу с длинными пальцами в кулак, и сильно ударил эльфа в лицо.

Как говорят кендеры, Робин увидел три солнца. Когда его голова от удара дернулась назад, он высвободил руку, чтобы защититься от новых ударов. Челюсти Шоббата раскрылись, готовые сомкнуться на незащищенной руке.

Его зубы нашли лишь воздух. Подбежал Таранас, и его меч рубанул по короткому пушистому хвосту Шоббата. Шоббат завизжал от боли. Кериан налетела, ткнув острием своего оружия ему в грудь. Ее клинок наткнулся на мех и скользнул в сторону, но оставил длинный глубокий порез. Пока они отвлекали Шоббата, Гитантас оттащил в сторону Робина. Кериан слышала, как молодой капитан яростно спрашивал Робина, куда тот ранен, но их с Таранасом внимание было сосредоточено на припавшем к земле звере. Из груди Шоббата капала кровь.

«Ты пожалеешь об этом!» — проскрежетал он.

«Я жалею лишь о том, что не прикончила тебя раньше!»

Кериан сделала выпад, на мгновение опередив Таранаса. Несмотря на свои раны, Шоббат удивил их. Свернувшись почти вдвое, он прыгнул, не прямо на нападавших, а поверх их голов. Они развернулись, но он был быстрее. В пару прыжков он скрылся в низком кустарнике и поросли сосны.

Гитантас обрабатывал раны Робина. Своевременное вмешательство Таранаса спасло кагонестийцу руку, но во время первой атаки Шоббат прочертил на правом плече Робина две кровавые полосы своими клыками. Хоть и не серьезная, рана была болезненной. Робин стойчески молча наблюдал, как Гитантас перевязывает ее льняной лентой.

Времени на отдых не было. Робин попил из навязанной Гитантасом бутылки с водой, а затем снова повел всех вперед. Явно страдая от боли, с лицом покрытым испариной, он взял еще более быстрый шаг, чем до ранения. Ветер уничтожал следы. Огонь на склоне горы погас еще до начала бури. Без ориентира в виде столба дыма, им нужно было торопиться, пока не исчезнут все следы.

В конце концов они заметили несколькими милями выше врезанное в склон горы плато. Оно явно было рукотворным и выглядело подходящим местом для могущественного колдовства. Быстро исчезавший след вел прямо к нему.

Робин гордился своей беспристрастностью. Он мог с равной эффективностью и уверенностью выследить худшего из преступников или заставить подчиниться самого жалостливого должника. Атака Шоббата была последней в череде пошатнувших уверенность нападений, и это выводило его из себя. Его добычей был Фитерус, но, если подвернется удобный случай убить Шоббата, Робин без колебаний ухватится за него.

Фаваронас сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Он был близок к цели. Край плато был всего в нескольких метрах. Очень скоро он освободится от мук, лишив Фитеруса возможности воплотить свои мерзкие планы в отношении пленника. Часть его желала видеть завершение работы колдуна, хотя бы для того, чтобы лицезреть высвобождение ужасной древней силы. Но Фитерусу он был нужен живым для проверки эффективности заклинания. Фаваронас хотя бы получит удовлетворение, отказав ему в этом.

Ветер неуклонно дул вниз по склону горы, через всю долину и вверх к извивающемуся черному облаку. Облако было огромным, больше мили в диаметре. Внезапно Фитерус прекратил мычать свой напев. Фаваронас рискнул обернуться через плечо.

Сжав вместе ладони, Фитерус взметнул руки к небу. Он проревел на древнеэльфийском, — *«Теперь пусть Глаз Тьмы поглотит солнце!»*

Безмолвный удар сотряс воздух и землю. Ветер мгновенно стих с яростной бури до абсолютного штиля, будто закрыли громадную дверь, и небо быстро потемнело. Черное облако стало плоским, растекаясь словно заливающее чернилами небо темное масло. Миновал лишь час пополудни, тем не менее, Инас-Вакенти накрыли сумерки. Воздух быстро остывал.

Фаваронас переключил внимание с нереального зрелища, и яростно преодолел последние несколько метров до края плато. Он свесился с него, и к глазам подступили слезы. Он пролетит не меньше двенадцати метров, прежде чем ударится о камни. Этого будет более чем достаточно, чтобы убить его.

По горе к нему поднимались эльфы.

Он обеими руками стиснул край плато, не смея поверить своим глазам. Среди деревьев мелькали несколько фигурок. Даже в мистическом свете он видел блеск металла на них. Приближались солдаты Беседующего!

Столь же яростно, как раньше безудержно стремился к самоубийству, Фаваронас теперь отпихивал себя от края. Три, может, четыре крошечные фигурки двигались среди чахлах деревьев, сучковатых кустарников и осыпавшихся валунов. Должно быть, это разведчики, а за ними следует намного больший отряд воинов.

Осторожно бросив украдкой взгляд на Фитеруса, он увидел, что колдун направился проконсультироваться с длинным свитком. На него накатила волна столь сильного облегчения, что у него закружилась голова. Фитерус не заметил ни приближения разведчиков, ни расположение Фаваронаса у края Лестницы.

Он снова посмотрел вниз по склону. Разведчиков больше не было видно. Крепко зажмурив глаза, он мысленно поторопил их.

* * *

Внезапно стихнувший ветер заставил верных носильщиков Беседующего затаить дыхание. Они держались за него, как потерпевшие кораблекрушение моряки цепляются за плот, но вопреки их страхам, ветер так и не стал достаточно сильным, чтобы угрожать им. Лагерь был вычищен от всех маленьких незакрепленных предметов. Половина укрытий — ближайших к каменной платформе — превратилась в клубок рухнувшего брезента, сломанных столбов и спутанных веревок.

Ветер исчез, но черное облако осталось и распространялось по чистому небу, словно

опускавшийся на огромную сцену занавес. Летний день поглотил летний вечер. Неестественные сумерки принесли с собой зловещую тишину, еще более абсолютную, чем обычно для Молчаливой Долины. Один из носильщиков спросил Беседующего, что происходит. Гилтас признался, что не знает.

«Мы должны найти святую госпожу. Она может сказать нам, что происходит». — Хотя в его голосе звучала убежденность, по правде говоря, Гилтас боялся, что Са'ида знала не больше их.

Не успели носильщики разойтись по местам и поднять паланкин, как эльфийская нация вереницей потянулась обратно в лагерь. Прибыл Хамарамис с сидевшей за спиной Са'идой. Старый генерал выглядел сбитым с толку.

«Ложная тревога, сир!»

Гилтас не был так уверен. Как он и подозревал, жрица мало что могла добавить к тому, что они и так знали. Полным ходом творилось великое колдовство. Са'ида никогда прежде подобного не видела, но Фитерус явно собирался причинить им вред.

«Мы в этом уверены?» — спросил Гилтас.

«Никто не будет проделывать такую громадную работу в благих целях», — был ее мрачный ответ.

Хамарамис спешил и помог спуститься жрице. Шепотом он спросил короля, не следует ли им эвакуироваться.

«Куда, генерал?» — спросил Гилтас.

Делая широкий жест в сторону юга, Хамарамис ответил, — «Куда-нибудь прочь из этой долины».

Гилтас покачал головой. Даже если бы у них было, куда идти, требовались дни, чтобы тысячи эльфов покинули Инас-Вакенти, а им было еще и некуда. И не было гарантированного расстояния, обеспечивавшего безопасность от зловещего замысла Фитеруса.

Жрица покинула двоих эльфов. Она сказала, что удалится в свою палатку, чтобы серьезно обдумать, чем она могла бы помочь. На худой конец, возможно, она могла бы проделать в черном облаке отверстие. Солнечный свет мог расстроить планы Фитеруса.

Перед тем, как уйти, она обследовала Беседующего. Его лихорадка усилилась, и он кашлял сгустками крови. Гилтас не оспаривал ее настойчивое требование, что он должен отдохнуть, а лишь ответил, что так и сделает, когда снова засияет солнце, и его народ будет в безопасности.

Эльфы вернулись к своим импровизированным жилищам. Делались попытки поднять дух. Развели костры, чтобы прогнать темноту и холод. Появились флейты, и по кругу пустили старые запасы бутылок нектара и кхурского *флака*. Пелись песни и раздавались приветствия.

Хамарамис мрачно взирал на всеобщее веселье, в отличие от Гилтаса. Тот позвал своего дворецкого. Беседующий собирался пройтись между своих подданных, и не желал делать это с пустыми руками. Как только принесли его скромные запасы выпивки, Гилтас привел в движение носильщиков. С едущим сбоку суровым генералом, Беседующий делал круги по лагерю. Он приветствовал всех, кого видел, стараясь называть по имени всех, кого знал, и выпивал со всеми желающими. Если его подданные пили тонкий силванестийский нектар, то и он тоже. Если у них не было ничего, кроме грубого *флака*, то Беседующий с Солнцем и Звездами поднимал наполненную до краев чашу с кхурским спиртным напитком. Ни одним

мускулом на лице он не выдал своей громадной неприязни к *флаку*.

Пока продолжалось это храброе празднование, Са'ида в одиночку направилась к своей палатке. Она прибыла в эту заброшенную долину как доставить неприятности своим врагам в Кхури-Хане, так и помочь *лэддэд*. Храбрость и светские манеры хана *лэддэд* покорили ее, и Са'ида охотно применила на нем свое мастерство целителя. Но она была основательно напугана. Хотя и являясь жрицей на долгой и благородной службе у своей богини, Са'ида не обладала навыками высокой магии, как той, которой управлял Фитерус. Ее осведомленность о древней мощи в долине не требовала специальных навыков, лишь чувствительности. Она сохраняла храброе лицо перед *лэддэд*, но в уединении своей палатки Са'ида отбросила притворство. Ее сердце бешено билось, руки дрожали, и белое платье намокло от пота.

И все же жрица не позволит страху не дать ей сделать того, что она могла. Усевшись поудобнее на позаимствованном ковре, Са'ида успокоила разум и освободилась от тела при помощи заклинания дальновидения. Ее *наис* (кхурское слово для обозначения души, или личного духа человека) поднялась высоко над лагерем *лэддэд*. С этой выгодной точки движение черного облака отлично просматривалось. Громадная масса не просто утончалась и расширялась, чтобы покрыть большую территорию, она медленно вращалась вокруг центральной оси, расположенной прямо над географическим сердцем долины. Вращение было против движения солнца, что для Са'иды являлось признаком негативной силы. Она велела себе двигаться к ней, но ее *наис* не смогла пройти сквозь облако. Жрица сделала вторую попытку, и реакция оказалась жесткой. Вместо того, чтобы просто быть остановленной, Са'иду вышвырнуло обратно в ее тело. Она вернулась с такой силой, что ее тело отбросило назад. Оно ударилось в стенку палатки, сбивая опору и обрушивая половину строения. Пока она лежала, с трудом переводя дух, в темноте послышался смех.

«Женщина, не смей играть со мной!»

Са'ида с трудом села. — «Фитерус! Зачем ты здесь?»

«Чего хочет каждый практикующий в нашем искусстве: могущества! Когда я получу его, первым, ощутившим мой гнев, станет отродье тех, кто вынес мне приговор. А после того, как я разберусь с эльфами, я переключусь на ваших пустынных паразитов».

Са'ида поднесла руку к Глазу Элир-Саны. Это был просто жест, неосознанное желание оградить изображение богини от нечестивого присутствия Фитеруса, но контакт с драгоценным камнем вызвал в ней прилив новой силы. Она не подала виду, сохраняю позу запуганной слабости.

«Почему ты ненавидишь *лэддэд*?» — осторожно спросила она. — «Ты же один из них».

«Я не один из них!» — Хотя этот крик словно гром прокатился эхом, Са'ида знала, что больше никто его не услышал. Голос Фитеруса предназначался ей одной. — «Случай дал мне их облик, но я не из их проклятой расы!»

«Тогда, из какой ты расы?»

В темноте обрела очертания фигура. Фитерус позволил своей *наис* открыть свой истинный облик, без маскировки в виде тяжелой мантии. Рука Са'иды судорожно стиснула амулет.

«Убирайся», — с трудом выдавила она. — «Возвращайся в породившее тебя темное место!»

Фитерус рассмеялся. Его призрачная рука потянулась и схватила Са'иду за запястье. Когда он поднял руку, то вытянул наружу ее *наис*. Ее физическое тело безвольно осело.

«Ты станешь свидетелем моего триумфа. Это будет весьма поучительно!»

Со скоростью, от которой у Са'иды захватило дух, они стремительно вознеслись над лагерем *лэддэд*, поднимаясь намного выше, чем когда Са'ида делала это в одиночку, а затем ринулись на восток. В считанные секунды они оказались на широком уступе, врезанном в склон горы Ракарис, который Фитерус называл Лестницей Дальнего Видения.

Ее духовная форма растянулась, когда он резко отпустил ее. Он поднял руку, и в той тотчас же появилось копье. Скорее, чем настоящее физическое оружие, копье было представлением заклинания. Фитерус метнул его ей в бедро, пришивая Са'иду на месте, и шок от спиритического пронзания вызвал невольный вскрик. Но боль была силой, понятной жрице. Она быстро справилась с муками, хотя не могла освободить свою *наис*. Она оставалась крепко пригвожденной к камню.

Фаваронас не видел ничего из этого. Со своего места у края Лестницы, все, что он видел, это лишь стоявшего неподвижно, наклонив голову, у центральной башенки колдуна. Фитерус резко поднял лицо и руки к потемневшему небу и нарушил долгое молчание, декламируя громким чистым голосом. Язык был старозельфийским, и Фаваронас опознал схему рифмовки и размер как древнее бардское повествование, называемое *хумря*. Он никогда прежде не слышал, как его произносят. Говорили, что эта поэзия обладала странными неконтролируемыми магическими эффектами, и еще давным-давно была запрещена Беседующим со Звездами Сителом.

Так как Фаваронас был превосходным ученым, он заметил вносимые Фитерусом в *хумря* изменения. Фитерус объявлял себя «разрушителем миров», когда настоящая строфа *хумря* являлась «творцом миров». С помощью подобных уловок он трансформировал древнюю поэму созидания в воплощение разрушения.

Пока он декламировал, монолиты Инас-Вакенти начали светиться. Эффект был едва уловим, словно отраженный лунный свет, но в неестественном сумраке вполне заметен. Когда колдун завел вторую песнь, аура стала ярче и превратилась в ровное сияние.

Фаваронас отчаянно высматривал склон под ним. Не было никаких признаков эльфийских разведчиков, и его посетила страшная мысль. Может, он только вообразил те мелькавшие среди кустов фигуры? Может, его перепуганный разум выдумал фантомов? Может, он ждал спасения, которое никогда не придет?

* * *

Маленький отряд Львицы прятался позади нескольких больших валунов ниже плато. Встревоженная свечением монументов, Кериан направила свою группу в укрытие. Когда прошло время, и не случилось больше ничего плохого, она велела Робину вести всех дальше. Тот коротко оценил ситуацию, а затем выбрал узкую тропу, извивавшуюся вверх к южному краю плато. Она была крутой, но, казалось, обеспечивала больше скрытности, чем путь по северной стороне.

Остальные последовали за ним, но воодушевленный близостью своей цели, Робин опередил их. Он мельком заметил кого-то, прятавшегося в камнях наверху, и упал на живот, чтобы его не увидели. Одета в черное фигура притаилась позади валунов на склоне над плато. Был ли это один из наемников Фитеруса, охранявший спину колдуна, пока тот творил свое колдовство? Вглядываясь под очень острым углом сквозь редкий кустарник, Робин увидел четкий контур арбалета. Он снял лук и наложил стрелу. Его плечо пульсировало, но

он игнорировал эту боль, придав твердости правому локтю. Робин тщательно прицелился. Выпустив стрелу, он повернулся предупредить своих товарищей.

«В камнях над плато, лучник!» — стараясь говорить тише, окликнул он.

Он начал было снова разворачиваться, но вдруг упал на спину, выпустив лук из руки. Кериан, Таранас и Гитантас немедленно бросились на землю.

«Робин!» — Хрипло позвал Гитантас. — «Робин, ответь!»

Ответа не последовало. Гитантас был ближе всех к упавшему охотнику за головами. Он видел торчавшую из груди кагонестийца стрелу, но в ненадежном свете не мог сказать, был Робин жив или мертв.

Они возобновили подъем, и Гитантас был удивлен и успокоен, обнаружив, что Робин был все еще жив. Стрела попала ему в верхнюю правую часть груди, и он лежал на спине, задыхаясь от боли. Гитантас оторвал от своего *геба* полоску ткани и попытался остановить кровотечение.

Сжимая его окровавленную руку, Робин выдохнул, — «Оставь меня! Доберитесь за меня до Фитеруса!»

Гитантас бросил страдальческий взгляд на Львицу. Она велела ему оставаться с раненым эльфом. Они с Таранасом возобновили медленное восхождение.

Над ними, Фаваронас не видел ни выстрела Робина, ни ответного залпа. Весь его мир сузился до декламации Фитерусом извращенного *хумря*. Оставались всего лишь две песни, и он был уверен, что если Фитерус закончит его, раса эльфов будет стерта с лица Кринна. Сдерживая слезы, он обвел взглядом долину.

От светящихся монолитов поднимались столбы света. Они образовывали рисунок на волнующейся нижней части черного облака. Послание, которое было слишком мучительно ярким и мимолетным, когда вытравливалось ослепительным сиянием заходящего солнца, теперь было написано молочным светом на этом облаке. Знание, которого боялись призраки Потерянных, теперь трепетало на кончиках пальцев Фитеруса.

Возможно, он все-таки видел воинов на склоне внизу, но Фаваронас не мог рисковать ждать. Он мог оказаться единственным, имевшим скромную надежду остановить Фитеруса. Он понятия не имел, как это сделать, но ему следовало попробовать.

Фаваронас оперся на свои израненные руки и оттолкнулся прочь от края, направляясь обратно к монотонно бормотавшему колдуну.

* * *

Когда бледное свечение монолитов превратилось в слепящее сияние, Гилтас приказал своим подданным бежать на открытое пространство к западу от лагеря, где не было каменных столбов.

«Каждый здоровый взрослый должен нести ребенка или помогать старым и немощным», — объявил он. — «Освободить всех животных». Если готовился большой пожар, Гилтас хотел, чтобы у любого живого существа на его пути был шанс спастись. Он также послал за Са'идой. Пока воины искали жрицу, Гилтас повиновался своему собственному приказу и пришел на помощь бродившему поблизости ребенку. Мальчик тщетно искал своих родителей.

«Ты не мой папа!» — заявил мальчик, когда Беседующий подхватил его.

«Нет, не он. Кто твой папа?»

«Нараталанатас, сын Сиронаксиделя».

Мальчику было не больше четырех лет, тем не менее он с легкостью выговорил сложные старые квалинестийские имена. Гилтас был впечатлен. — «Большие имена, чтобы их запомнил такой маленький парень».

Ребенок нахмурил бледные брови. — «А имя твоего отца трудно произнести?»

«И близко не такое сложное, как твоего». — Это понравилось мальчику. Он сказал, что его зовут Сиронатан.

«Пойдем, Сиронатан. Отведем всех в безопасное место».

Подойдя к мальчику, Гилтас оказался отрезан потоком эльфов от носильщиков своего паланкина. Неважно; он пройдет. Неся в одной руке мальчика и опираясь на посох, он присоединился к вытекавшей из лагеря толпе. Атмосфера испуга заразила Сиронатана, и Гилтас старался отвлечь ребенка. Его первая попытка провалилась, но упоминание Орлиного Глаза всецело завладело воображением мальчика. Сиронатан забросал его вопросами о грифоне и вполне серьезно спросил, что точно он должен сделать, чтобы добиться для себя одного из этих величественных существ.

Они прошли внешнюю линию каменных столбов и еще несколько десятков метров, когда радостный голос выкрикнул имя мальчика. Сиронатан с облегчением узнал свою маму и выразил явное желание слезть с рук.

Гилтас нагнулся, чтобы поставить его на землю и почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Его грудь наполнила волна тепла, и с губ сорвался громкий вздох. Мальчик, не замечая его агонии, рванулся прочь к своим родителям, но Гилтас не разгибался, опускаясь на колени. С широко раскрытыми глазами и открытым ртом, он смотрел на пронесившихся мимо с обеих сторон эльфов. Его легкие не могли сделать вдох. Гилтас не мог издать ни звука. Он медленно опрокинулся на землю. Изображение в правом глазу расплылось, залитое красным.

Воздух пронзили крики, когда бежавшие эльфы поняли, кто это. В считанные секунды верные носильщики Беседующего, не выпускавшие из рук пустой паланкин, бросились к нему. По пятам за ними принесли Трусанар.

«У него геморрагия!» — крикнул целитель. Он перевернул Гилтаса на спину. — «Мне нужна вода для Беседующего!»

В считанные секунды появились кувшины, ведра и полные до краев чаши. Трусанар смыл все еще шедшую кровь со рта своего короля. Никто из собравшихся вокруг предупредительных гражданских или воинов не мог сказать ему, где Са'ида. Солдаты безуспешно прочесали в ее поисках лагерь. Трусанар организовал помощь из числа добровольцев, и две дюжины эльфов, которые только недавно покинули лагерь, еще быстрее побежали обратно, чтобы найти жрицу-человека.

Глаза Гилтаса были закрыты, и он больше не делал попыток дышать. Трусанар поднял его голову и плечи. Тонким серебряным ланцетом целитель разрезал *геп* Беседующего, обнажая чахлую грудь Гилтаса. Осторожно ощупывая ребра, Трусанар нашел точку, которую искал. Без пояснений или предупреждения, он погрузил ланцет между двух ребер. Из раны полилась темная кровь. Столпившиеся вокруг эльфы снова закричали.

«Так было нужно», — пояснил Трусанар. — «Скопившаяся кровь сдавливала легкое».

Как только потекла кровь, дыхание их Беседующего облегчилось. Все увидели, как поднимается и опадает его грудь, и заметили, как ужасная восковая бледность покидает

щеки. Еще несколько минут, и Беседующий с Солнцем и Звездами захлебнулся бы в своей собственной крови. Хотя голос Трусанара был сухим и спокойным, когда он это сказал, рука, что только что так уверенно орудовала ланцетом, дрожала, когда целитель бинтовал нанесенную им рану.

Гилтас шевельнулся. Его глаза открылись. — «Кери-ли», — прошептал он.

Слезы падали из глаз целителя. — «Да помогут вам боги, сир. Да помогут они всем нам».

Прискакав со своими лейтенантами, Хамарамис увидел, что Беседующий лежал на земле в растекавшемся пятне, и опасался худшего. Старый генерал, давно уже не спрыгивавший с движущегося коня, сделал именно это.

«Трусанар! Он жив?» — крикнул он, раскидывая с дороги эльфов.

«Он жив, Хамарамис, но не надолго». — Пожилой сильванестиец держал руку правителя объединенных эльфийских наций и не стыдись плакал.

* * *

«Очисти, О очисти мир, Могущественная Сила! Забери то, что было твоей!»

Фитерус произнес последнюю строфу четвертой песни. Когда он набрал дыхания, чтобы начать пятую и последнюю часть своего великого волшебства, земля начала трястись. Большие и маленькие камни покатались по склону горы. Один ударился в башенку рядом с ним, расколов ее и вызвав град острых осколков.

Незаметно подбирившийся к колдуну Фаваронас пригнулся, закрыв руками голову. Фитерус отвернулся, чтобы прикрыть свое собственное лицо от летящих камней.

Фитерус гневно произнес, — «Рэбсе», — Тишина — и тряска прекратилась. Он рассмеялся. Глядя на съездившегося у его ног эльфа, колдун заверил, — «Даже боги не смогут остановить меня».

Он погрузился в финальную песнь своего гимна уничтожения.

«Пусть Дверь Небес распахнетя для Того, Кто Держит Ключ».

Фитерус поднял левую руку. Он держал туго свернутый длинный пергамент, на котором была выжжена открытая каменными столбами долины надпись. Вод воздействием заклинания речи колдуна, из наклоненных внутрь монолитов вырвались столбы света, сходясь на нижней части вращавшегося облака в точке прямо над Тимпанумом.

Эта сверкавшая концентрация света, болезненная, чтобы ее выносить, должно быть, и есть Дверь, решил Фаваронас. Фитерус добрался до кульминации своего заклинания. Следующая строфа *хумря* гласила «Пусть Свет воссияет так, чтобы все Увидели». Фаваронас не сомневался, что колдун заменит последнее слово на «умерли» или «исчезли», или любой другой подобный разрушительный приказ, который впишется в структуру поэмы, и это будет конец. Обессиленный разум Фаваронаса не мог придумать способа остановить его.

Он потянулся дрожащей рукой и схватил кромку оборванной мантии колдуна.

Кериан с Таранасом осторожно приподняли головы над краем плато. Львица выгащила меч.

Скованная магическими узами, но все еще будучи перепуганным свидетелем, Са'ида закричала, прося заступничества своей божественной покровительницы.

«Пусть Свет воссияет...»

Требование колдуна закончилось бульканьем. Фаваронас поднял глаза.

Из шеи Фитеруса торчала стрела. По лицевой стороне его мантии стекала черная в приглушенном свете кровь. Он покачнулся, но остался стоять. Свободной рукой он нащупал стрелу. Та глубоко вошла в левую сторону его шеи. Пальцы Фитеруса скользнули по ней, но не успели сжать. Вторая черная стрела ударила его в спину, и колдун упал.

Невидимая и неслышимая, Са'ида торжествующе закричала. Богиня внемла мольбам своей слуги. Она ли? Послала бы Божественная Целительница черные стрелы в ответ на истовую молитву?

Пришиливавшее Са'иду к камню заклинание исчезло, когда угасла жизнь его творца, и ее радость сменилась разочарованием. Она почувствовала, как ее тянет обратно в лежавшее без сознания в эльфийском лагере собственное тело, и боролась с этим. Выпущенная Фитерусом сила должна была быть рассеяна или направлена в безопасное русло. Если этого не сделать, оно вызовет подвергающий опасности всех в долине разгул стихии. Как прежде все, чего она хотела, это бежать, теперь Са'ида боролась, чтобы удержать свою *наис* на Лестнице Дальнего Видения.

Заклинание, которое парализовало ноги Фаваронаса, также исчезло. Его конечности снова ожили жгучей болью, словно ему в плоть воткнули десять тысяч иголок. Он заколотил по своим ногам стиснутыми кулаками, стараясь заставить их работать.

Фитерус лежал на боку лишь в нескольких метрах от Фаваронаса, капюшон частично откинулся назад с его лица. Он булькал в бессильной ярости, а затем его губы приши в движение. Он мог еще завершить свое ужасное творение! Фаваронас пополз к колдуну, яростно отталкиваясь пальцами рук и ног. Он зажал окровавленной рукой Фитерусу рот, чтобы тот ничего не мог произнести. Фитерус слабо сопротивлялся. Фаваронас другой рукой накрыл лицо колдуна и навалился на него всем своим весом. Судороги сменились подергиванием, а затем сошли на нет. Тело Фитеруса сжалось в грандиозном выдохе, и

последняя вспышка жизни, наконец, покинула его нелепое тело.

Запущенное им колоссальное колдовство не закончилось с его смертью. Сверкающая «дверь» в центре облака осталась, и само облако начало бурлить и извиваться. Оно выплюнуло узкую молнию, с громким треском ударившую в Тимпанум. Вторая молния, больше первой, расколола гранитный диск надвое.

«Закончи...»

Неизвестный голос заставил Фаваронаса крутануться. Женщина-человек стояла на коленях лишь в нескольких метрах от него. Она была полупрозрачной, как призрак, но Фаваронас сразу узнал ее, хотя был в недоумении, как верховная жрица Элир-Саны здесь оказалась.

«Свиток!» — произнесла она. Ее изображение заколыхалось, а затем совсем исчезло.

Завладей ключом до того, как откроется дверь.

Те слова призрака и приказание жрицы объединились. Он схватил толстый свиток в негнущихся пальцах колдуна. Свиток был тем Ключом!

Молния прошипела через всю долину и ударила в склон горы под Лестницей. Фаваронас предположил, что это воины Беседующего пристрелили Фитеруса, но он не смел ждать, когда они придут. Он должен закончить заклинание до того, как неконтролируемый разряд силы разорвет долину на части. Ученый сделал глубокий вдох и произнес последнюю строфу.

«Пусть Свет воссияет так, чтобы все...»

Он замер. Оригинальным окончанием *хумря* было «увидели», но он понятия не имел, какими могут быть последствия такого приказа. Ему нужно было что-то менее неопределенное, но позитивное, и оно должно было быть похоже на глагол «увидеть» на староэльфийском, чтобы строфа по-прежнему рифмовалась. Милостивая Э'ли, что же ему произнести? В мозгу ученого пронесся список древних глаголов. Дрожа всем телом, Фаваронас ткнул свитком в небо.

«Жили!» — крикнул он. — «Жили! *Жили!*»

Кто-то позвал его по имени. Прежде чем он увидел, кто это, мир разлетелся на части.

Монолиты потемнели, погаснув всеми своими тысячами разом. Созданная ими в облаке сверкающая дверь еще четыре удара сердца удерживалась на месте; затем она взорвалась. Звук был не громче мощного раската грома, но этот взрыв разогнал сияющую белую корону, обнажая неистово вращающуюся черную сердцевину. Сердцевина замедлилась, затряслась, а затем, также, взорвалась.

После первого взрыва по долине пронеслась волна горячего воздуха. Когда взорвалась черная сердцевина, перед ней ничто не могло устоять. Все находившиеся в Инас-Вакенти попадали на землю. Монолиты на мгновение яростно вспыхнули белым светом, а затем исчезли в облаках пара. Гранитный Тимпанум уцелел при взрыве, но глубокая зигзагообразная трещина прочертила его с севера на юг. Деревья повалило, валуны раскололо, а все источники воды в долине, от малейших ручейков до Реки Львицы разбили свое содержимое на мельчайшие капли, и подняли их в воздух.

Взрыв случился высоко над долиной, и его гигантская ударная волна с ревом пронеслась над окружавшими горами и ушла в пустыню. словно плуг, она подняла стену песка и понесла ее через пустынную местность. В мгновение ока, колодцы были заполнены, оазисы засыпаны, а небольшие города похоронены. Несчастные караваны, застигнутые на открытой местности, были целиком поглощены, и никого из них больше не нашли. Огромные волны

песка рассыпались о стены Кортала, Делфона и Кхури-Хана. Движущаяся гора песка захлестнула низкие стены Кортала, обрушивая обращенную к Инас-Вакенти сторону. Достигнув моря, эта волна вывалила остатки песка — хотя корабли в Ожерелье Хаббакука доложили об осыпавшем их паруса дожде из коричневого песка — и вызвала прилив. Мощная волна затопила кхурский рог и вышвырнула на берег корабли во всем заливе Балифор. В оккупированном Сильванести вырвало с корнем деревья, и волны с грохотом обрушились на порт Куриноста, отправив на дно сорок кораблей минотавров. Флагштоки на башнях Эли сломались, и знамя нового сюзерена, трепеща, упало в море.

Так как Халкистские горы отразили взрыв, Нерака, Торадин и Блод пострадали меньше. Крыши во всех городах и деревушках лишились черепицы. Странные перемены давления повлияли на высокогорные общины. Водостоки треснули, а колодцы выплеснулись. Колокола в городе Нерака зазвонили, хотя их тяговые канаты не касалась рука. Башни закачались, но ни одна не упала. Стеклообразные окна разбились вдребезги, и улицы заполнили озадаченные члены Ордена, спекулировавшие на тему наступления нового Катаклизма. В Торадине рухнул мост Два Молота, пролетев тысячу метров до дна ущелья. К счастью, пролет был пуст, и никто не пострадал. Обвалы похоронили входы в туннели и повалили подъемники шахт по всему гномьему королевству.

Отраженная горами, более слабая волна прокатилась по западным склонам. По Санктиону пронеслись смерчи, сдувая навесы, ставни и черепицу с крыш. Корабли в гавани испытали суровую качку. Полдюжины затонуло в результате столкновений. Затопило кучу мелких суденышек. Зазвучали колокола тревоги, и улицы наполнились слухами. Лишь активными усилиями городской стражи спокойствие в Санктионе было восстановлено.

Ударная волна достигла узкого пляжа между Новым Морем и вершинами западных Халкистских гор. Земля яростно содрогнулась, и глухой раскат грома эхом отразился от пиков. Море побелело от поднятых ветром волн. Колонна вооруженных воинов, медленно двигавшихся на юг вдоль побережья пыталась справиться со своими вставшими на дыбы конями. Всадникам на грифонах в воздухе над ними также пришлось потрудиться, чтобы успокоить своих собственных животных. На солдат посыпались песок и грязь.

Портиос во главе армии справился со своим конем. Два грифона сели на пляж неподалеку. Эльхана с Самаром спешили и поспешили к нему.

«Что случилось?» — спросила Эльхана.

Портиос понизил капюшон, чтобы прикрыть глаза, и посмотрел вверх. Земля перестала трястись, но над головой разворачивалось новое чудо. По небу несло широкое кольцо облаков, исходившее из какой-то точки за горами. За ним было самое ясное и чистое голубое небо, какое они только видели за многие дни.

«Вулкан?» — предположил Самар. В центральном Ансалоне не было активных гор, но он не мог придумать ничего еще, что могло являться причиной такого мощного взрыва.

Они обыскали небо в поисках дыма или других признаков катастрофы. Не было видно ничего, кроме неестественно ясного голубого свода. В считанные минуты кольцо облаков закатилось за горизонт. Температура заметно упала. Казалось, сам воздух вокруг них искрился.

«Нет, случилось что-то странное. Странное и чудесное», — прошептала Эльхана. Железная Голова и Чиза фыркнули и засвистели друг другу, как бы соглашаясь с ней.

Самар сделал глубокий вдох. Он поклялся бы, что впервые с момента их покидания Кхура он чувствовал себя свободным от сухого воздуха пустыни. И не только лишь из-за их

близости к морю. Чистота воздуха вследствие землетрясения полностью изменилась.

Лишь на Портиоса, казалось, это никак не повлияло. — «Не важно», — произнес он. — «Что бы то ни было, оно закончилось. Продолжим путь».

Самар с удивлением посмотрел на него, но Эльхана велела своему преданному помощнику снова привести в движение колонну. Тот вернулся к своему грифону, выкрикивая приказы кавалерии и спешившимся всадникам на грифонах возобновить марш.

Эльхана понимала безразличие своего мужа. Он не доверял чувствам. Знамения и предвестия были для тех, кто слишком слаб, чтобы взять судьбу в свои собственные руки. Она не теряла времени, оплакивая то, что он потерял в огне, оставившем мучительные шрамы внутри и снаружи. Он был жив. Они были вместе. Больше для нее в мире ничего не имело значения.

И все же, казалось, ее молчание расстроило его. Портиос немного откинул назад капюшон, и Эльхана увидела его глаза. Они метались к ней, прочь, затем снова к ней. Она подавила улыбку. Он понятия не имел, как хорошо могла она читать его эмоции, просто наблюдая за глазами.

«Знаешь, мы не идем в Санктион», — сказал он резко. — «Мы бы нашли там много кораблей, но слишком много юристов, бюрократов и иноземных шпионов. Городки к югу поменьше, но двигаясь по побережью, мы должны набрать достаточно кораблей, чтобы транспортировать армию в Квалинести».

«Согласна».

Он моргнул. Спор он бы встретил тщательно выстроенными убедительными аргументами. На ее молчаливое согласие ему нечего было сказать

«Самар приготовил колонну», — сказала Эльхана и повернулась, чтобы направиться обратно к Чизе.

Портиос произнес ее имя. Она обернулась. Он протягивал ей руку и высвободил одну ногу из стремени.

Как только Эльхана уселась позади него, Освободительная Армия снова выступила.

Все дальше и дальше продвигалась огромная ударная волна. Котас и Митас ощутили таинственный юго-восточный ветер, совершенно нехарактерный привычной картине погоды. На острова просыпался коричневый песок, за которым последовали дожди крошечных желтых цветков. Торговцы узнали в этих цветах одуванчики, которые самое близкое росли в Керне. Фруктовые сады Шелси зацвели второй раз за сезон, чего они никогда не делали за письменную историю.

Глубоко в оккупированном Квалинести, лорда Лайфскила вызвали из-за его стола в Черном Зале взглянуть на падавший на крепость странный дождь. Он появился во дворе замка среди шквала лепестков белых цветов. Большие восковые цветы принадлежали тополям, а время их цветения давно прошло. Знамена над зубчатыми стенами хлестал устойчивый северо-западный ветер.

Дождь из цветов прекратился, и больше ничего не произошло. Лайфскил приказал дворецкому сделать запись об этих аномалиях в дневнике замка, а затем вернулся к своим картам и бумагам.

Руки убрали покрывавшие Фаваронаса камни и землю, и он увидел леди Кериансерай и генерала Таранаса. Оба воскликнули, обнаружив его живым. Когда они помогли ему сесть, с его головы и плеч посыпались земля и мох.

«Вы слышите меня?» — громко спросила Львица.

«Очень хорошо, леди». — Голова Фаваронаса звенела точно храмовый колокол, но его слух не пострадал.

Его швырнуло на ложе из зазубренных камней, тем не менее, он не получил порезов или синяков. Его спасители были в том же странном состоянии. Они не только не пострадали при большом взрыве, они оказались в лучшей форме, чем до того, как это случилось. Полученная Кериан в Кхури-Хане ножевая рана полностью затянулась. На руке остался шрам, но она ощущалась сильной и здоровой, как обычно. Многочисленные полученные Фаваронасом за время его пленения раны также полностью исцелились, как и рука Львицы. Даже ногти, которые он потерял, пока волок себя по Лестнице, снова отросли.

«Что это был за взрыв?» — спросила Кериан.

«Концовка опасного колдовства». — Фаваронас пояснил, что Фитерус разрешил загадку Инас-Вакенти, а затем попытался использовать свое знание, чтобы выпустить запертую в долине силу. Силу, исходившую не от давно исчезнувших драконьих камней, а от самих монолитов. Фитерус замыслил не меньше, чем полностью уничтожить эльфийскую расу, но в последний момент его грандиозным планам помешали.

«Кто из вас подстрелил его?» — спросил Фаваронас, и они ответили непонимающими взглядами. — «В него попали сзади, арбалетными болтами...» — Его голос замер, когда он понял, что ни у кого из них не было подобного оружия.

Львица сделала шаг назад и посмотрела вверх по склону. Она не увидела ни следа присутствия кого-то еще, но отправила Таранаса исследовать валуны, где Робин заметил лучника. Должно быть, лучник, подстреливший Робина, также убил Фитеруса. Кем бы он ни был, у него было достаточно времени напичкать их тем же, но больше черные болты не прилетали. Таранас вернулся и доложил, что нашел лишь порванный ботинок и окровавленные леггинсы. Ткань была плотным сержом северного происхождения, вероятно, из восточной Соламнии. Все, что смог определить Таранас, это что убийца пришел с запада Кхура.

Солнце исчезло с неба — не из-за ужасной магии Фитеруса, а просто вследствие естественного течения времени. Взрыв случился сразу пополудни. Эльфы полдня были без сознания, и наступили сумерки. Небо над Инас-Вакенти было безоблачным, как всегда, но воздух мерцал словно сотканный из золота, точно крошечные кристаллы подбросили в воздух чтобы поймать слабеющий дневной свет. Никто из них не мог объяснить этот поразительный феномен.

Крик снизу привел их к краю Лестницы. Гитантас карабкался вверх. За ним по пятам следовал Робин.

«Я думала, тебя ранили?» — спросила Кериан.

«Я думал, он умирал!» — ухмыляясь, резко возразил Гитантас.

«Я думал, он давно мертв», — встрял Фаваронас.

Они с Робинем были рады снова найти друг друга. Фаваронас воскликнул, как Робин спасся от погребального заклинания Фитеруса. Охотник за головами, неуверенный, как выжил, приписал свое спасение своевременному вмешательству патруля Таранаса.

«А это?» — Фаваронас указал на окровавленную дыру на груди туники Робина.

«Это я понимаю еще меньше. Гитантас умудрился вытащить болт», — Робин поморщился при воспоминании, — «но не больше. Затем несколько минут спустя мы очнулись, и я был полностью исцелен!» — Он пальцем раскрыл дыру, показывая под ней гладкую невредимую кожу.

Кериан спросила Фаваронаса, что он думает об этих поразительных происшествиях. Ученый некоторое время молчал. Возможно, лечение осуществилось, потому что он сам завершил поэму приказом «жили», но когда-то амбициозный эльф не желал заявлять права. Кроме того, кто знал, что произошло на самом деле?

Тщательно подбирая слова, он ответил безукоризненно честно, — «Должно быть, исцеляющая сила пришла от самой долины».

Робин удалился проверить упавшего Фитеруса. Он перекатил тело ногой. Когда оно сдвинулось, скрывавшие его слои мантии рассыпались гнилой кучей. Остальные подошли в ответ на его потрясенное восклицание.

Все, что осталось от Фитеруса, лишь кости и клочья сухой плоти. Если бы они не знали лучше, эльфы бы поклялись, что тот был мертв скорее месяцы, чем часы. Он заявлял об огромном возрасте, задумчиво произнес Фаваронас. Возможно, быстрое разложение стало следствием прекращения действия сохранных заклинаний, так много столетий поддерживавших в нем жизнь.

Робин был недоволен. — «Что я скажу Сахим-Хану? Он нанял меня привлечь колдуна к ответственности».

«Он понес ответственность». — Кериан наклонилась и подобрала череп Фитеруса. — «Отдай это Сахиму. Скажи ему, что твоя работа выполнена».

Отвращение сменилось любопытством, пока Робин изучал неприятный сувенир. Нахмурившись, он сказал, — «Не особо похоже на череп эльфа».

Фаваронас взял его у него и поспешно замотал в квадратный кусок материи от мантии колдуна. — «Когда у тебя лучший их всех возможных исходов, неразумно задавать слишком много вопросов!»

Сумерки сменялись темнотой, и над головой появилась горстка звезд. Кериан хотела завершить самую крутую часть их спуска до наступления полной ночи. Она велела им приготовиться уходить.

У Фаваронаса оставалась одна последняя работа, которую он желал завершить. Взрыв выбил Ключ из руки Фитеруса. Обследовав Лестницу, он увидел пергамент в нескольких метрах, развернутым и трепещущимся в вечернем бризе. Библиотекарь внутри Фаваронаса не мог покинуть такой редкий текст. Но когда он попытался подобрать его, пергамент при его прикосновении рассыпался на части. Встав на колени, он воспользовался кромкой мантии, чтобы прикрыть пальцы, и попробовал снова. Тот раскрошился дальше. Фаваронас беспомощно взирал на то, что еще оставалось от Ключа, когда Львица пришла сообщить ему, что они готовы идти. Он пояснил свое затруднение и важность этого пергамента.

Не говоря ни слова, она обошла его и не торопясь растоптала сапогами хрупкий пергамент. Фаваронас застыл в ужасе.

«Теперь никто не сможет попытаться сделать то, что сделал Фитерус», — категорически заявила она.

Он знал, что она была права. Но было мучительно наблюдать, как тысячелетние знания измельчают в пыль. Ученый закрыл глаза, чтобы не видеть этого.

Ее мозолистая рука мягко дернула за воротник его *геба*. Оставь, Фаваронас. Время

идти».

Они ушли, осторожно спускаясь в сгущавшейся темноте.

* * *

Прошло почти полчаса, прежде чем Британ появилась выше по склону.

Заброшенная взрывами в какую-то расщелину, она проснулась и обнаружила, что ее сломанная лодыжка полностью прошла. Ее нога даже не опухла. Из своего потайного убежища она слышала, как маленький отряд эльфов перемещается и разговаривает, но не могла разобрать, о чем они говорили. Они не казались разгневанными смертью своего предводителя, Пугала. Вот и все, что она могла сказать.

Британ нашла свой меч похороненным в каменистой почве. Он был цел, но ее арбалету повезло меньше. Брошенное прямо в валун, ложе разлетелось. Чтобы сберечь его секреты от недружеских рук, она закончила уничтожение.

Черный Зал был так далеко, что она решила вместо этого идти через горы и представить себя в Нераке. Ее миссия была завершена. Пугало был мертв. Пока все больше и больше звезд заполняло небо, Британ направилась домой.

* * *

В глубине долины еще кое-кто очнулся после ужасного взрыва. Раненый отрядом Львицы, когда он напал на охотника за головами, Шоббат заполз под низкий утыканный иглами куст — чтобы отдохнуть или умереть, точно он не был уверен. Он проснулся в темноте.

Он снова был человеком.

Радостное облегчение довольно быстро сменилось тревогой. Колючий куст был покрыт острыми двухсантиметровыми шипами, а он был абсолютно голым. Чуть больше чем досадная мелочь для плотной шкуры с густым мехом его звериной формы, шипы причинят серьезные повреждения его чувствительной человеческой плоти. Он аккуратно по сантиметру прокладывал себе путь из-под куста в прохладный ночной воздух.

Шоббат в своем текущем состоянии скорее всего не смог бы пересечь горы, так что он направился обратно по пути, которым пришел, через южный проход, в долину. Ему была нужна одежда и следовало избегать патрулей *лэддэд*, но он снова был сам собой. Даже дрожащий и беззащитный, Шоббат победоносно ухмыльнулся.

* * *

Отряд Кериан пересек долину с нарастающим возбуждением. Лунный и солнечный свет показал им произошедшие с пейзажем многочисленные перемены. Монолиты исчезли. Там, где стояли тысячи белоснежных кварцевых блоков, теперь были лишь выжженные участки дерна или неглубокие ямы. Воздух был суше, без обычно цеплявшегося за землю по ночам липкого тумана.

И долина была полна деревьев! Не чахлых искривленных растений, приспособившихся к неплодородной долине, а вздымавшихся гигантов, каких они не видали с момента покидания родины. Дубы возвышались на двенадцать метров у них над головами. Сосны и кедры пронзали небо огромными зелеными шпильями. Земля была усеяна желудями размером с ладонь и сосновыми шишками размером с дыню. В воздухе стоял густой аромат буйного цветения. Открытый пейзаж исчез. Хотя и ненавидели уничтожать такую красоту, эльфы были вынуждены прорубать путь сквозь молодую листву.

Периодически путь им преграждала вода. Речушки, которые они пересекали накануне в пару шагов, теперь превратились в стремительные потоки. Ручейки разрослись до небольших речек. Немногие небольшие родники долины извергались фонтанами.

Проходя мимо одной из больших ям, оставленных былыми монолитами, они увидели, как из отверстия высунулся кролик, пронесся причудливой траекторией вокруг их ног и скрылся в ночи. По его меховым пятнам проследовали и другие существа: пара белок, полдюжины скворцов, облако мух.

«Та же сила, что излечила наши собственные раны, восстановила животных Инас-Вакенти», — сказал Гитантас.

«Как так?» — спросил Фаваронас.

Гитантас рассказал ему о слоях сухих костей, обнаруженных им в туннелях под долиной. Фаваронас вошел в туннели во время первоначальной экспедиции Львицы и не встретил никаких останков, но его нахождение там было очень коротким, и теория капитана казалась ему логичной. Кости животных долины снова обрели плоть.

Развивая эту теорию, Гитантас воскликнул, — «Командир, наши товарищи! Все потерянные из-за огоньков вернутся к нам!»

Эта идея была заманчивой, но Фаваронас предостерег от поспешных предположений. — «Они могут вернуться, но равновероятно 'воскрешение' коснется только исходных обитателей долины».

Пока мужчины спорили на эту тему, лицо Кериан приобрело странное выражение. Таранас спросил, не случилось ли чего. Она два удара сердца рассматривала его молча с широко раскрытыми глазами, а затем рванула прочь, оставив их позади. Через ее плечо всплыло одно слово.

«Гилтас!»

Довольно быстро осознание осенило Таранаса. Гитантас с Робинем разделили его понимание. В отличие от Фаваронаса, потерявшегося до того, как Беседующий заболел.

С нетипичным смятением разума и тела, Кериан опережала их на пятьдесят метров. Она гнала свои мысли от надежды, которую не осмеливалась озвучить, и вместо этого старалась успокоить бурление в животе. Требовалась вся ее значительная концентрация, чтобы не заболеть. Идея, что это просто от голода, длилась лишь пока она не вспомнила откровение Са'иды. Кериан была больна, потому что была беременна. Она стиснула хватку на рукояти меча. Она не будет болеть. Не сейчас. Она могла бы поболеть позже, но не сейчас.

Кериан протолкалась сквозь стену густых молодых побегов ясеня и обнаружила, что путь дальше преграждало новое озеро. Она подождала, пока ее нагнали ее спутники, а затем направилась вокруг озера. Всегда архивариус, Фаваронас настоял, чтобы они дали имя новому водоему. Предложение Робина «Новое Озеро» было немедленно отвергнуто, как слишком скучное. Гитантас предложил «Озеро Следопыта», и Кериан всплыла из своего раздрая достаточно надолго, чтобы наложить вето.

«Он не поблагодарит вас за это», — сказала она. — «Кроме того, это пахнет подхалимством».

«Озеро Планчета».

Тихое предложение Таранаса было встречено единогласным одобрением. Кериан подумала, что это достойная дань отважному эльфу, отдавшему в пустыне жизнь ради спасения нации.

Озеро Планчета было широким и имело форму почки, с длинной осью, протянувшейся с севера на юг. Пока они шли вдоль кромки берега, мимо спланировала стая гусей. В считанные минуты сотня птиц села, энергично гогоча.

Даже Квалинести во времена своего расцвета не был так богат, так щедр. Хотя над долиной была еще полная ночь, она кишела животным миром. Эльфы прошли мимо облака пчел, роящихся у открытой трещины в земле. Перед ними через тропу скользили змеи. Стрекотали сверчки и блестели густые облака светлячков. Пересекая небольшую рощицу, они окунулись в сладкий аромат яблок. Деревья гнулись под тяжестью фруктов, какие росли в Хило и Эрготе, абсолютно спелые, но зеленые, как листья. Даже Кериан не оставалось ничего лучше, кроме как последовать примеру своих товарищей и задержаться достаточно надолго, чтобы наполнить обе руки блестящими фруктами.

Фаваронас откусил яблоко и довольно рассмеялся от его вкуса. По его подбородку стекал сок. Гитантас, хотя и не попробовавший фрукт, тоже принялся смеяться. Их совместное веселье длилось так долго, что Робин с Таранасом уставились на них. Гитантас беспомощно пожал плечами.

«Не знаю», — сказал он, на его лице все еще расплывалась широкая улыбка. — «Просто ощущение, словно мы вернулись к истоку мира!»

Таранас ответил улыбкой осторожного воина. Неожиданно на лице Робина появилась свежая кривая ухмылка. Внезапно все четверо рассмеялись, радость одного провоцировала новый приступ веселья у остальных.

«В путь!»

Резкий голос Львицы привел их в чувство. Смущенный Таранас подтолкнул Фаваронаса, а Гитантас с Робинсом ускорили отстающие шаги.

«Очень странно. Я был как пьян», — признался Робин, и остальные согласились.

«Возможно, это еще один эффект преобразования долины», — предположил Фаваронас.

К тому времени, как занялась заря, земля стала менее заполонена подлеском. Открытые площадки покрывал буйный ковер травы по колени. Они находились близко к центру долины, и Кериан пустилась бежать, сбрасывая замедлявшую ее амуницию. Она поднялась на невысокий холмик и остановилась.

Под ней лежала круглая каменная платформа в сердце долины. Огромный диск разрезала широкая трещина. Слева, на южной стороне, располагался лагерь эльфов. Большинство из палаток лежали. Некоторые были уничтожены огнем, и тонкие струйки дыма все еще вились к небу.

Прибыли ее четыре товарища. Испуганно обзревая эту сцену, Таранас сказал, — «Они должны были выжить!»

Кериан уже бежала с холма. Она не останавливаясь покрыла последнюю милю. Обнаружив, что лагерь был пуст, она направилась на открытое место на западной стороне, где они с Гилтасом отпугнули призрачную массу. Ее догадка оказалась волнующе верной. Эльфийская нация была там, сидя на траве и выглядя довольно изумленно, но живая и

здоровая.

Высокая фигура Хамарамиса на коне притянула Кериан. Она маневрировала сквозь толпу, направляясь прямо к нему. С генералом выстроился отряд воинов. Они расступились перед ней.

На земле стоял паланкин. Вокруг него сидели носильщики, склонив головы к коленям. Сиденье было завешано темно-красным плащом.

После всей своей стремительной спешки, Кериан так резко остановилась, что едва не упала. Она не могла пошевеливаться. Ее ноги приросли к почве. Живот бурлил. Он не мог уйти. Не тогда, когда, наконец, целый мир ожил!

«Кресло пустое».

Знакомый голос словно удар молнии встряхнул ее. Она обернулась. Неподалеку стоял ее муж. С бледным лицом, раздуваемыми бризом белыми волосами, Гилтас сильнее всего напоминал одного из призраков Инас-Вакенти.

Львица в три длинных шага покрыла расстояние между ними и ухватила за него руками. Он не был призраком. Он ответил взаимностью на ее болезненную хватку и притянул Кериан, чтобы поцеловать так страстно, что они оба задрожали.

«Ты жива», — прошептал он, и она рассмеялась сквозь слезы, так точно он вторил ее собственным мыслям. Кериан коснулась его лица, чтобы убедиться.

Стоя прямо и гордо, все признаки недомогания исчезли, впервые за долгое время Гилтас был сам собой. Единственным долгосрочным физическим признаком его свидания со смертью являлись его волосы. Скорее, чем возвратившись к своему естественному белокурому оттенку, они были снежно-белыми.

Он отстранился от нее на полшага, на него снова опустилась мантия королевского величия, но глаза оставались теплыми и любящими.

«Твоя миссия была успешна?»

«Похоже», — криво ответила она.

Его лицо нахмурилось. Это длилось лишь мгновение. Позже будет достаточно времени, чтобы точно выяснить, что произошло. Он обвел рукой толпу вокруг них. — «Как видишь, мы выдержали».

«Как и всегда», — ответила она, имея в виду нацию эльфов.

Он протянул ей руку. — «Ну, кому-то надо присмотреть за тобой — тобой, и следующим Беседующим внутри тебя».

В лагере творился хаос. Но, хотя их имущество пострадало, каждый эльф ощущал себя возродившимся.

У все восстановилось отменное здоровье. Раны, приобретенные во время войны в пустыне, и ушибы, полученные в суровом повседневном сражении за выживание, полностью исцелились. Болезни, с которыми столкнулся народ после падения их родины — такие, как сыпь, малярия и чахотка — исчезли. Были зафиксированы еще большие чудеса. Вернулись потерянные способности. Излечились глухота и слепота. Как и безумие и отчаяние. Станным образом, эльфы, потерявшие в сражениях с кочевниками руки и ноги, не восстановили их, но те, кто потерял глаза из-за стрел или характерных для пустыни ядовитых мух, обнаружили, что эти органы снова выросли. Великое исцеление следовало своим собственным логике и закону. Многие пытались постигнуть Великую Перемену (как ее назвали), но никто не понял ее.

Стремясь исследовать переделанную долину, Гилтас немедленно разослал конные и пешие разведывательные отряды. Большинству была поставлена задача найти еду, и они быстро вернулись с переполненными корзинами. Яблоки, груши, виноград и всевозможные ягоды росли в изобилии, как и дикий лук, различная зелень и множество видов орехов. Шалфей, розмарин, базилик и другие травы росли широкими просеками, словно зеленые озера. Изобилие зерновых, которые обычно созревают в разное время на протяжении года, было создано мгновенно. Конные охотники вернулись с оленями, кроликами и голубями, и сообщили, что видели медведей, хотя эти существа вымерли в центральном Ансалоне со времен Первого Катаклизма. Один из отрядов воинов вернулся, гоня перед собой косматых зубров. Присутствие в долине диких быков означало, что теперь будет не только мясо, но и шкуры.

Водоплавающих птиц было особенно в изобилии. Стаи гусей и шилохвостей закрывали солнце, когда пролетали над лагерем. Лебеди и гагары населяли берега озер. Пруды и реки кишели рыбой. Пчелы роились на цветущих полях. Скоро будет воск, мед, а позже, медовуха.

Остальные находки, на вид менее волнующие, были равно важны. Был обнаружен дикорастущий лен. Эльфы смогут снова делать льняную ткань. Долина была полна высокой крепкой твердой древесины наиболее полезных видов, включая дуб, грецкий орех, ясень и тис. В тени под деревьями земля была покрыта фантастическими грибами, в два раза крупнее нормального размера. Все виды, от изысканных розовых грибов до редких подземных черных орехов, росли как сорняки в летнем саду. Чем шире эльфы искали, тем больше сокровищ обнаруживали.

Богатства долины каталогизировались Варанасом и писцами. Виксоне Диламбро, продемонстрировавшей в туннелях свои картографические способности, Беседующий доверил составить карту всей долины. Гилтас собирался послать с ней воина, чтобы помочь в работе и защитить от диких зверей. Прежде чем он смог назначить эльфа для этой задачи, один вызвался добровольцем: Гитантас Амбродель. В последующие месяцы они вдвоем исчезали на целые дни, на конях или на грифоне Гитантаса, Канане. Ни для кого не стало сюрпризом, когда воин и писец в конечном счете поженились.

Для Кериан произошедшие с Гилтасом перемены были еще более удивительными, чем вся литания чудес, которые они обнаружили к данному моменту. Его тело очистилось от

всех следов ужасной болезни, оставшись худым, но сильным. Равно здоровый аппетит вскоре вернул плоть костям. Как будто бы, будучи более больным, чем кто-либо еще, он получил самое серьезное исцеление. Он прямо светился здоровьем. Гилтас излучал его невидимой аурой. Его это явно не беспокоило, но Кериан находила это практически невыносимым. Когда он был поблизости, его присутствие опьяняло ее, словно глоток самого крепкого нектара. Когда он прикасался к ней, она ощущала себя едва не больной от любви. Даже легчайший контакт, который он считал уместным на публике, заставлял ее трепетать.

Они были в данный момент на публике, ожидая прибытия заключенного-человека Джералунда. Место действия было тщательным образом обставлено. На северном берегу Реки Львицы, на залитом колокольчиками лугу, возвели легкий навес. Все новооткрытые сокровища долины были сложены в кучи под навесом. В центре всего этого на высоком деревянном кресле сидел Беседующий с Солнцем и Звездами. Хотя и отделанное в спешке и служащее лишь временным тронem, кресло было удивительно красивым, выполненным из цельного куска ясеня и украшено резьбой в виде переплетенных листьев дуба и ясеня. Эльфы, искусные в деревообработке, любовно проработали каждую деталь, наслаждаясь шансом не только послужить своему королю, но и впервые за долгие годы попрактиковаться в своем умении.

Кериан наблюдала, как ее муж крутит между пальцами ясеневый прутик. Листва в форме щита напомнила ей листопад, с которым они неоднократно сталкивались в Кхуре. Долгое время присутствие Фитеруса влияло на ее взгляд на любую магию, с которой они встречались. Наконец она поняла, что колдун был лишь одним из источников действовавшей вокруг них магии. Падение листьев ясеня было вызвано кем-то другим. Гилтас рассказал ей о странном дожде из съедобных листьев ясеня, спасшем нацию в пустыне от голода. Могущественная сила, вмешавшаяся, чтобы спасти жизнь Эльхане у Красных Скал, могла быть третьей. Каковыми бы ни были их источники, казалось, эти различные магии противодействовали друг другу, позволяя эльфам преодолевать все трудности.

Когда пришел заключенный-человек, Гилтас дал ясеневому прутику выскользнуть из рук. Джералунд раскрыл рот при виде расставленных вокруг трона сокровищ.

Гилтас приказал снять его путы, а затем вежливо спросил, — «Вы в порядке?»

Джералунд ответил утвердительно. Великая Перемена излечила и его относительно легкие травмы.

«Есть ли у вас какая-либо причина жаловаться на обращение с вами?»

«Нет, Беседующий».

Гилтас откинулся на спинку кресла и жестом пригласил Джералунда угощаться из ближайшей вазы с фруктами. Принесли напитки. Скоро сержант маленькими глотками отхлебывал густой красный ягодный сок.

«Хотя вы были спутником наемного убийцы, я решил освободить вас».

Джералунд поперхнулся полным ртом сока. Гилтас получил подтверждение своим подозрениям насчет этого человека — явно, солдат, и не из тех, кто по собственной воле вошел бы в Инас-Вакенти. Описание Кериан убийства Фитеруса отдавало интригами неракцев. Реакция сержанта подтвердила эту теорию. Гилтас точно не знал, зачем Орден хотел смерти Фитеруса.

«Я освобождаю вас с единственной целью: чтобы вы вернулись к своим хозяевам и рассказали им о том, что видели здесь».

Джералунд вытер губы от сока. Он какое-то время задумчиво разглядывал Беседующего,

а затем повторил, — «Сказать им, что я видел?»

«Во всех подробностях. Я хочу, чтобы в Нераке знали, что мы восстановились после кхурского периода. Расскажите им о нашей новой силе и наших новых богатствах, а затем скажите им больше не появляться у нас на пороге».

Со свободой в его руках, Джералунд совершил странный поступок. Он сказал правду.

«Беседующий, зачем лордам Нераки обращать внимание на ваш приказ?» — спросил он. — «Почему бы им не собрать свои армии и не захватить себе эту плодородную землю?»

Гилтас бросил взгляд на Кериан. Великая Перемена исцелила глаз ее грифона, и Орлиный Глаз свирепой статуей стоял у правой руки своей хозяйки. У кагонестийки и грифона было схожее выражение горделивого презрения. От внимания Беседующего не ускользнуло, что Джералунд все время бросал нерешительные взгляды в их сторону. Было невозможно понять, кто из них сильнее лишал его присутствия духа.

«Ваши хозяева не придут сюда», — наконец ответил Гилтас. — «Та сила, что превратила бесплодную пустошь в сад, все еще здесь. Подумайте, что может случиться, если эту силу высвободить с недружелюбными намерениями».

«Если вы обладаете таким могуществом, почему не воспользоваться им теперь, чтобы навсегда уничтожить своих врагов?»

«Я устал от войны. Я хочу строить нацию, а не покорять другие. И это расскажите своим лордам. Если они не тронут нас, мы не тронем их. Двинутся против нас, и последствия будут ужасными».

Джералунд с грубой грацией поклонился и поклялся слово в слово доставить послание Беседующего.

После того, как его сопроводили прочь, Кериан спросила, — «Откуда ты знаешь, что он сделает то, что ты просишь? Его хозяева не приветствуют ультиматумы. Он может повернуть на юг и никогда больше не появляться в Нераке».

«Для нас бы могло оказаться еще эффективнее, если он так поступит. Если он распространит свой рассказ среди тех, кого повстречает на своем пути, эта история доберется до Нераки через тысячи каналов, вместо всего лишь одного. Рыцари смогут охотнее поверить ей».

Ее глаза сузились. — «А ты коварный», — сказала она. В ее устах это было комплиментом.

Разобравшись с человеком-шпионом, Кериан вскочила на спину Орлиного Глаза. Один вопрос не давал ей покоя со времен Великой Перемены. Консультация с верховной жрицей Са'идой не дала ответа. Чтобы снять озабоченность, на очереди было возвращение к горе Ракарис.

Перед тем, как она взлетела, Гилтас спросил, как она себя чувствует. Этот вопрос он часто задавал последние дни. Кериан утром стошнило остатками вечернего ужина.

«Я в порядке», — кисло ответила она. — «И нет, я не хочу яблока». — Он приобрел назойливую тенденцию впихивать в нее еду при каждом удобном случае.

«Тебе полезны фрукты».

«Я тебе говорила, что ты коварный? Я имела в виду, безжалостный», — выпалила в ответ она. Они с Орлиным Глазом поднялись в воздух.

Едва стих ветерок, поднятый при отбытии грифона, пришла Са'ида. Незадолго до Великой Перемены эльфы обнаружили ее в своей палатке без сознания, с ужасной глубокой раной в бедре. Магический взрыв исцелил ее рану, но она оставалась без сознания еще

несколько часов после того, как все остальные очнулись. Когда, наконец, Са'ида пришла в себя, она проснулась с криком. Трусанар рассказал ей, что произошло — взрывы, чудесное исцеление и поразительное преображение Инас-Вакенти. Она кивнула, а затем погрузилась в естественный спокойный сон.

Все еще бледная и медленно передвигавшаяся, Са'ида поклонилась Беседующему. Он предложил ей присесть.

«Как вы сегодня, Святейшая? Мне сказали, что из всех душ в Инас-Вакенти вас единственную не укрепила Большая Перемена», — сказал Гилтас.

Она признала, что он прав, потирая лоб и морщась. — «Великий Беседующий, не уверена, что вы осознали, какая огромная сила была выпущена здесь. Это было», — она поежилась, — «ошеломительным. Я буду жить, сир, но, боюсь, никогда больше не буду практиковать высокое искусство».

Настроенная на гармонию с естественным миром своим служением богини, Са'ида восприняла мощную волну как удар, потрясший ее до самого основания. Гигантская сила опалила ей душу, и она больше не могла выносить и мысли о том, чтобы снова вступить в контакт с магией.

«Что вы будете делать, леди?» — спросил Хамарамис.

«Не знаю. Я не могу вернуться в храм». — В том таинственном месте она бы испытывала постоянные муки, да и, кроме того, от нее было бы мало пользы.

«Оставайтесь с нами», — предложил Гилтас. — «Вы всегда будете желанны здесь».

Ее улыбка была вымученной. — «Ваше Величество великодушно, но воздух здесь буквально трещит от скрытой силы. Я не могу остаться».

Он не стал терять времени, пытаясь переубедить ее. Гилтас предложил все, что ей может понадобиться для путешествия, включая поездку на грифоне в любое место по ее выбору. Вместо воздушного транспорта, Са'ида попросила повозку и крепкого коня, чтобы тянуть ее. Она хотела отбыть как можно быстрее.

Пока повозку наполняли едой и водой, Са'ида вложила в руки Беседующего два опечатанных свитка. Один был письмом, которое следовало доставить ее сестрам в храм Элир-Саны. Второй, более толстый сверток пергамента, предназначался Сахим-Хану. На последнее Гилтас смотрел, как на ядовитую змею.

Са'ида сказала, — «Я рассказала ему, что не вернусь в Кхури-Хан, и о своих подозрениях о делишках неракцев в Кхуре, и что я знаю о состоянии его сына. Уверена, он знает, как поступить с этой информацией».

Он пообещал доставить оба послания. Робин возвращался в Кхур с высушенным черепом Фитеруса, чтобы получить немалое вознаграждение. Он мог бы отнести запечатанные свитки вместе со своим призом.

Отбытие жрицы было тяжелым для Гилтаса. Если бы она не бросила вызов неизвестности и не пришла в долину, то ей бы не пришлось переживать Великую Перемену. А из-за этого она теперь потеряла все, что имело для нее значение. Искренне скорбя о ее потере, он встал и обеими руками взял ее за руки.

«Если я вам когда-либо понадоблюсь, святая госпожа, вам нужно только попросить. Вам бесконечно признателен не только Беседующий с Солнцем и Звездами, но и Гилтас Следопыт».

Поцеловав ей руку, он отпустил ее. Са'ида, прихрамывая, удалилась. Трусанар заверил Гилтаса, что необычная рана на ее ноге полностью исчезла, тем не менее, она пока что

оберегала конечность.

Маленькая повозка с запряженной лошадейю покатилаь по естественной улочке из возвышавшихся вязов по пути из Инас-Вакенти, привлекая мало внимания среди всеобщего возбуждения и суеты. Но генерал Таранас и дежурившие в проходе воины вставали на караул, когда бывшая верховная жрица проезжала мимо них.

По ту сторону прохода, позади остатков начатой кочевниками стены, Са'ида бросила поводья, давая лошади возможность самой выбрать путь. Та повернула на юго-запад, держа вне поля зрения утреннее солнца.

Са'ида дремала под своей широкополой шляпой, когда почувствовала рядом чье-то присутствие. Резко выпрямившись, она увидела, что делит сиденье повозки с каким-то стариком. Из-под коротких нечесаных седых волос на нее глядела пара пронизательных глаз. На голове у него был венок из зеленых листьев. Его мантия священника была латана-перелатана.

«Кто ты?» — спросила она. Не успели эти слова сорваться с ее губ, как она уже знала ответ. В душе она прошептала могущественное имя. Са'ида благоговейно сложила руки, восклицая, — «Мой великий владыка!»

Указывая рукой на повисшие поводья, он сказал, — «Тебе бы лучше присматривать за своей лошадейю».

Ее охватил трепет от этих прозаичных слов, и Са'ида сделала, как он просил, беря в руки поводья и направляя бредущую лошадь обратно на узкую пустынную тропу.

Он поудобнее устроился на жестком сиденье. — «Все сложилось хорошо, не думаешь? Для эльфов». — Она молча кивнула. — «Они много выстрадали, но теперь у них есть шанс построить себе новую жизнь».

Наступило озарение. — «Ты спас их!»

«Ну, я указал им верное направление. Они сами спаслись».

Повозка катилась вдоль подножья дюн, недавно изваянных ударной волной из Инас-Вакенти. Попугчик Са'иды что-то достал из складки своей мантии: коричневую летучую мышь.

«Ты мне больше не нужен», — сказал он, поднеся крошечное существо нос к носу. Оно пискнуло в ответ. Он поднял руку к небу. — «Ступай домой».

Летучая мышь взмыла в воздух. Когда та скрылась в ясном небе, Са'ида спросила, зачем он носил ее. Он ухаживал за раненым животным, пока оно не выздоровело?

«Нет. Это была часть моего костюма. Чтобы замаскировать свою деятельность, мне пришлось принять внешний вид давно умершего оракула».

«Оракула Дерева!»

Бог подмигнул. — «Полезное развлечение, но я в нем больше не нуждаюсь». — Глядя на горизонт, он спросил, куда она направлялась.

«Куда отвезет меня лошадь».

«Бывала когда-либо в Квалиности? Нет? Думаю, мы найдем его очень интересным местом».

Он указал пухлым пальцем на юг-юго-запад, и лошадь тотчас соответствующим образом скорректировала свой курс. Са'ида открыла было рот, чтобы протестовать, но закрыла его, не произнеся ни слова. Она сказала Беседующему, что не знает, что будет делать. Теперь знала. Ее связали со старинной родиной эльфов, и она обзавелась новым покровителем. Что у него было на уме, насчет нее и Квалиности, лишь время покажет.

Как и остальная Инас-Вакенти, широкое плато, известное как Лестница Дальнего Видения, претерпела основательные перемены. Когда-то голая скала теперь была полностью покрыта шиповником и жимолостью. Орлиный Глаз описал несколько кругов над ней, пока Кериан пыталась узнать скрытые под облием зеленой листвы и желтых цветов ориентиры. Когда она наконец направила грифона на посадку, тот несколько секунд балансировал на задних лапах, прежде чем осторожно опустить передние лапы в цепляющуюся растительность. Щелкая клювом и ворча, он высказал свое недовольство.

«Мне нужно здесь кое-что сделать», — сказала ему Кериан. — «Я не долго. Не будь таким привередой».

Несмотря на брюзгливый тон, она потратила некоторое время, чтобы расчистить вокруг него участок. Он издал тихую трель. Тепло улыбнувшись, Кериан погладила его по шее, и он улегся вздремнуть. Снова используя свой меч, она прорубила путь к разрушенной башенке.

Останки Фитеруса были все еще там. Муравьи деловито сдирали последние клочки высохшей плоти, но Кериан заботили кости колдуна. Она сама видела, как возродились давно умершие создания долины. От кроликов до зубров, животные Инас-Вакенти были воссозданы из своих древних костей. Несмотря на все надежды Гитантаса, никому из забранных блуждающими огоньками эльфов не повезло так. Никто не знал, почему, но эльфы так и не нашлись.

Тем не менее, Кериан не могла отделаться от непрерывного страха, что могущественный колдун, такой как Фитерус, отыщет какой-либо путь обратно из мертвых. Мудрая Са'ида и начитанный Фаваронас не смогли убедить Львицу, что ее подозрения были беспочвенны, так что она должна была быть абсолютно уверена, что Фитерус никогда больше не сможет омрачить этот мир.

Суставы развалились, и кости были разбросаны. Она срезала зелень и тщательно прочесала пальцами землю, ища даже самые крошечные кости. Отыскав все до единой, Кериан сложила их поверх гнилой мантии колдуна. Убедившись, что ничего не забыла, она полила груду костей и грязную ткань ламповым маслом, и подожгла ее.

Вспыхнул погребальный костер, посылая в небо струйку грязно-желтого дыма. Она подкинула в огонь обрезки лозы и сбитые ветром ветки, превращая его в настоящий костер.

Прошло утро. Кериан сидела на краю Лестницы и ела дикую голубику. Вид был захватывающий, и она позволила себе плениться им. Высоко над Инас-Вакенти пролетали пушистые облака, играя пятнами света и тени на могучих деревьях и сочной листве. Стаи скворцов кружились над головой. Неподалеку с верхушек на верхушки деревьев скакали белки, а птицы выводили трели и пели.

Она поддерживала жаркий костер, подбрасывая хворост и подливая масла. Лишь когда солнце нависло над западными пиками, она позволила пламени погаснуть. Вороша золу веточкой дерева, она давила в пыль любые оставшиеся кусочки костей. Горячую золу и костяную пыль она поместила в глиняный горшок, который отнесла обратно к Орлиному Глазу.

Последние ошметки твари, называвшей себя Фитерусом, не останутся в Инас-Вакенти. Кериан с Орлиным Глазом полетели сквозь долину к проходу. Они залетели далеко в пустыню, прежде чем Львица перевернула глиняный горшок. Ветер подхватил облако золы и

разметал на много миль по кхурским пескам.

* * *

Колонна кочевников, ехавшая по теневой стороне дюны, заметила очень странное дело: направлявшуюся к ним одинокую фигуру. Никто кроме безрассудных *лэддэд* не бродит по пустыне пешком. Кочевники — на самом деле, это были Вейя-Лу — остановили коней и с настороженным любопытством следили за ней, положив руки на рукоятки мечей. На незнакомце была лишь оборванная набедренная повязка. Его кожа была обожжена солнцем до цвета киновари. Либо он был безумцем, одержимым духом пустыни, либо сменившим облик чудовищем. Он поприветствовал их.

«Стой где стоишь!» — приказал старший из кочевников. Он вытащил меч и указал изогнутым клинком на высушенного на солнце призрака. — «Назови себя!»

«Я — Шоббат, сын Сахима, Хана Всех Кхурцев!»

Это разрешило сомнения. Он был сумасшедшим.

Медленно приближаясь с высоко поднятыми руками, он крикнул, — «Посмотрите на меня, и узрите истину!»

«Какую истину?»

«Я пришел из земли мертвых — из Долины Голубых Песков. Я, который был проклят и заключен в тело зверя подлым чужеземным колдуном, был исцелен богами! Теперь я возвращаюсь, чтобы очистить землю Кхура!»

Его слова упали на благодатную почву. Вейя-Лу, все еще горевавшие о потере так многих своих родственников, как и своей Вейядан, прислушались. Они позволили незнакомцу зайти в свои ряды. Под пустынным загаром виднелись черты старшего сына хана. Тем не менее, их лояльность было не так просто завоевать.

«Как давно ты в пустыне?» — спросил один из людей.

Шоббат пожал плечами. — «Не знаю. Я очнулся в долине, нагой как в день своего рождения. Я каждое утро подставлял свое правое плечо восходящему солнцу, на сегодня, три утра».

Вейя-Лу воскликнули. У него с собой ничего не было; была у него до этого провизия? Совсем никакой, ответил он. Они немедленно дали ему бурдюк с водой. Он пил, не с отчаянной жаждой, что должна была донимать его, но медленно, поступая как истинный сын пустыни, который всегда внимателен не потерять ни капли драгоценной воды. Кочевники испытывали благоговейный трепет. Воистину, Те, Кто Наверху, присматривали за принцем. Как еще объяснить, что он не просто выжил три дня в пустыне, но и был в таком хорошем состоянии?

«Можем мы сопроводить Вас обратно в Кхури-Хан, Ваше Высочество?» — спросил старший.

«В свое время». — Шоббат сделал еще глоток. — «Когда я вернусь в город хана, я вытру там дочиста пятна коррупции. Мой отец ведет дела со всевозможными чужеземцами. Он берет их монеты, лебезит перед ними и защищает их, все это время притесняя добродетельных приверженцев своего собственного народа, тех, кто следует Кондору».

Кочевники одобритительно кивнули на этот эпитет. Даже собственные дети Торгана не использовали неосмотрительно его истинное имя.

Шоббат добавил, — «Я не позволю этому продолжаться. Те, Кто Наверху, сохранили меня, чтобы повести праведников против продажного и недостойного правителя!»

В глазах Шоббата сверкал огонь праведности. Все люди ощутили это, у них перехватило дыхание, словно в лицо плеснули ледяной водой. Один за другим были извлечены и высоко подняты мечи. Кочевники также подняли голоса, выкрикивая, — «Да здравствует Благословенный Пустыней Принц! Да здравствует Сын Мстителя!»

Крики продолжались долгое время. Шоббат стоял в центре кольца людей, впитывая шумные приветствия, как дерево впитывает ключевую воду. Эта дюжина Вейя-Лу были его первыми неофитами. Последуют другие, намного больше, и стены Кхури-Хана содрогнутся.

Эпилог

До конца лета прибыли эмиссары. Они пришли из Соламнии и Эргота, Санктиона и Шелси, а также многих других городов со всех концов земли. Солдаты среди делегаций практичным глазом отмечали возводимую поперек устья долины большую стену. Ее конструкция была типично эльфийской: грациозная и гладкая, с парящими контрфорсами и высокими башнями, чьи изящные формы противоречили их огромной прочности. Позади внешней стены начали вторую, а за той лежал фундамент третьей. Окружавшие Инас-Вакенти горы были богаты гранитом. Не требовалось особых усилий, чтобы сделать стены высокими и толстыми. Потребуется некоторое время, прежде чем оборонительные сооружения будут закончены, но, когда это произойдет, никакая армия не смеет надеяться преодолеть проход.

Посетителей сопровождали по дороге из мелко дробленого голубого гранита к многообещающему городу в центре долины. Там их принимал Беседующий с Солнцем и Звездами во дворцовом комплексе, строившемся на вершине самой большой цельной каменной плиты, из когда-либо виденных посетителями. Никто не знал предназначение Тимпанума, но все удивлялись разделявшей его широкой трещине.

Еще до того, как зима предъявила свои права на внешний мир, из Кхури-Хана прибыл особый посланник. Генерал Хаккам привел отряд из сорока благородных лордов двора Сахим-Хана. Все были облачены в кхурские доспехи, пышное зрелище, хотя и варварское, на взгляд эльфа. На верхушках широкополых шлемов были золотом выполнены тотемы кланов. Каждое плечо, каждый локоть ошетинились блестящими стальными шипами, а защищавший от солнца плащ с капюшоном у каждого человека был безупречно белым — цвет достатка в пыльном Кхуре.

Будучи скорее городскими обитателями, чем суеверными кочевниками, кхурская делегация, тем не менее, предпочла не входить в Долину Голубых Песков. В качестве примирительного жеста по отношению к своим вынужденным союзникам, Гилтас нарушил протокол, встретив их прямо внутри незавершенной стены долины. Он прибыл пешком, укрываемый от позднего солнца длинным навесом из цветов, поддерживаемым дюжиной молодых эльфов. Хотя и большой, навес весил очень мало, и покрывался рябью от незначительного бриза. Проницательный Беседующий также оделся в белое. Даже его сандалии из кожи зубра были бледными как горный снег. Единственными цветными мазками были квадратной формы оговоренные аметисты, украшавшие концы затянутого вокруг талии его платья шнура.

За сувереном следовали Хамарамис, Таранас и эскорт из воинов. Они также были

облачены в белое, с украшениями из цветов. Шоу было тщательно отрежиссировано, и произвело именно такое впечатление, как и планировал Гилтас. Будучи жителями пустыни, кхурцы с глубоким почтением относились к цветам и зеленым растениям. Появление его людей усыпанными цветками — пусть и зима была близко, все равно — намного лучше провозглашало могущество Гилтаса, чем позолоченные наряды. Эльфы представляли собой пышную демонстрацию богатства и успеха, тех самых, что наполняли животы и пухлые сундуки доходом от торговли.

Кхурская делегация остановила своих коней и с трудом скрываемым удивлением наблюдала за приближением хана *лэддэд*. Вместо серебряной или золотой короны на Гилтасе был венок из зеленого плюща. Когда он остановился, юноши также остановились, вызвав тихую волну по всей длине цветочного навеса.

«Приветствую, Великий Беседующий! Да продлится твое правление тысячу лет!» — крикнул Хаккам.

«Ох, не так уж это и долго», — добродушно ответил Гилтас, обращая кхурскую гиперболу в слабое напоминание о большой продолжительности жизни эльфов. Хамарамис с Таранасом с трудом сдержали улыбки.

Несколько сбитый с толку, Хаккам моргнул, но продолжил.

«Здоров ли ты, Великий Беседующий?»

«Вполне. Как поживает мой друг, могущественный Сахим-Хан?»

«Хан Всех Кхурцев радуется страху своих врагов!»

«Несомненно. Какие новости вы принесли, генерал?»

«Могущественный Сахим-Хан велел мне сообщить тебе, что когда высоко в небе появились осенние звезды, он выпроводил неракского посла и всех его наймитов».

«Хорошо!» — произнес Хамарамис. Гилтас взял долгую паузу, прежде чем ответить, молча упрекая генерала за несвоевременное высказывание, а затем справился у Хаккама, что подтолкнуло к этой высылке.

Человек нахмурился. — «Хорошо известно, что люди из-за гор давно строили заговор против нашего августейшего хана. Ваше Величество несколько месяцев назад прислало моему повелителю доказательство этого».

Гилтас не имел вестей от Робина, преуспел он или потерпел неудачу в своем посольстве хану. Он был рад узнать, что охотник за головами доставил послание жрицы.

«Да», — милостиво сказал он. — «Много месяцев назад».

Хаккам навалился на луку седла, хмурясь на скрытую критику. — «Корни взяточничества и вероломства были глубоки. Верным вассалам хана потребовалось время, чтобы вывести всех на чистую воду».

Гилтас передал свои поздравления Сахим-Хану и его преданным защитникам. — «Это все?» — спросил он.

Сорок кхурских лордов заерзали в седлах. Очевидно, это было не все, что прибыл сказать Хаккам, но у него явно были сложности с подбором слов. Наконец, он сказал, — «На юге нашей страны разгорелось восстание. Племена сплотились вокруг своего вероломного лидера».

Многие из присутствовавших эльфов тотчас подумали о Портиосе. Но тот отправился в Квалиности. Он не должен был и близко быть рядом с Кхуром.

«Кто этот лидер?» — спросил Гилтас.

«Тот, кто был Шоббатом».

Несмотря на свое удивление, Гилтас аккуратно отметил эту фразу: не «Наследным Принцем Шоббатом», не «Его Высочеством», а просто «Шоббатом». Он выразил сожаление таким поворотом событий, сказав: «Семейные раны всегда самые глубокие».

Хаккам вытащил из латной рукавицы короткий скрученный свиток. Таранас подъехал вперед, чтобы передать его Гилтасу.

«Мой повелитель, могущественный Сахим-Хан, предлагает союз. В этом документе его условия. Если Великий Беседующий сочтет нужным прочесть...»

«Сочту». — Гилтас сунул свиток за пояс. — «Когда сделаю это, я дам вам свой ответ».

Он отвернулся. Носильщики навеса развернулись кругом. Хамарамис с воинами развернули коней, и вся свита отбыла путем, которым пришла. Кхурцев оставили разозленными. Все, что мог сделать Хаккам, это отвести свою делегацию обратно за незаконченные стены, где они разобьют лагерь и будут ждать ответа Беседующего.

Гилтас в одиночестве вернулся в свою палатку — не большое открытое строение, в котором он решал повседневные государственные дела, а меньшее жилище, служившее его личными покоями, пока, когда-нибудь, не достроят новый дворец. По собственному декрету Гилтаса, фокус строительства в Инас-Вакенти вместо дворца был на более скромных строениях. Для него было гораздо важнее, чтобы у его народа была прочная крыша над головой. Когда с этим закончат, тогда возобновят работу над королевской резиденцией Беседующего.

Внутри он обнаружил откинувшуюся в складном кресле Кериан. Ее лицо обрело румянец, а волосы достаточно отросли, чтобы задевать плечи. Ее беременность была хорошо заметна, и она не побеспокоилась попытаться встать, когда он вошел.

Беременность продвигалась намного быстрее обычного. Трусанар считал, что Великая Перемена каким-то образом ускорила процесс. Все эльфийки в Инас-Вакенти, бывшие беременными, продвинулись в процессе намного дальше, чем обычно. Странно, но популярным мнением было, что души потерянных из-за блуждающих огоньков воинов возвращались в тела новорожденных. Кериан открыто насмеялась над такими идеями, но не Гилтас. Его собственные потери были достаточно серьезными, чтобы он никогда не отказывал в утешении другим. Он знал, что до конца своих дней будет горевать о смерти матери и Планчета.

«Как там старина Хаккам?» — спросила она, неловко ерзая в кресле.

«Пиратствует, как обычно».

Гилтас подошел к маленькому буфету и налил им обоим немного фруктового сока. Протянув ей чашку, он вытащил свиток из-за пояса. — «Он дал мне это. Сахим хочет альянса. Восстание Шоббата продвигается успешно».

«Что собираешься делать?»

Он сел лицом к Кериан и положил руку ей на живот. — «Поговорить со своим сыном».

«Мы не знаем, что это будет мальчик».

«Трусанар так сказал». — Гилтас закрыл глаза. — *Привет, сын. Как ты сегодня? Если в порядке, дай нам знак.*

Общался или нет Гилтас с их ребенком, малыш довольно энергично пнул мать. Открывая глаза, Гилтас широко улыбался. Кериан отпихнула его руку, но скупая улыбка коснулась ее лица.

«Прекрати учить ее дурным привычкам». — Снова становясь серьезной, она добавила. — «Ты помнишь о нашей сделке?»

Он вздохнул. — «Ты все еще собираешься заставить меня придерживаться ее?»

«Да!»

«А как же наш ребенок? Ты так легко сможешь оставить его одного?»

«Одного? Гил, десятки эльфов будут бороться за шанс ухаживать за ним!»

«Ребенку нужна его мать».

«И его отец. И родина».

Это был старый спор, вновь получивший актуальность из-за потока новостей с запада. От Эльханы пришла весточка, что революция в Квалиности застопорилась. Армия Освобождения в разгар лета высадилась на восточном берегу и направилась в глубь страны, быстро разрезая страну надвое. Армию Самувала вытолкали через границу обратно в Абанасинию. Казалось, это конец бандитского правления, но местные неракские силы контратаковали к югу от реки Ахланлас, снимая осаду и освобождая армию Самувала. Разгорелась порочная война взад-вперед: одна из сторон брала город лишь для того, чтобы уже на следующей неделе потерять его. Центральный Квалиности стал необитаемым, полный покинутых деревень и разграбленных ферм. Безжалостный тупик был не выгоден никому, тысячи солдат Самувала наряду с эльфами сражались с голодом. Керриан была полна решимости присоединиться к борьбе, и она заключила сделку с Гилтасом. Как только родится ребенок, она улетит в Квалиности. Он согласился, веря, что когда действительно придет это время, она не сможет оставить их ребенка. С тех пор он не переставал бранить себя за глупость. Когда вообще Львица демонстрировала нежелание присоединиться к борьбе, чего бы ей это ни стоило?

Этот спор был бессмысленным, но он все еще делал попытки. Гилтас взял ее за руку. — «Ты в самом деле можешь покинуть нас?»

«Лишь с твоего благословения». — Керриан крепко сжала его руку. — «Оно у меня есть?»

Его глаза наполнились мукой, и она притянула его ближе. Какая польза от того, чтобы хотеть, чтобы она была не такой, какой была? Изменит ли он ее, если попробует? Конечно же, нет. Но часть его не могла не желать, чтобы она прекратила подвергать себя опасности.

Ткнувшись лицом ей в шею, Гилтас прошептал, — «У тебя есть мое благословение, как бы ты ни выбрала поступить».

Он гордился ее мужеством и, в конечном счете, разделял ее стремление вернуть потерянными ими земли. Но он не мог позволить себе роскошь следовать за этой мечтой. В такие как этот моменты Гилтас ненавидел быть Беседующим, не способный отрицать приоритет блага государства перед своей собственной семьей. Такова была цена королевского сана.

* * *

Их ребенок родился в первый день нового года. Дать сыну имя было привилегией отца, и Гилтас выбрал имя Балифарис, означавшее «Молодой Балиф».

Хамарамис, замещавший отца матери, держал руку Керриан во время родов. Позже он клялся, что ему было в тот момент больнее, чем ей. На его руке и в самом деле была повязка, но Трусанар заверил его, что переломы аккуратно срастутся.

Мокрая от пота, Керриан прижала к себе сына. Мать и дитя погрузились в сон. Старый

генерал шепотом спросил Беседующего значение выбранного им имени.

«Балиф, хоть и проклятый и изгнанный, выковал новую нацию. Надеюсь, мой сын сможет сделать то же самое». — Его странная галлюцинация, когда он находился на грани смерти, оставила у Гилтаса чувство родства с давно мертвым сильванестийцем.

Откровенно говоря, Кериан была любящей матерью. Но она также была верна своему слову. Спустя три месяца после рождения Балифариса, она эмоционально попрощалась с сыном и мужем, оседлала Орлиного Глаза и улетела в вечернее небо.

Когда она с грифоном скрылись из виду, Гилтас почувствовал на плече руку. Это был его старый архивариус, Фаваронас.

С момента Великой Перемены любимый библиотекарь Беседующего мало появлялся на виду, проводя все дни, записывая свои странные приключения в Молчаливой Долине. Его тесное общение с колдуном Фитерусом привело его к удивительным выводам о происхождении Инас-Вакенти и ее силы. Он считал, что за странной природой долины стояли не драконьи камни и божественная магия. Столетия до и после основания первого эльфийского королевства Беседующий Сильванос, поддерживаемый корпусом могущественных магов, трудился, чтобы подавить любую духовную оппозицию трону. Маг за магом, у врагов Беседующего отбирали их силу и запечатывали в каменные столбы Инас-Вакенти. К примеру, Общество Коричневых Капюшонов диких колдунов было уничтожено до последнего эльфа. Позднее, маг Ведведсика попытался создать свою собственную расу, используя темную магию для преобразования животных в подобие эльфов. Этим трансформациям был положен конец. Рассматривавшиеся как мерзость, его творения навсегда были заточены в Инас-Вакенти, вместе со своим создателем. Ведведсика и был тем упоминавшимся в свитках «Отцом, Который Не Сделал Своих Детей».

Летающие огоньки были поставлены охранять долину, удерживая звероэльфов внутри, а всех остальных животных — снаружи. Но одно из существ бежало, возможно, с помощью Ведведсики, и при помощи запретного заклинания долголетия поддерживало в себе жизнь, чтобы однажды получить возможность отомстить за то, как обошлись с изгнанниками. Этим единственным беглецом был Фитерус, ненавидевший расу эльфов и строивший планы ее уничтожения.

Завершив хроники, Фаваронас взял на себя новую роль, наставника сына Беседующего.

«Пойдемте, сир», — тихо сказал он. — «Время начать давать ребенку уроки».

Отвлекаясь от проглотивших его жену облаков, Гилтас с удивлением посмотрел на него.

«Но он еще младенец».

Ученый повесил на плечо большую сумку со свитками. — «Да, сир. И ему нужно так многому научиться».

* * *

Возле пустой вулканической оболочки, бывшей некогда домом Оракула Дерева, на песке сидел старик, прислонившись спиной к черной каменной пирамиде. Он считал свою внешность прекрасной. Старость — внешность старика, как у человека — давала множество преимуществ. Слушатели были почтительны. Они не падали, съездившись, лицами ниц, и не ждали, что он сделает невозможные трюки одним щелчком пальцев. Он таинственным образом приходил и уходил, давал подходящие невразумительные советы, и мягко направлял

усилия смертных, вместо того, чтобы управлять ими. Это было самым приятным занятием.

Было.

Он понес суровое наказание за вмешательство в судьбу эльфов. Едва осень окрасила леса старого Квалинесты во все оттенки золота и багрянца, его выдернули и судили. Приговор был пятьсот лет изгнания, лишение божественной силы и (поворот, который он считал особенно ироничным) заключение в немощное тело, которое он когда-то использовал лишь для маскировки. На сегодня у него оставалось еще впереди четыреста девяносто девять лет и десять месяцев.

Он откинул голову и рассмеялся. Этот звук отразился от каменной пирамиды у него за спиной и разнесся по пустым пескам, пока расстояние не поглотило его. Его изгнали, заключили в слабое и болезненное тело, но зато раса эльфов уцелеет.

Оно того стоило.

Больше книг на сайте - Knigolub.net